ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2015

ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2015, № 2 (54)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (главный редактор)
С.С. Сибатрова (зам. главного редактора)
Т.Л. Молотова (отв. секретарь)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Казанцев Д.Е. Редупликация как один из древнейших грамматических способов. 3
Цыпанов Е.А. Модифицированная модель лингвоэтногенеза пермян. 17
Ерошкин Ю.В. Крестьянские восстания на территории Марийского края в период военного коммунизма. 31
Токпулатов В.Г. Проектируемость как основное свойство марийской культуры. 37

СООБЩЕНИЯ

Кудрявцев А.Н. Царевококшайцы в Карпатах зимой 1915 г. в составе 260-го пехотного Брацлавского полка..... 46
Кошкина О.А. Вклад ученых Марийского научно-исследовательского института в изучение истории Великой Отечественной войны. ... 56
Соловьев А.А., Айплатов Г.Н. Европейские путешественники о Марийском крае XIX века. 63
Молотова Т.Л. Традиционные обряды и обычаи, связанные с первым годом жизни ребенка у восточных марийцев. 71
Долгополов С.В. О времени и пути проникновения гребенчато-шнуровой керамики в лесное Поволжье (к постановке вопроса). 84

ПЕРСОНАЛИИ

Сергеев О.А. Чхаидзе Михаил Павлович – исследователь марийского языка (к 110-летию со дня рождения). 88
Сибатрова С.С. Анна Андреевна Саваткова – исследователь родного марийского языка (к 90-летию со дня рождения). 92
Лисовская Г.К. «Не погаси в себе огня» (к юбилею Н.А. Буриловой).. 96
Никитин В.В., Кувшинская Т.Л. Юбилей Б.С. Соловьева. 101
Пунегова Г.В., Мусанов А.Г. Юбилей Е.А. Цыпанова. 104

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Кудрявцева Р.Р. Рец: История чувашской литературы XX в. Часть 1 (1900–1955 годы): коллективная монография / Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук; отв. ред. В.Г. Родионов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с. 108
Ракин А.Н. Рец.: Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Чебоксары, 2015. – 218 с. 111

ХРОНИКА

Федосеева Н.А. XV Игнатьевские чтения. 118
Сергеев О.А. XII Международный конгресс финно-угроведов. 120
Молотова Т.Л., Лехтинен И. Этнологическая экспедиция – марийцы Татарстана глазами исследователей. 122
Сведения об авторах. 127

«Финно-угроведение», 2015, № 2

СТАТЬИ

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ

Грамматические способы – это материальные средства, используемые для выражения грамматических значений. Количество грамматических значений, встречающихся в языках мира, огромно. Средства выражения этих значений ограничены. Одним из грамматических способов, распространенных во многих языках независимо от их происхождения и морфологического типа, является редупликация. Термин редупликация (от лат. *reduplicatio* «удвоение, повтор») не имеет единого определения. Под этим термином обычно понимают разнообразные внутри- и межсловные удвоения, которые используются для построения различных форм словообразования. В основе редупликации лежат агглютинация (от лат. *agglutinare* «приклеивать») и словосложение.

1. Классификация удвоений

Удвоения различаются по степени распространения в языках мира. Одни из них встречаются во многих языках, а другие ограничены в своем распространении. Общей классификации до сих пор нет. Но как те, так и другие можно характеризовать по двум пересекающимся признакам:

1) по модели (или способу) образования;

2) по семантике.

По первому признаку редупликация бывает: 1) полной, если повторяется слог, морфема, все слово или его основа; 2) неполной (или частичной), если повторяется один из элементов редупликанта; 3) дивергентной (от лат. *divergere* «обнаруживать расхождение»), если изменяется звуковой состав редупликатора.

По второму признаку удвоения могут выражать разнообразные значения. Несмотря на это, основные значения, передаваемые ими, обнаруживают известную общность. Вот почему при рассмотрении редупликации с точки

зрения методологической наиболее целесообразной представляется опора на ее семантику. Удвоения используются для выражения множественности, высшей степени признаков предмета, характера протекания действий и т. д. Рассмотрим отдельно способы выражения этих значений.

2. Семантика удвоений и способы ее выражения

В языках мира удвоения выполняют следующие функции:

1. Слова-повторы выражают множественность предметов. Человечество к идее множественности пришло через идею двойственности. Простое повторение слова, обозначающего один предмет, естественно создало почву для возникновения первоначального представления людей о множественности. Этот факт отражает переход человечества от конкретного мышления к абстрактному [1, с. 21–22]. Причем модели удвоения, которыми выражается множественность, могут быть различными.

1) полное удвоение:

Языки	Единственное число	Множественное число
Армянский	*gund* «полк»	*gund-gund* «полки»
Бушменский	*ка* «рука»	*ка-ка* «руки»
	кои «камень»	*кои-кои* «камни»
	kwiri «пропасть»	*kwiri-kwiri* «пропасти»
	tu «рот»	*tu-tu* «рты»
Готтенготские (Юго-Западная Африка)	*gâna* «мать»	*gâna-gâna* «матери»
Древнеаккадский	*mada* «страна»	*mada-mada* «страны»
	si «рот»	*si-si* «рты»
Индонезийские	*kuda* «лошадь»	*kuda-kuda* «лошади»
	orang «человек»	*orang-orang* «люди»
Каракалпакский	*төбе* «гора»	*төбе-төбе* «горы»
Кечуа (Южная Америка)	*pai* «он»	*pai-pai* «они»
	cai «это»	*cai-cai* «эти»
Китайский	*жень* «человек»	*жень-жень* «люди»
	син «звезда»	*син-син* «звезды»
Малайский	*raja* «вождь»	*raja-raja* «вожди»
Непальский	*бхай* «брат»	*бхай-бхай* «братья»
Сомалийский	*ur* «тело»	*ur-ur* «тела»
Хинди	*des* «страна»	*des-des* «страны»
Яванский	*homah* «дом»	*homah-homah* «дома»
	ratu «правитель»	*ratu-ratu* «правители»
Японский	*yama* «гора»	*yama-yama* «горы»

2) частичное удвоение. Можно выделить такие разновидности:

а) повторяется первый слог:

Гавайский	*nui* «дом»	*nunui* «дома»
Индейские (Мексика)	*pitin* «девушка»	*pipitin* «девушки»
	teodi «человек»	*teteodi* «люди»
Индонезийские	*ili* «город»	*ilili* «города»
	purok «деревня»	*purpurok* «деревни»
Полинезийские	*pai* «рыба»	*papai* «рыбы»
	lahi «кит»	*lalahi* «киты»
	tele «дерево»	*tetele* «деревья»
Филиппинские	*anak* «дитя»	*ananak* «дети»
	dálan «дорога»	*daldálan* «дороги»
	piŋgan «блюдо»	*piŋpiŋgan* «блюда»
	tálon «поле»	*taltálon* «поля»
	úlo «голова»	*ulúlo* «головы»

б) повторяется конечный слог:

Индейские (Мексика)	*nwe* «ты»	*nwewe* «вы»
Индейские (Невада)	*gusu* «бизон»	*gususu* «бизоны»
Тагальский (о. Филиппины)	*maitai* «мужчина»	*maitaitai* «мужчины»

3) дивергентное удвоение:

Древнеаккадский	*kur* «гора»	*kur-kura* «горы»
Японский	*hito* «человек»	*hito-bito* «люди»
	kuni «страна»	*kuni-guni* «страны»

Значение множественного числа передают все три вида редупликации. Повторение слов для выражения множественности встречается в австронезийских (в индонезийских, малайском, тагальском, яванском), индийских (в непальском и хинди), африканских (в бушменском, готтенготских), семитских (в древнеаккадском), китайском и японском языках. В индоевропейских языках значение множественности обычно передается при помощи внутренней и внешней флексии (ср., например, в английском: *goose* [gu:s] «гусь» и *geese* [gi:s] «гуси», *book* [buk] «книга» и *books* [buks] «книги»). Но как пережиточное явление редупликация, выражающая форму множественного числа, сохранилась в армянском и хинди языках (см. примеры).

2. Слова-повторы образуют разделительные числительные. Они обозначают принадлежность понятия количества к каждому объекту в отдельности. Известны следующие модели их образования.

1) полное удвоение:

Языки	Количественное числительное	Разделительное числительное
Аварский	*ki* «два»	*ki-ki* «по два»
	lab «три»	*lab-lab* «по три»
	šu «пять»	*šu-šu* «по пять»
Азербайджанский	*бир* «один»	*бир-бир* «по одному»
	ики «два»	*ики-ики* «по два»
Ведийский	*dvā* «два»	*dvā-dvā* «по два»
Венгерский	*egy* «один»	*egy-egy* «по одному»
	két «два»	*két-két* «по два»
	három «три»	*három-három* «по три»
Негритянские (Африка)	*firin* «один»	*firin-firin* «по одному»
	sekun «два»	*sekun-sekun* «по два»
	nani «три»	*nani-nani* «по три»
Новоперсидский	*yek* «один»	*yek-yek* «по одному»
	sata «сто»	*sata-sata* «по сто»
Тувинский	*бир* «один»	*бир-бир* «по одному»
	ийи «два»	*ийи-ийи* «по два»
	он «десять»	*он-он* «по десять»
Хамитские	*biu* «два»	*biu-biu* «по два»
	uku «три»	*uku-uku* «по три»
	hudu «четыре»	*hudu-hudu* «по четыре»

Полное удвоение при образовании разделительных числительных встречается в африканских (в негритянских), дагестанских (в аварском), индоиранских (в ведийском и новоперсидском), тюркских (в тувинском) и финно-угорских (в венгерском) языках. По структуре они представляют разные морфологические типы: агглютинативный, флективный, интрофлективный или символико-фузионный и эргативный;

2) частичное удвоение количественных числительных с дистрибутивным (от лат. *distributus* «разделенный, распределенный») значением. В эту группу входят удвоения, члены которых повторяются в косвенных падежах. Такой способ образования характерен для некоторых финно-угорских и тюркских языков.

Мансийский	*ак* «один»	*аквал-аквал* (твор. пад.) «по одному»
Марийский	*икте* «один»	*иктын-иктын* (род. пад.) «по одному»
	кокыт «два»	*коктын-коктын* (род. пад.) «по два»
Мордовские	*вейке* «один»	*вейкень-вейкень* (род. пад.) «по одному»
	кавто «два»	*кавтонь-кавтонь* (род. пад.) «по два»
Чувашский	*пĕрре* «один»	*пĕррĕн-пĕррĕн* (твор. пад.) «по одному»
	иккĕ «два»	*иккĕн-иккĕн* (твор. пад.) «по два, парами»

Разделительные числительные образуются также аналитическими конструкциями, в которых между повторяющимися редупликантами вклиниваются предлоги. Такие примеры известны в романских и германских языках, относящихся генетически к флективному типу: франц. *un á un* «по одному», исп. *uno a uno* «по одному», нем. *je zwei und zwei* «по два», англ. *one by one* «по одному». Типологически сходные образования в разных ветвях индоевропейских языков могли появиться под влиянием латинского языка. В классической латыни аналитические формы распределительных числительных отсутствовали, но они встречались в церковных книгах (ср., например, *duo et duo* «по два»), переведенных с греческого и древнееврейского языков [1, с. 26–27]. В свое время католическая литература с латинского языка массами переводилась на германские и романские языки. Так что вероятность влияния латинского языка на процесс формирования аналитических конструкций, выражающих распределительные числительные, в указанных языках достаточно велика.

3) дивергентное удвоение:

Грузинский	*or* «два»	*or-ori* «по два»
	sam «три»	*sam-sami* «по три»

Как видно, удвоение, посредством которого образуются распределительные числительные, встречается в разных языках по происхождению и морфологическому типу. На этом основании можно заключить, что языки мира на ранних этапах своего развития пережили стадию распределительного удвоения [1, с. 27].

3. Слова-повторы образуют превосходную степень прилагательных. Для этого используются следующие способы.

1) полное удвоение:

Языки	Положительная степень	Превосходная степень
Аккадский	*gal* «большой»	*gal-gal* «очень большой»
Английский	*big* «большой»	*big-big* «очень большой»
Башкирский	*зур* «большой»	*зур-зур* «очень большой»
Гавайский	*lii* «маленький»	*lii-lii* «очень маленький»
Гагаузский	*узун* «длинный»	*узун-узун* «очень длинный»
Древнееврейский	*maed* «хороший»	*maed-maed* «очень хороший»
Коми-зырянский	*ӧтик* «один»	*ӧтик-ӧтик* «очень редкий»
Марийский	*изи* «маленький»	*изи-изи* «очень маленький»
Мокшанский	*мазы* «красивый»	*мазы-мазы* «очень красивый»
Суданский	*tea* «полный»	*tea-tea* «совершенно полный»
Туркменский	*бейик* «высокий»	*бейик-бейик* «очень высокий»
Турецкий	*буюк* «большой»	*буюк-буюк* «очень большой»
Узбекский	*ширин* «сладкий»	*ширин-ширин* «очень сладкий»
Чувашский	*хура* «черный»	*хура-хура* «очень черный»
Хинди	*lamba* «длинный»	*lamba-lamba* «очень длинный»
Эрзянский	*сыре* «старый»	*сыре-сыре* «очень старый»
Якутский	*хара* «черный»	*хара-хара* «очень черный»

2) частичное удвоение:

Гавайский	*loloa* «длинный»	*lolololoa* «очень длинный»
Маори	*nui* «большой»	*nunui* «очень большой»

Полное и частичное удвоения, с помощью которых образуется превосходная степень прилагательных, известны в африканских (в суданском), индоевропейских (в английском, хинди), полинезийских (в гавайском, маори), семитских (в аккадском, древнееврейском), тюркских (в башкирском, гагаузском, турецком, туркменском, узбекском, якутском) и финно-угорских (в коми-зырянском, марийском, мокшанском и эрзянском) языках. Эти модели были свойственны ранним стадиям языкового развития. На последующих стадиях эволюции языков появились новые разновидности удвоения. Здесь отметим три подвида.

Первый подвид. Один из повторяющихся членов сложного слова принимает формы косвенных падежей. Для индоевропейских языков характерны конструкции, в которых существительное, являющееся вторым членом, имеет форму родительного падежа во множественном числе: лат. *bonus-bonorum* «добрый из добрых»; рус. *основа основ* «самое главное», *суета сует* (выражение из библии) «мелочные заботы, бесполезное». В монгольских и тюркских языках в форме косвенного – исходного – падежа употребляется первый член: чув. *аслăран аслă* «величайший» (букв. «из великих великий»), *хĕрлĕрен хĕрлĕ* «самый красный» (букв. «из красных красный»); тат. *кызылдан кызыл* «самый красный» (букв. «из красных красный») [2, с. 126]. К этому виду удвоений можно отнести эрз. *покштояк покш* (*покш* «большой; старший») «больше всех, самый большой» (отлож. пад.) и удм. *кематэсь но кема* (*кема* «долго») «давным-давно» (разд. пад.), в которых первый член удвоения (возможно, под тюркским влиянием) употребляется в косвенных падежах. В отличие от эрзянского и удмуртского языков в коми-зырянском форму косвенного падежа имеет второй член удвоения: *тіри-тариӧн* (ср. *тіри* «бабочка, мотылек», *тірны* «дрожать, трястись») «со стуком, с шумом» (твор. пад.).

Второй подвид. В марийском языке превосходная степень прилагательных может образоваться аналитическим способом – при помощи послелога *деч* «от», который употребляется между повторяющимися членами: *мотор деч мотор* «самый красивый, красивейший», *ушан деч ушан* «самый умный, умнейший». В коми-зырянском языке при образовании превосходной степени члены редупликации могут соединиться сочинительным союзом: *вильс да вальс* «очень скользко» [3, с. 38].

Третий подвид. В монгольских и тюркских языках при образовании превосходной степени прилагательных широко применяется особый тип частичных удвоений. В отличие от стандартных неполных удвоений, характерных для изолирующих языков, в них к повторяющемуся члену присоединяются согласные *б, п, м, и*: монг. *хаб-хара*, якут. *хап-хара*, кар.-

балк. *габ-гара*, тат. *кап-кара*, чув. *хуп-хура* «черный-пречерный»; туркм. *гөм-гөк*, чув. *кăн-кăвак* «очень синий» [см. 2, с. 126]. Некоторые подобные образования с согласным *п* из соседних тюркских языков проникли в марийские диалекты: тат. *тап-таза* → мар. *тап-таза* «совершенно здоровый»; тат. *сап-сары* → мар. *сап-сарс* «очень желтый»; тат. *туп-туры* «совершенно прямой» → мар. *туп-тура* «очень крутой»; чув. *тăп-тăнăсь* → мар. *тып-тыныс* «очень тихий, очень спокойный». Под влиянием соседних тюркских языков нестандартные частичные удвоения, образующие превосходную степень прилагательных, появились и в исконных словах марийского языка: *леп-леве* «очень теплый», *яп-яра* «совсем пустой». Список подобных удвоений, которые образовались на почве марийского языка по тюркской аналогии, можно расширить: *тып-тымык* «очень тихий», *чап-чара* «совершенно голый», *чуп-чувар* «очень пестрый» [см. 4, с. 163].

Разнообразны модели образования превосходной степени прилагательных в русском языке: 1) простое повторение: *большой-большой, синий-синий, черный-черный*; 2) употребление префикса перед вторым членом удвоения: *веселый-развеселый, крепко-накрепко;* 3) использование в качестве второго члена редупликации имени прилагательного, образованного от имени существительного или наречия: *чудо-чудное* (в сказке), *маломальский*; 4) употребление первого члена удвоения в творительном падеже: *давным-давно, черным-черно*; 5) изменение звукового состава: *такой-сякой* «нехороший во всех отношениях», *тяп-ляп* «небрежная работа» [1, с. 29–30; 5, с. 70]. Эти способы в совокупности, используемые для образования превосходной степени прилагательных, свидетельствуют о национальной специфике русского языка.

4. Слова - повторы демонстрируют характер протекания действий. Действия могут быть продолжительными или интенсивными. Эти значения передают такие разновидности повторов:

1) полное удвоение: индейские (Южная Америка) *jâ* «дать» → *jâ-jâ* «давать»; готтенготские *go* «смотреть» → *go-go* «пристально смотреть»; сомалийский *fen* «глодать» → *fen-fen* «обгладывать»; суахили *tafuta* «искать» → *tafuta-tafuta* «долго искать»; рус. *шел-шел и упал* «долго шел и упал»; мар. *кает-кает, кушко гына от шу* «идешь-идешь (долго идешь), куда только не дойдешь»;

2) неполное удвоение: австралийские *bumara* «бить» → *buma-bumara* «продолжать бить»; полинезийские *tupu* «расти» → *tutupu* «буйно расти»; индонезийские *melihat* «смотреть, видеть» → *melihat-lihat* «осматриваться»;

3) дивергентное удвоение: венг. *rontani* «портить; губить» и *bontani* «разлагать; пороть» → *rontani-bontani* «постоянно, беспрестанно портить» [6, с. 242]; коми-зыр. *кывны* «слышаться (о звуке)» → *ува-авакывны* «слышаться (о звуке) с разных сторон» [3, с. 38].

5. Слова-повторы выражают новые лексические значения. В этом случае используются три вида повторов:

1) полное удвоение: рус. (дет.) *ко-ко* «яйцо»: *кокнуть* «ударить яйцо об яйцо; убить»; суданский *dii* «глубина» → *diidii* «бездна, пропасть»;

2) неполное удвоение: малайский *lauya* «клен» → *lauya-lalauya* «кленовая роща», *payi* «рис» → *papayi* «рисовое поле»;

3) дивергентное удвоение. Этот вид образуется по-разному:

а) заменой гласных звуков в повторяемом редупликанте, который по своему происхождению в ряде случаев бывает звукоподражательным: англ. *flim-flam* «вздор, ерунда», *riff-raff* «подонки общества; отбросы»; нем. *Zick-Zack* (*Zacke* «зубец, зазубрина»), франц. *zig-zag*, англ. *zig-zag*, рус. *зигзаг* «ломаная линия; первоначально: особый вид окопов»; нем. *Krimkrans* «хлам», *Mischmasch* «мешанина», кит. *ping-pang* «стук дождевых капель о крышу» → *пинг-понг* «настольный теннис»; мар. *кырт-корт* «живо, быстро», *йыжве-яжве* [йажве] «редко», *сынге-сонго* «спотыкаясь, шатаясь»; эрз. *тупавкс-тапавкс* «жалкий»; удм. *лукыр-лакыр* «неряшливый». Нельзя не заметить, что во всех примерах независимо от происхождения и типа языка гласный первого слога второго члена всегда более низкий по степени подъема, чем заменяемый гласный основания. Этот вывод подтверждают наблюдения М.А. Сахаровой. Она отмечает, что в коми языке изобразительные наречия образуются путем удвоения основ с чередующимися гласными *у-а, и-о, у-э, ы-а, и-а, э-а, у-о* [7, с. 35–42];

б) начальный согласный первого члена при повторении заменяется губным. Такие удвоения обычно имеют обобщающее значение: англ. *hugger-mugger* «тайна»; нем. *Gogel-Mogel*, рус. *гоголь-моголь* «сырой желток, стертый с сахаром»; франц. *chari-vari* «кошачий концерт; гам»; рус. *тары-бары* «болтовня», *шурум-бурум* «тряпье»; каз. *жылкы-мылкы* «лошадь и другой скот»; ног. *шокур* «углубление» → *шокур-мокур* «разные углубления». Сходные удвоения имеются в финно-угорских языках, например, в коми-зырянском: *каля-маля* «детвора, ребятишки» (ср. фин. *kaali* «капуста» и рус. *малый*), *хунды-мунды* «нехитрый скарб, пожитки» (ср. нен. *хунды* «старинная женская одежда» и *мында(сь)* «стать сытым»), *шарны-марны* «хлопотать по домашнему хозяйству» (ср. эст. *harima* «возделывать» и *määrima* «мазать») [3, с. 38–39]. В эту группу повторов можно включить слова, приведенные Э.Итконеном: эрз. *якамс* «ходить» → *якамс-пакамс* (*пакамс* самостоятельно не употребляется) «похаживать»; мокш. *ётамс* [йотамс] «прийти» и *потамс* «пятиться, отойти» → *ётамс-потамс* «ходить взад-вперед»; венг. *dülni* «разорять; буянить» и *fülni* «задыхаться» → *dülni-fülni* «бушевать, буйствовать»; венг. *mozogni* «двигаться» → *izegni-mozogni* «ерзать, сидеть неспокойно», *izegni* самостоятельно не употребляется [6, с. 241–242];

в) начальный согласный первого члена при повторении может заменяться во втором любым согласным звуком: англ. *hoity-toity* «шум; легкомыслие»; рус. *тяп-ляп* (о быстрой, небрежной работе), *чудо-юдо* [йу́до] «сказочное существо» [8, с. 496–497]; кирг. *кобур-собур* «бормотанье» [5, с. 70, 72, 76].

6. Слова-повторы являются средством организации корня-основы. В волжских языках финно-угорской семьи внутрисловное удвоение используется при образовании указательных местоимений как един-

ственного, так и множественного числа: мар. *тиде* «это», *тудо* «он, то(т)», *ине* «эти», *нуно* «те, они»; морд. *тете, тите* «это», *нене* «эти». Удвоение в подобных словах волжских языков Дь. Дечи рассматривает как общее для них удлинение [9, с. 154].

Слоги в удвоениях большей частью являются звукоподражательными, или ономатопоэтическими (от греч. *onomatopoieia* «производство названий»). Такие примеры имеются в русском языке: *баба, мама, папа, дядя, няня, тетя, цаца* [10, с. 143]. Эти слова известны как детские. Их создают, конечно, не сами дети, а матери, зная, какие звуки легче даются маленькому ребенку, и учат его этим звукам, с которыми связываются наиболее близкие для малыша понятия. Международный характер детских слов основан на общности имеющихся в них согласных звуков. Установлена следующая закономерность: 1) носовые согласные обозначают мать (маму), а также няню (мамку); 2) губные взрывные – бабушку (бабу) и отца (папу); 3) переднеязычные взрывные – отца (тятю), деда, а также дядю, тетю, под которыми подразумеваются родственники или вообще взрослые люди [11, с. 87–88]. В связи с общей закономерностью необходимо сказать о том, что по наблюдениям психологов дети до полутора-двух лет, у которых мышление еще диффузное, окружающие предметы воспринимают расплывчато, поэтому словом *мама* они обобщенно называют всех молодых женщин, словом *баба* – пожилых женщин, словом *дядя* – всех мужчин. Иногда слова детского происхождения служат названиями самого ребенка: *бэби* (ср. англ. *baby*) = аккад. *bebe, bibi*, араб. *babba(t)* «дитя» [11, с. 88]. Упомянутое выше слово *цаца*, имеющее соответствия во многих языках мира [11, с. 88–89], в детском языке означает не женскую грудь вообще, а материнскую грудь. Во многих тюркских языках в значении «сосать, кормиться грудью матери» используется звукоподражательный по своему происхождению глагол *emmek*, образованный от корня *em* «мать; женская грудь». Имеющийся в нем губной согласный изобразительно передает движение губ ребенка при кормлении его грудью матери [12, с. 271].

7. Слова-повторы служат базой для образования новых лексических единиц. Эту функцию слов-повторов, известную во многих языках, целесообразно показать на материале русского языка. В нем при образовании новых лексических единиц полные удвоения, восходящие к звукоподражательным словам, присоединяют к себе деривационные и формообразующие суффиксы, а в отдельных случаях включают между повторяющимися компонентами соединительные гласные. Так образуются имена существительные и глаголы: *балаболка* (из *бол-бол*) «болтун», *гавкать* (из *гав-гав*) «лаять», *гоготать* (из *го-го*; ср. мар. *кигик-когок: когоклаш*) «кричать (о гусях)», *квакать* (из *ква-ква*) «кричать (о лягушках)», *кокошник* (из *ко-ко* → общеслав. *кокошь* «наседка») «старинный женский головной убор, напоминающий гребень курицы», *колокольчик* (из *кол-кол*) «маленький колокол: металлическое изделие в форме конуса с подвижным

языком для звона», *кукушка* (из *ку-ку*; ср. англ. *cuckoo* [kuku:], франц. *coucku*, эрз. *куко*, мокш. *куку*, мар. *куку*) «лесная перелетная птица», *куковать* (о кукушке) «издавать характерный крик: *ку-ку*» (ср. мокш. *кукамс*), *мяукать* (из *мяу-мяу*) «кричать (о кошке)», *перепелка* (из *пел-пел*) «маленькая полевая птица», *хрюкать* (из *хрю-хрю*) «издавать характерные отрывистые звуки (о свинье)», *хрюшка* (из *хрю-хрю*) «свинья» [см. 13, с. 215–216].

3. Хронология в развитии удвоений

Обычно выделяют два этапа в развитии этого явления – ранний и поздний. В принципе можно говорить о трех этапах, между которыми, очевидно, не было резких переходов.

П е р в ы й э т а п. Он относится к древнейшей стадии языкового развития и характеризуется простым удвоением корней-основ. В результате повторения корней-основ, состоявших из одного или двух слогов, образовались сложные слова, которые выражают различные значения: множественность, разделительность числительных, высшую степень качества предметов, характер протекания действий. На этом же этапе появились различные по структуре неполные (или частичные) удвоения. Основной причиной их развития следует считать тенденцию к экономии произносительных усилий, необходимых для передачи значений, выражаемых полной и дивергентной редупликацией. Первый этап в развитии этого процесса, основу которого составляют фонетические единицы языка, характеризуют следующие слова В. Гумбольдта: «Начиная со своего первого элемента, порождение языка – синтетический процесс, синтетический в том подлинном смысле слова, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [14, с. 107].

В т о р о й э т а п. На этом этапе для выражения тех или иных значений к одному из двух либо к обоим членам редупликации присоединяются словообразовательные и словоизменительные аффиксы. В результате их агглютинации к корням-основам слова становились более длинными и многосложными. Этот этап, который условно можно назвать морфологическим, прошли главным образом флективные и агглютинативные языки.

Т р е т и й э т а п. Он отличается от предыдущих этапов тем, что в языках флективного и агглютинативного строя появились аналитические удвоения, в состав которых входят служебные слова (предлоги, послелоги и союзы). Они были более богатыми по своим возможностям, более подвижными в структуре языка и заменили часть прежних аффиксов. Так в морфологию языка проникли отдельные элементы синтаксиса.

По мнению Э. Сепира, язык изменяется не только постепенно, но и последовательно от одного типа к другому. При этом неродственные языки приходят к схожим морфологическим системам, к сбалансированным типам благодаря мышлению, хотя границы языка и мышления в строгом смысле

не совпадают. Но язык в своем развитии «смиренно следует за мышлением, структура и форма которого скрыты» [15, с. 36, 118].

* * *

1. Редупликация используется во многих языках мира независимо от их происхождения и принадлежности к определенному структурному типу. Она представляет собой один из древнейших грамматических способов.

2. В предлагаемой статье основу классификации удвоений составляют два признака: 1) модели (или способы) образования и 2) семантика. По первому признаку выделяются три структурных вида повторов: 1) полные, 2) неполные (или частичные) и 3) дивергентные. Они в той или иной мере распространены во всех или в большинстве языков мира и имеют универсальный характер. По второму признаку – по семантике – удвоения весьма разнообразны. Они способны выражать как грамматические, так и лексические значения. Однако в своих основных значениях удвоения демонстрируют известное сходство. Это сходство, определяемое как семантическая универсалия, проявляется в использовании редупликации для передачи таких грамматических значений, как множественность предметов, распределительность количества, высшая степень признаков предмета, длительность и интенсивность действия. О.Ю. Крючкова семантической универсалией считает также использование редупликации при образовании разного рода подражательных и изобразительных слов [5, с. 70]. К ним имеют прямое отношение полнозначные слова. Поэтому «языковеды и психологи, которые приписывают языку естественное происхождение, всегда считали, что ономатопея является наиболее плодовитой матерью языка» [11, с. 11].

3. Продуктивность той или иной структурной модели редупликации зависит от морфологического строя языка. Прием внутрисловного удвоения получил широкое распространение в изолирующих языках, где основным грамматическим способом является словосложение. Языки иных типов, в которых, кроме сложения основ, используются другие средства словообразования, обнаруживают заметные различия. Они свидетельствуют о национальных особенностях разноструктурных языков. А те языки, в которых отсутствует словосложение, по существу не знают редупликации.

4. В изолирующих и агглютинативных языках базовой единицей редупликации является корневая морфема, которая образуется в результате повторения одного или двух слогов. В славянских языках (в том числе и в русском), относящихся к флективным, отсутствуют живые модели слогового удвоения. В этих языках слоговое удвоение представляет собой пережиток древнего типа редупликации, который сохранился в звукоподражательных словах.

5. Один и тот же структурный вид удвоений выражает различные значения, а, с другой стороны, одно и то же значение может передаваться различными структурными видами. Таким образом, при редупликации между единицами

плана содержания и плана выражения всегда возникает асимметрия (см. таблицу).

Таблица

№№ п/п	План выражения / План содержания	Удвоение		
		полное	частичное	дивергентное
1.	Множественное число имени существительного	+	+	+
2.	Разделительные имена числительные	+	+	+
3.	Превосходная степень имени прилагательного	+	+	–
4.	Характер протекания действий глагола	+	+	+
5.	Выражение новых лексических значений	+	+	+

6. Повторы, встречающиеся в различных языках независимо от их происхождения и принадлежности к определенному морфологическому типу, обычно являются двучленными. Но известны отступления от этой закономерности. М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» множественное число существительного *камень* передает троекратным повторением его: *камень, камень, камень* [16, с. 13]. Звукоподражательных слов, повторяющихся три раза, достаточно много в марийском языке. Ограничимся одним примером: *Тук-тук-тук капка тӱкалыме шергылтеш* «Слышится стук в ворота: тук-тук-тук» [17, с. 310]. Одно и то же явление по-разному изображается в разных языках, даже в родственных. В качестве примера сравним, как гремит гром по-мокшански и по-марийски: *Тор-тор-тор атямась торай* «Гром гремит» [18, с. 372]; *Кӱдырчӧ шыр-гор, чырт-чорт-чорт-шорт шокта, вара дӱр-дӱр-дӱр-р мӱгыралт кая* «Гром гремит» [17, с. 309]. Вот почему звукоподражательные слова не переводимы с одного языка на другой. В этом состоит их отличительная особенность в сравнении с полнозначными словами. Но иногда звукоподражательные слова в результате тесных контактов могут проникать из одного языка в другой; ср., например: мар. *быздӱп, пыздӱп* (подражание шуму при падении человека) ← тат. *быз* (подражание жужжанию, стрекоту, треску): *быздау* «жужжать, стрекотать, трещать (о насекомых)» и *гөп* (подражание глухому шуму при падении или при ударе тяжелым предметом); мар. *быздӱг* (подражание звонкому шуму при падении или при ударе тяжелым предметом) ← тат. *быз* (см. выше) и *дөцк* (подражание грохоту): *дөцгердәу* «грохотать» [19, с. 8]. На характер производимого шума указывают конечные согласные второго элемента в звукоподражательных словах марийского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

аккад.	– аккадский	монг.	– монгольский
англ.	– английский	морд.	– мордовские
араб.	– арабский	нем.	– немецкий
бур.	– бурятский	нен.	– ненецкий
венг.	– венгерский	ног.	– ногайский
греч.	– греческий	общеслав.	– общеславянский
дет.	– детский	рус.	– русский
исп.	– испанский	тат.	– татарский
каз.	– казахский	туркм.	– туркменский
кар.-балк.	– карачаево-балкарский	удм.	– удмуртский
кирг.	– киргизский	фин.	– финский
кит.	– китайский	франц.	– французский
коми-зыр.	– коми-зырянский	чув.	– чувашский
лат.	– латинский	эрз.	– эрзянский
мар.	– марийский	эст.	– эстонский
мокш.	– мокшанский	якут.	– якутский

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Егоров В.Г.* Слова-повторы как показатель формальных грамматических категорий в ряде языков мира // Филологический сборник. Ученые записки. – Чебоксары, 1965. – Вып. XXVIII.

2. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары, 1983. – Часть II.

3. *Игушев Е.А.* О повторах в устойчивых выражениях коми языка // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). – Ижевск, 1981.

4. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. – Йошкар-Ола, 1984.

5. *Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания (ВЯ). 2000, № 4.

6. *Itkonen E.* Kieli ja sen tutkimus. – Helsinki, 1966.

7. *Сахарова М.А.* Изобразительные слова в коми языке // Советское финно-угроведение. – Ижевск, 1949. – Т. 4.

8. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.

9. *Décsy Gy.* Cheremis-Mordwin Shared Feutures // Ural-Altaische Jahrbücher (UAJb.). 1986. – Bd. 58.

10. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. – М., 1987.

11. *Газов-Гинзбург А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). – М., 1965.

12. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М., 1974.

13. *Перетрухин В.Н.* Введение в языкознание: Курс лекций. – Воронеж, 1973.

14. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

15. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

16. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Щеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории грамматических учений. – М., 1965.

17. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961.

18. Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология. – Саранск, 1962.

19. *Гордеев Ф.И.* Татаризмы в лексике марийского языка // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола, 1976.

Dmitriy Kazantsev

REDUPLICATION AS ONE OF ANCIENT GRAMMATICAL METHODS

The commonly accepted classification of reduplication in linguistics is still there. In the article the classification of this grammatical method is based on two criteria: 1) method (or model) of formation and 2) semantics. By way of formation there three structural types of doublings: 1) complete; 2) incomplete (or partial) and 3) divergent. According to the semantics doubling is able to express both grammatical and lexical meaning. Furthermore the same structural type of reduplication can express different meanings, while the same values can be transmitted to different structural types. That's why when it is reduplication between units of plan content and plan of the expression, asymmetry will always arise.

«Финно-угроведение», 2015, № 2

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

МОДИФИЦИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ЛИНГВОЭТНОГЕНЕЗА ПЕРМЯН

На пленарном заседании VI Международного конгресса финно-угроведов, проходившего 30 лет назад в г. Сыктывкаре, Роберт Аустерлиц выступил с интересным докладом на тему «The Permian centre» («Пермский центр»), повторное прочтение которого инспирировало меня выбрать заявленную тему для данной статьи. Р. Аустерлиц в своем докладе сначала кратко обрисовал общие типологические особенности удмуртского и коми языков, которые объединяют языки и одновременно которые не характерны для остальных уральских языков, затем одним из первых выявил несистематические и непредсказуемые соответствия между удмуртским и коми-зырянским материалом, поставив следующий основной вопрос: что обусловило 1) типологическую универсальность пермских языков, 2) сравнительную изоморфию среди коми и удмуртских диалектов, 3) исключительно обширную территорию, занятую коми (зырянами) с момента оставления ими территории первоначального обитания [1, с. 101]. Мы попытаемся осветить вопросы дивергенции пермских языков с точки зрения поставленной Р. Аустерлицем проблемы, т. к. с 1985 г. появилось много научных трудов, прямо или косвенно затрагивающих интересующую нас тему (работы Ш. Чуча, Р. Бартенс, К. Редеи, А.-Р. Хаузенберг, Р.Ш. Насибуллина, М.Г. Атаманова, А.И. Туркина, С.К. Белых, В.В. Напольских и др.). На основе анализа результатов вышедших работ далее сделаем попытку представить модифицированную модель дивергенции пермских языков.

Традиционная теория дивергенции общепермского праязыка

Необходимо признать, что классическая теория дивергенции пермских языков, предложенная еще Юрьё Вихманом, до сих пор популярна и поддерживается многими уралистами, не сомневающимися ни в датировке, ни в определении прародины (Р. Бартенс, Ш. Чуч, К. Редеи, В.К. Кельмаков и др.). Многие финно-угроведы выделяли большую схожесть удмуртского и коми языков на всех языковых уровнях. «Вообще, можно с уверенностью сказать, что коми диалектные различия очень небольшие. В удмуртском их еще меньше. Это составляет заметный контраст с некоторыми другими финно-

угорскими языками, особенно эрзянским, саамским, марийским и обско-угорскими языками» [1, с. 100–101]. Для историков языка это обстоятельство свидетельствует об относительно недавнем расщеплении языков и диалектов.

Идея о былом существовании прапермского языка-основы выдвинута и обоснована финским языковедом Юрьё Вихманом по результатам изучения им обоих пермских языков и особенно исследования древнебулгарских заимствований [2, с. 145–147]. Далее она была дополнена и подробнее изложена В.И. Лыткиным в своей «Исторической грамматике коми языка» [3, с. 24–25].

Датировку возникновения общепермского праязыка относили или к 1500 гг. до н. э., или в более поздних работах передвигали на 500 лет в прошлое [4, с. 19]. Однако по этому вопросу особых разногласий и споров у финно-угроведов не было. Другое дело сложилось с определением времени распада праязыка на дочерние языки. Еще Ю. Вихман считал, что проникновение древнебулгарских заимствований в общепермский язык могло иметь место только с VIII в. н. э., поэтому распад материнского языка на самостоятельные языки, по нему, мог быть спустя некоторое время после этой даты, т. к. количество общепермских булгаризмов немного, оно не превышает 20–22 единиц [2, с. 145–147]. Однако важно то, что большинство булгаризмов распространены во всех коми диалектах.

В.И. Лыткин раскрывал распад общепермского праязыка следующим образом: «Общепермский язык-основа распался ок. IX–X вв., а движение предков коми на север (возможно, сначала на более близкий север) началось еще раньше… Как долго длился общекоми период? Он, по-видимому, продолжался недолго, всего одно-два столетия когда-то около IX–XI вв.: в своем поступательном движении на север предки коми быстро расселились среди дремучих лесов бассейна Северной Двины и Мезени, – с одной стороны, и бассейна средней и верхней Камы, – с другой, в связи с чем прекратилась между территориально раздробленными частями коми народа та тесная связь, которая необходима для протекания единых процессов в языке» [3, с. 24–25].

Долгое время представленное выше положение являлось классическим, да и во многих современных обобщающих работах она принимается за основу, например, в монографиях по истории пермских языков Р. Бартенс и Ш. Чуча [5, с. 13; 4, с. 19]. К примеру, Р. Бартенс отмечает, что «различие археологических культур еще не означает выделения разных языков. Прапермский период продолжался еще до середины I тыс. и даже дольше» [5, с. 11]. Подобная трактовка представлена и в работах А.И.Туркина [6, с. 10].

Мысль о миграционном процессе как о механизме выделения коми-зырян как особого этноса была и остается популярной в научной литературе. Венгерский финно-угровед К. Редеи, как и другие финно-угроведы, в одной из своих последних работ прямо связывает миграции и становление пермских протоэтносов с приходом булгар: «В последнее столетие протопермского периода, т.е. в VIII–IX вв. н. э. началось движение прапермского народа

из центральных районов Поволжья на периферию. Тогда же они начали контактировать с обосновавшимися на территории между Казанью и Самарой волжскими булгарами (т.е. болгаро-тюрками, жителями т. наз. Магна Болгарии). В последнее столетие протопермского периода к северу от удмуртов поселились коми. Общие предки коми (зырян) и пермяков под влиянием болгаро-тюрков переселились на север – свою нынешнюю этническую территорию» [7, с. 36–37]. Очевидно, передвижения и миграции не были столь прямолинейными и резкими, взрывными, т. к. предки коми, очевидно, уже изначально формировались на основе северной зоны прапермской общности задолго до самой дезинтеграции этнической общности.

Р. Аустерлиц в своей статье «Пермский центр» идею постепенной миграции коми на северо-запад от пермского центра ставит во главе угла двух своих гипотез, объясняющих быстрое расширение территории проживания в VIII–X вв., соответственно, из-за внешних или внутренних причин [1, с. 105–107].

Иные теории пермского лингвогенеза

В работах других исследователей, археологов и лингвистов, предпринимались попытки обновить изложенную теорию, а также предпринимались попытки ее полной ревизии, и прежде всего это относится к освещению дивергенции, разделения прапермского языка-основы. Далее рассмотрим взгляды исследователей по двум основным параметрам: 1) по предполагаемой датировке существования праязыка, 2) по предполагаемой прародине носителей праязыка, древних пермян.

Некоторые археологи и лингвисты пошли по пути удревления периода распада прапермского единства и, соответственно, праязыка. Так, археологи Р.Н. Голдина и Э.А. Савельева утверждают, что ананьинская археологическая культура, с которой связывали прапермскую этнолингвистическую общность, распалась уже в конце III в. до. н. э. [8, с. 10–11; 9, с. 13], т. е. на тысячу лет раньше, чем предполагали Ю. Вихман и В.И. Лыткин. Эти авторы лишь на основе данных археологии также расширили территорию прапермской прародины. В частности, по мнению Э.А. Савельевой, территория распространения прапермян (протоэтноса предков удмуртов и коми) занимала обширную зону, доходя на севере до Печоры и Вычегды. Она отмечает: «Археологи пришли к выводу, что прапермские племена сформировались на гораздо более широкой территории чем бассейн нижней Камы и Вятки» [10, с. 28]. О принципиальной ошибочности таких экстраполяций отмечает В.В. Напольских: «сам по себе археологический материал не содержит никакой информации о языке и этнической принадлежности этих групп» [11, с. 179].

Точка зрения Р.Ш. Насибуллина

Р.Ш. Насибуллин, основываясь на мнении археологов о том, что до прихода булгар в Среднее Поволжье пермяне занимали обширные территории от устья р. Уфы на юге до р. Мезень на северо-западе, выстраивает длинную

цепочку пермских диалектов и считает, что коми переняли булгаризмы не непосредственно от булгар, а от южнее проживающих удмуртов. Он полагает, что булгаризмы «вместе с реалиями преодолевали огромный путь от берегов Нижней Камы до Северного Ледовитого океана», затем русские заимствования вытеснили из коми языка другие, ранее освоенные булгаризмы [12, с. 155–157]. Последнее предположение вполне очевидно, т.к., например, булгарское заимствование *öныр* 'седло' сохранилось лишь в лузско-летском диалекте коми языка, в других же употребляется уже русское заимствование *седлö*, булгарское заимствование *коба* 'прялка' встречается в коми-пермяцких диалектах, а в зырянских диалектах имеет исконное соответствие *печкан* 'прялка', образованное от глагола *печкыны* 'прясть' с помощью суффикса *-ан*. По мнению Р.Ш. Насибуллина, причина распада общепермской языковой общности кроется в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода, самостоятельными языки становятся уже с III–I вв. до н. э. [12, с. 157]. Данная точка зрения уже не раз подвергалась критике самими удмуртскими языковедами, в частности, В.К. Кельмаковым, который обоснованно полагал, что в те далекие времена немногочисленные пермские племена никак не могли поддерживать однородную языковую среду на столь огромных пространствах. Добавим сюда, что непрерывной языковой среды не было у коми вообще, нет ее и сейчас. Теория Р.Ш. Насибуллина никак не объясняет, почему большинство булгаризмов известно во всех коми диалектах, зырянских и пермяцких, фонетически и семантически не отличаясь.

Точка зрения М.Г. Атаманова

М.Г. Атаманов в одной из последних статей, полностью поддерживая мнение археолога Р.Д. Голдиной о распаде общепермской общности в III вв. до н. э., делает смелый вывод о том, что удмуртский язык самостоятельно развивается уже 2300–2200 лет [13, с. 18]. Затем его исторические поиски идут дальше: на основе схожих по звучанию топонимов в разных местах Европейского Севера (*Тойма, Сума, Пог ~ Пога, Кез ~ Кеза* и др.) он утверждает, что прапермское ананьинское население, т. е. прямые предки современных удмуртов, проникло в северо-западные части России, вплоть до Карелии, Фенноскандии, островов на Белом, Баренцовом морях, и оставило там после себя многочисленные топонимы [13, с. 19]. Иными словами, он расширил прародину древних пермян, точнее, прямых предков удмуртов до глобальных размеров. Здесь не может быть никаких комментариев в силу полностью фантастического характера выдвинутой версии, причем автор неправомерно употребляет слова прапермяне и удмурты в качестве абсолютных синонимов.

Точка зрения А.-Р. Хаузенберг

А.-Р. Хаузенберг как лингвист обращает внимание на общие ареальные особенности коми-зырянских диалектов и прибалтийско-финских языков, с

одной стороны, и на соответствующие различия между коми и удмуртским материалом, с другой. Например, на несоответствие личных местоимений 3 лица мн. числа (к. *на, найӧ* и удм. *соос* 'они'), различие в порядке компонентов простого предложения (SOV в удмуртском и SVO в коми языке). За отправную точку исследователь также принимает отмеченное мнение археологов и в своих трудах проводит мысль о том, что разделение пермских языков произошло гораздо раньше VIII в. н. э., еще до н. э., и что древние коми рассеянно заселили обширные северо-западные территории, на которых начали контактировать с прибалтийско-финскими племенами, в результате образовались сходные ареальные языковые особенности [14]. В другой своей работе она предполагает былое существование исчезнувших звеньев, прибалтийско-финских языков, от которых получили влияние коми диалекты на рубеже тысячелетия н.э. в бассейне Северной Двины, Сухоны и Юга [15, с. 318], так как влияние прибалтийско-финских языков имело место преимущественно уже на коми-зырянские диалекты и не имело сколь значимого влияния на предков удмуртов и коми-пермяков. По мнению А.И. Туркина, предки вепсов и карел проникли в Северо-Восточную Европу примерно в XI в. и встретились с встречным потоком переселенцев-зырян [16, с. 14]. Вполне возможно, предки коми-зырян обнаружили на новой родине уже отдельные поселения прибалтийских финнов, которые затем постепенно озырянились и оставили след в виде легенд о чуди, первоначальное значение слова было название аборигенного народа. Следы языка этого народа имеет в коми языке субстратный характер. Прибалтийско-финские заимствования, которых насчитывается в коми диалектах около 70, а по А.И. Туркину, 104 слова, крайне неравномерно распределены по зырянским диалектам, что говорит о взаимовлиянии разной интенсивности. Однако, есть мнения о более древних коми- и даже общепермско-прибалтийских контактах [см. 17, с. 33]. Янне Саарикиви выявил ряд дополнительных прибалтийско-финских заимствований в коми языке [17, с. 34–37].

Точка зрения С.К. Белых

Точка зрения Сергея Константиновича Белых на ход дивергенции пермского праязыка построена на результатах исследования современных пермских диалектов и литературных языков и знаменует новый шаг в изучении темы. Его выводы по хронологии распада праязыка направлены в совершенно другую сторону, на максимальное приближение времени распада общепермского языка-основы к современности. Исследователь не считает выводы отмеченных археологов истинными и ставят во главу угла прежде всего языковые данные, говорящие о большой близости коми и удмуртского языков, что дает основания сомневаться в утверждениях о том, что пермские языки обособились более чем 2000 лет назад. Если бы это было действительно так, то современные языки разошлись бы чрезвычайно далеко друг от друга, образовались бы многие небольшие языки, подобно прибалтийско-финским, а коми диалекты

образовали бы разношерстную совокупность, вроде современных хантыйских и саамских диалектов, которые многие исследователи уже квалифицируют в качестве самостоятельных языков.

Для уточнения датировки распада общепермского праязыка в некоторых работах применили т.н. метод глоттохронологии, введенный американским лингвистом М. Сводешом в 40-х гг. XX в. Исходным тезисом в основе метода является следующее: чем больше слов в 100-словном списке базовой лексики имеют общее происхождение в парах языков, тем ближе они друг другу и тем позднее они разошлись. Время разделения языков или глоттогоническую датировку рассчитывают по математической формуле, что дает не относительную, а абсолютную хронологию дивергенции языков. С.К. Белых в своей монографии на основе анализа двух списков Сводеша пришел к выводу, что пермские языки стали самостоятельными к рубежу X–XI вв. или в первые десятилетия XII в. [18, с. 54]. Однако в заключении монографии он выводит абсолютно иную датировку (с XII в. по XIV в.). Считаем указанную последнюю датировку неверной, т. к. метод М. Сводеша как раз наоборот, скорее, омолаживает время расхождения языков.

По мнению С.К. Белых, общепермский континуум только начал разрушаться с XI–XII вв., а окончательное разделение прапермян на пракоми и праудмуртов произошло лишь в XIV–XV вв., причем главным фактором в этом процессе послужила христианизация коми и заселение русскими территории, которая окончательно разделила два пермских народа [18, с. 120–121]. Почти такую же датировку представляет в одной из статей В.В. Напольских: «…окончательный распад прапермского единства следует датировать XIII–XIV вв.» [19, с. 19]. Последний пункт ученых является совершенно неверным уже лишь потому, что сохранившиеся древнекоми письменные памятники, датируемые как раз XIV–XVI вв. демонстрируют нам наличие уже самостоятельного старокоми литературного языка, совершенно отличного от удмуртского, что наглядно показали в своих работах В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, Р. Бейкер, К. Редеи и другие исследователи.

На основе данных, полученных методом лингвистической палеонтологии, С.К. Белых локализует территорию прапермского ареала в Среднем Прикамье между 57 и 58 параллелями северной широты, ныне это Пермский край, добавляя, что «прапермская общность накануне распада была весьма компактно расселенной и не занимала большой территории» [18, с. 62, 66]. Далее автор допускает логически противоречащее вышеизложенному высказывание, т. к. принимает точку зрения уже упоминавшихся выше археологов. Здесь уместно просто процитировать самого автора: «в начале II тыс. н. э. пермские племенные группировки расселились на огромной территории от Вычегды и Печоры на севере до Нижней Камы на юге, от р. Юга Вятско-Ветлужского междуречья на западе до Урала на востоке. Однако любые соседние племенные группы пермян по-прежнему сохраняли тесные связи и максимальную культурную

близость друг к другу, говорили на весьма сходных диалектах» [18, с. 120]. Это также неверное положение, т. к. на основе точных исторических сведений установлено, что коми-зыряне заселили долины Ижмы, Печоры, Усы, верхней Вычегды относительно поздно, лишь в XVI–XVII вв. и даже позже. Совершенно не объясняются причины такого взрывного расширения прародины пермян, когда прямые предки удмуртов быстро заселили более южные территории, а предки коми – северные. Объяснение автора тяготением докоми и доудмуртов к славянскому и тюркскому мирам кажется неправдоподобным.

Теории Насибуллина – Атаманова, Белых – Напольских, а также А.-Р. Хаузенберг имеют, таким образом, свои слабые места. Это говорит о том, что полностью достойной альтернативы для замещения классической теории дивергенции общепермского праязыка, выдвинутой Ю. Вихманом и В.И. Лыткиным, пока нет. Коми диалекты очень близки до сих пор, коми-пермяки и зыряне свободно общаются между собой без привлечения языка-посредника. Ни один исследователь-финно-угровед не сомневается в близком родстве коми и удмуртов. Если же предки двух коми этнических групп обособились друг от друга намного раньше VIII–IX вв. н. э., мы бы имели или совершенно различные языковые образования, или очень разнящиеся диалекты наподобие современных хантыйских.

Сделанный обзор точек зрения различных исследователей наталкивает на необходимость создания модифицированной модели дивергенции пермских языков, которая бы учитывала последние результаты изучения особенностей коми и удмуртского языков и максимально непротиворечиво объясняла развитие современных языков. Модифицированная модель лингвоэтногенеза древних пермян, построенная на анализе лингвистической реальности современных языков, имеет целью устранить схематичность и механицизм хода дивергенции общепермского праязыка по теории Вихмана – Лыткина. Вероятно, с самого начала своего формирования общепермский праязык действительно отличался единством и унификацией, что хорошо сохраняется в современных языках. Далее в ходе постепенного расширения территории проживания выделились два протодиалекта, из которых в течение веков сформировались две языковые системы, при этом территория прародины также увеличивалась. На это наталкивает существование таких языковых особенностей, которые разъединяют два пермских языка. На важность системных отличий пермских языков указал Роберт Аустерлиц, который привел факты т. н. некоторых непредсказуемых и несистемных различий, а именно: различный фонетический облик общей лексики, отсутствие в удмуртском ряда соответствий финно-угорских / финно-пермских по происхождению слов (к. *эштыны* ‘успевать’, *ур* ‘белка’) и т. д. Большие расхождения в современных пермских языках он обнаружил в группе названий рыб и птиц [1, с. 102–103]. К сожалению, Р. Аустерлиц не продолжил выдвинутую им же программу систематического исследования лексических соответствий в коми и удмуртском языках.

Список языковых расхождений можно дополнить: отличия в системах наклонений глагола, различия в образовании презенса, лично-числовой суффиксации, особенно у отрицательных глаголов, в частотности, в характере изафетных конструкций, притяжательных суффиксов множественного числа, строении сложноподчиненных предложений, в уже упоминавшемся порядке компонентов простого предложения. Вряд ли все расхождения можно объяснить лишь поздним влиянием тюркских языков на удмуртский и русского языка на коми, как это представляется в работах многих авторов.

Далее представим ряд положений, являющихся косвенными свидетельствами предлагаемого нами хода дивергенции пермских языков.

1. Системная целостность коми и удмуртского языков, отсутствие переходной диалектной зоны, смешанных диалектов и говоров.

Долгий и постепенный путь выделения пермских языков объясняет и то, что коми язык также имеет единый системный характер, чего нельзя объяснить двумя-тремя столетиями общекоми периода, по традиционной точке зрения. По подобной схеме постепенно выделились и три основные группы коми диалектов (пермяцкие, зырянские и язьвинско-уральские): медленно, не внезапно, в процессе взаимовлияний.

Удмуртский языковед С.А. Максимов изучил северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели и пришел к выводу, что с распадом общепермской этнолингвистической общности связи между удмуртами и коми не прекратились, дивергенция не привела к территориальному размежеванию близкородственных народов, интенсивные связи между которыми прекратились не ранее XIV в. [20, с. 17–18]. Общая лексика в северноудмуртских и южнокоми диалектах представлена архаизмами (61%), инновациями ареально-генетического характера (18%) и заимствованиями (21%) [20, с. 16]. Эти положения отвергают тезис о резком и быстром территориальном разделении двух пермских языков, к тому же предки коми-пермяков и коми-язьвинцев ни на какой север с территории Прикамья не уходили. Тем не менее, работа С.А. Максимова свидетельствует и о том, что коми и удмурты всегда проживали разрозненно, не образуя ни смешанных диалектов, ни говоров. Это говорит о том, что протоудмурты и протокоми имели четкую этническую самоидентификацию.

2. Существование единых этнонимов-самоназваний для всех удмуртов и коми, издавна объединяющих этнические коллективы.

Характерно, что практически все этнографические группы удмуртов и всех коми объединяют соответствующие самоназвания: у удмуртов это *удмурт, одморт, удморт* и т. д., у коми это *коми морт*, *коми йӧз/войтыр*, кп. *коми отир*. Структурно самоназвания основаны на определительном словосочетании, основным словом которого является лексема *морт/мурт*, ее этимология бесспорна, это древнее индо-иранское заимствование. В компоненте коми, возможно, кроется название реки Кама, что предполагал

еще в свое время Ю. Вихман. Здесь уместно привести встречающийся у коми-зырян топоним Комму (сокращенная форма от сочетания Коми му), которым обозначали прикамские земли вокруг г. Чердынь (коми название Чердiн). Это свидетельствует о том, что, вероятно, самосознание протокоми и протоудмуртов уже издавна было сформировавшимся, что сохраняется и поныне. Можно предположить, что в период до распада прапермской этноязыковой общности общепермского диалектного континуума уже не существовало, а были в действительности докоми и доудмуртские наречия.

3. Коми-зырянская исконная лексика природного окружения, свидетельствующая о былом более южном проживании народа.

Как ясно из вышеприведенного обзора мнений, в рассмотренных теориях дивергенции пермских языков особое внимание уделялось анализу заимствованной лексики, в то время как характер исконной лексики оставался без необходимого внимания. Иными словами, важным представляется выяснение картины мира общепермского и общекоми этнических коллективов по данным языка.

В коми языке есть лексемы, обозначающие реалии природного мира (флоры и фауны), или вовсе не распространенные на территории современной Коми республики, или охватывающие лишь крайне южную периферию расселения современных коми-зырян. Условно мы такую лексику назовем «южной». Хотя некоторые лексемы уже были приведены в монографии С.К. Белых в главе о пермской прародине (*тупу* ‘дуб’, *сирпу* ‘вяз’), далее они также представлены. Ради краткости слова здесь приводятся простым списком, подробные же толкования можно прочитать в одной нашей статье [21, с. 8–38]. Список лексем: *нинпу* ‘липа’, *нинкӧм* ‘лапоть’, *веснiн*, *весніпу* ‘липа’, *оржы*, *оржыпу* ‘осокорь’, *сирпу* ‘вяз’ (или ‘ильм’), *тупу* ‘дуб’, *панпаз* ‘клён’, *гадя* ‘цапля’, *колип*, *колипкай* ‘жаворонок’, ‘соловей’, *боян* ‘аист’, *кый* ‘пиявка озерная’, *косму* (*тӧлысь*) ‘апрель’.

Лексические расхождения в базовом словарном составе пермских языков

Хотя ученые в глоттохронологических исследованиях акцентируют внимание на лексическом тождестве или близости пермского материала, близкородственные удмуртский и коми языки в современном состоянии демонстрируют и значительные расхождения в разных тематических группах лексики. На это обратил внимание Р. Аустерлиц на примере названий рыб и птиц. Далее приводятся в таблицах слова разных тематических групп, взятые из литературных языков. Жирным шрифтом выделены этимологически общие лексические элементы, сохранившие идентичное значение в трех литературных языках, курсивом – единые общекоми элементы, невыделенные лексемы указывают на расхождения, которые говорят о долгом самостоятельном развитии лексических систем пермских языков (с одной стороны) и о системном

единстве коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов (с другой), которые до сих пор многие российские исследователи считают отдельными языками, что, на мой взгляд, абсолютно неправомерно.

Названия рыб и средств рыболовства

Значение	Удмуртский язык	Коми-пермяцкий	Коми-зырянский
рыба	**чорыг**	**чери**	**чери**
плотва	чабак, гордсин	*кельчи*	*кельчи*, вирсин
окунь	**юш**	**ёкыш**	**ёкыш**
ёрш	хогъясь, ёрш	дарга	йӧрш
щука	чипей	*сир*, щука	*сир*
карась	карака	тыпыв, карась	гыч
пескарь	чукырна	пескан	дарга
язь	язь	*сын*	*сын*
лещ	пая	ёді, лёш	ёді
хариус	**кыны**	**ком**, хариус	**ком**
икра	мызь	*пӧк*	*пӧк*
удочка	визнан	вугыр *шать*	*шат*ин, вугыр *шать*
сеть	сак	*кулӧм*	*кулӧм*
невод	бадрым сеть, невод	невод	тыв
бредень	**калтон**	недотка	**кӧлтым**
верша	мурдо	верша	гымга
дорожка, блесна	блесна	*кысна(н)*	*кыснан*

Названия промысловых животных и средств охоты

Значение	Удмуртский язык	Коми-пермяцкий	Коми-зырянский
медведь	гондыр	*ош*	*ош*
волк	**кион**	**кӧин**	**кӧин**
лиса	**ричы**	**руч**	**руч**
заяц	лудкеч	**кӧч**	**кӧч**
соболь	**нӥзь**, соболь	**низь**	**низь**
куница	сёр	*тулан*	*тулан*
белка	коньы	*ур*	*ур*
олень	пужей	*кӧр*	*кӧр*
лось	койык, лось	*йӧра, лола*, вӧрмӧс	*йӧра, лола*
стрела	**ньӧл**, пукых вень	**ньӧвьёсь**	**ньӧв**
копье	**шибоды**	**шы**	**шы**
нож	**пурт**	**пурт**	**пурт**
слопец	**нальк, нальык**	*чӧс*	*чӧс*, **нальк**
петля	кых	петля	петля

Названия растений и сельскохозяйственных инструментов

Значение	Удмуртский язык	Коми-пермяцкий	Коми-зырянский
пшеница	чабей	*шогді*	*шобді*
рожь	**ӟег**	**рудзӧг**	**рудзӧг**
ячмень	**йыды**	**ид**	**ид**
овес	сезьы	*зӧр*	*зӧр*
горох	кӧжы	*анькытш*	*анькытш*
репа	**сяртчы**	**сёртни**	**сёркни**
редька	**кушман**	**кушман**	**кушман**
лук	сугон	лук	лук
морковь	кешыр, ӵуж кушман	морков	морков
лен	етӥн	лён	шабді
соха/плуг	**геры**	**гӧр**	**гӧр**
борона	усы	*пиня*	агас, *пиня*
серп	**сюрло**	**чарла**	**чарла**
лопата	лопата	*зыр*	*зыр*
вилы	санник, **лобыт**	вила	**лэбын**, вила
грабли	мажес	*куран*	*куран*
коса	кусо	литовка	коса

Названия домашних животных, птиц и основных средств передвижения

Значение	Удмуртский язык	Коми-пермяцкий	Коми-зырянский
лошадь	**вал**	**вӧв**	**вӧв**
жеребец	**уж, ужпи**	**уж**	**уж**
корова	скал	*мӧс*	*мӧс*
бык	**ош**, пороз	**ӧшка**, пороз	**ӧш**
собака	**пуны**	**пон**	**пон**
овца	**ыж**	*баля*	**ыж**, *баля*
баран	така	баран	меж
кошка	кохыш, писэй	*кань*	*кань*
коза	кеч, гурт кеч	кӧза	кӧза
курица	**курег**	**курӧг**	**курӧг**, чипан
сани	**дӧдьы**	**даль**	**дось**
телега	уробо	телега	телега
плот	**пур**, плот	плот	**пур**
лодка	**пыж**	**пыж**	**пыж**
лыжи	куас	лыжжез	лызь
верхом на лошади	**вордремен**	**верзьӧмӧн**	**верзьӧмӧн**

Влияние лексики пермских языков на контактирующие языки

Далее предпринято сравнение коми и удмуртского языков по параметру их лексического влияния на окружающие языки, т. е. по выявленному количеству заимствований в языках-реципиентах. Данные основаны на опубликованных исследованиях ученых. Таблицы наглядно показывают, что коми-зырянские диалекты повлияли на окружающие языки во много раз интенсивнее, чем удмуртские диалекты на контактирующие языки, что также можно объяснить былыми межъязыковыми контактами на более обширной территории, на более западных территориях (влияние на русские диалекты) и на более восточных территориях от пермского центра (влияние на обско-угорские языки).

Влияние лексики коми-зырянских диалектов на контактирующие языки

Язык-реципиент	Количество заимствований	Начало времени контактов	Исследователи темы
мансийский	338	X–XI вв. н. э.	К. Редеи
хантыйский	375	X–XI вв. н. э.	Ю. Тойвонен
русский	свыше 400	XI–XII вв. н. э.	Я. Калима, А.К. Матвеев, С.А. Мызников и др.
ненецкий	46	XII в	А.И. Туркин
вепсский	8	XI в. н. э.	А.И. Туркин

Влияние лексики удмуртских диалектов на контактирующие языки

Язык-реципиент	Количество заимствований	Начало времени контактов	Исследователи темы
чувашский	35	VIII в. н. э.	И.В. Тараканов
татарский	32	XIV в. н. э.	И.В. Тараканов
башкирский	32		И.В. Тараканов
марийский	67 (всего пермских) 11 (удмуртских)	?	И.С. Галкин
русский	?	XIII–XIV вв. н. э.	?

Заключение. Прародина пермян первоначально была компактной, однако затем стала расширяться как по внутренним причинам, так и под давлением соседних этнических образований (домарийцев, древних венгров, возможно, иных). Предшественники коми изначально локализовались к северу от предшественников удмуртов, на основе этих зон постепенно развились соответствующие диалектные группы. Вероятно, дифференциация двух общепермских протодиалектов началась довольно давно, а само расщепление праязыка происходило постепенно и не привело к территориальному

разделению языков. Наоборот, две диалектные группы и далее протоязыки находились в условиях контакта и взаимодействия.

Однако территория локализации протокоми, предположительно, была изначально больше, чем у протоудмуртов, и представляла собой вытянутый с запада на восток овал, что объясняется, вероятно, различными историко-демографическими факторами, например, миграцией и давлением масс протоудмуртов на протокоми население. Накануне распада общепермского праязыка прародина пермян, вероятно, имела вид перевернутой шляпы, в основании которой предположительно проживали предки удмуртов. а по полям шляпы предки коми, которые расширяли территорию проживания в западном и восточном направлениях, что далее привело к интенсивным контактам с обскими уграми на востоке и прибалтийскими финнами на западе. Предложенная модифицированная модель дивергенции прапермян подтверждает и усиливает миграционную схему этногенеза коми-зырян как народа, который постепенно заселил довольно обширные земли. Миграции пермян – предков коми, а затем древних коми, вероятно, не были инспирированы булгарским вторжением. а происходили еще раньше и носили постоянный и постепенный характер.

СОКРАЩЕНИЯ

к. – коми язык
кп. – коми-пермяцкий литературный язык
удм. – удмуртский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Austerlitz R.* The Permian centre // СФУ. 1985, № 2.

2. *Wichmann Y.* Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1903.

3. *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение, фонетика. – Сыктывкар, 1957.

4. *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. – Budapest, 2005.

5. *Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Helsinki, 2000.

6. *Туркин А.И.* Кöні тэ олан? – Сыктывкар, 1977.

7. *Редеи К.* Внутренние и внешние инновации в удмуртском языке (дополнения к ареальным связям языков волжско-камского региона) // LU. 2009, № 1.

8. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по данным археологии) // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987.

9. *Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. – М., 1995.

10. *Савельева Э.А., Королев К.С.* По следам легендарной чуди. – Сыктывкар, 1990.

11. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997.

12. *Насибуллин Р.Ш.* К вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Congressus septimus internationalis Fenno-ugristarum. 3C. Sessiones sectionum. – Debrecen, 1990.

13. *Атаманов М.Г.* В союзе археологии и лингвистики: топонимические сведения в решении проблемы этногенеза удмуртов // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию д-ра

филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича. – Ижевск, 2011.

14. *Hausenberg A.-R.* Die ostseefinisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. – М., 1990.

15. *Hausenberg A.-R.* Kadunud lüli Kirde-Euroopa keeleahelas // CIFU IX. – Tartu, 2001.

16. *Туркин А.И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. – Таллин, 1985.

17. *Saarikivi J.* Substrata uralica. Studies on finno-ugrian substrate in Northern Russian dialects. – Tartu, 2006.

18. *Белых С.К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности. – Ижевск, 2009.

19. *Напольских В.В.* К начальным этапам этнической истории коми // Арт. 2010, № 2.

20. *Максимов С.А.* Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 1999.

21. *Цыпанов Е.А.* Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // Пути развития пермских языков: история и современность. – Сыктывкар, 2014. – (Труды ИЯЛИ УрО РАН. Вып. 73).

Yevgeniy Tsypanov

MODIFIED MODEL OF LINGUAL ETHNO GENESIS OF PERMIAN

The article presents a detailed review of the most recent extension of the views on linguists, concerning the origin and divergence of the Permian languages, focusing on the issue of disintegration of the proto-language. A modified model of divergence of proto-language is presented, backed by indirect evidence of this point of view.

«Финно-угроведение», 2015, № 2

Юрий Ерошкин
Йошкар-Ола

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Преодоление идеологических стереотипов, характерных для историографии советского времени, позволяет взглянуть на многие события истории нашей страны по-новому. Одним из таких периодов являются первые годы советской власти, когда в России осуществлялась политика военного коммунизма, следствием которой были многочисленные крестьянские волнения. Открытие новых источников, концептуальных подходов позволяет иначе взглянуть на их причины, охарактеризовать типологию этих событий, от небольших крестьянских волнений до достаточно мощных восстаний.

Крестьянские выступления первых лет советской власти имели немало фундаментальных причин, в числе которых нелегитимность правления большевиков у значительной части населения страны, отношение советской власти к крестьянам, как к классу реакционному вследствие его «частнособственнических наклонностей», осуществляемая большевиками модернизация страны, о чем свидетельствуют проводимые в первые годы советской власти реформы календаря, языка, образования, провозглашение государственного атеизма. Такой удар по традиционной культуре вызывал желание населения отстаивать то, что ему дорого, а, кроме того, нервировал массы, побуждал их к агрессивному поведению. Следует также учитывать, что для крестьянского населения, часть которого вернулась с фронтов I мировой войны, было характерно стремление решать проблемы силовыми средствами, без особых нравственных ограничений, чему способствовали секуляризация общественного сознания и большевистская пропаганда в армии.

Волнения крестьян в первые годы советской власти имели и кратковременные причины, так или иначе проистекавшие из указанных выше факторов. К числу таковых относились продовольственно-заготовительная политика большевиков, мобилизация в Красную армию. Выступления крестьян в Марийском крае (всего более 20) наблюдались на территории Казанской (Царевококшайский уезд – 8, Козьмодемьянский – 4, Чебоксарский – 1), Вятской (Яранский уезд – 3, Уржумский – 5), Нижегородской (Васильсурский уезд – 1) губерний.

Продовольственная политика советской власти в 1918 году характеризовалась целым рядом государственных документов. 26 марта был принят декрет об организации товарообмена с целью усиления хлебных заготовок, 9 мая – о мобилизации рабочих на борьбу с голодом, 13 мая – о предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, 11 июня – об учреждении волостных и сельских комитетов деревенской бедноты, 3 августа – о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций, 4 августа – об организации уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов. Основными положениями продовольственной диктатуры были незыблемость хлебной монополии и твердых цен, необходимость борьбы со спекуляцией. Всех, имевших «излишек» хлеба и не вывозивших его на ссыпные пункты, объявляли врагами народа, предавали революционному суду, заключали в тюрьму на срок не менее десяти лет с конфискацией имущества. В случае обнаружения утаиваемого избытка хлеб отбирался бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость выплачивалась в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, и в половинном – сельскому обществу [1], что фактически поощряло доносительство. Опорой советской власти на местах были комбеды, в компетенцию которых входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, оказание содействия продовольственным органам в изъятии хлеба [2]. В состав комитетов бедноты входили рабочие, покинувшие города и стремившиеся обустроиться в деревне, деклассированные элементы. При этом расхищались скот, сельскохозяйственный инвентарь, запасы продуктов, шло не созидание материальных ценностей, а их уничтожение.

К заготовке хлеба привлекались рабочие организации, профессиональным рабочим объединениям, объединениям фабрично-заводских комитетов, уездным и городским совдепам предоставлялось право организации продовольственных отрядов с целью приобретения по твердым ценам или реквизиции хлеба у зажиточной части населения [3, с. 142–143]. По решению советской власти были сформированы заградительно-реквизиционные, уборочные и уборочно-реквизиционные отряды [3, с. 169]. В положении о заградотрядах, действовавших на железнодорожных и водных путях, указывалось, что досмотру подвергаются все грузы и ручной багаж пассажиров. Продовольственные продукты были разрешены к провозу в пределах запасов провизии, необходимых на одного человека (не более 30 фунтов разных продуктов), в их число не могли входить мука и зерно, масло допускалось в количестве до трех фунтов, мясо – не более пяти фунтов [3, с. 170–172].

Циркуляры и распоряжения по продовольственной политике на региональном и местном уровнях в целом отражали общую ситуацию по стране. Весной 1918 года казанский губернский совет рабочих и крестьянских депутатов принял решение об организации губернского продовольственного отдела, наряды на хлеб распределялись по уездам, волостям, обществам, гражданам. При этом говорилось, что если граждане не внесут добровольно излишки хлеба по твердым ценам, органам власти предоставляется право

на бесплатную реквизицию, для чего в распоряжение уездных и волостных советов выделялись вооруженные отряды из числа рабочих [4, с. 4]. О характере проведения реквизиций мы можем судить по воспоминаниям очевидцев: «В деревню часто приходили солдаты. Отряды в деревне искали хлеб. Если уж находили, то отбирали все. Везде тыкали винтовками. Семена и то забирали. Сыпали в амбар, а оттуда только раздавали. Которых называли кулаками и середняками, те, боясь, бежали, уходили, оставляли дома и прятались, кто где мог… В деревнях везде ходили инспекторы и продагенты, у них у каждого был план разверстки, они составляли списки и указывали, у кого брать хлеб или что другое. Крестьяне возмущались, есть и одевать стало нечего. Все время собирались на сходки. Но на сходках открыто говорить крестьяне боялись, т.к. все время угрожали раскулачиванием и расстрелом как контрреволюционеров … при виде продотрядов и солдат люди прятались кто куда сами, да и вещи все старались прятать. Люди друг другу говорили, где и что слышно об отрядах и так из деревни в деревню шли сведения о передвижении отрядов. Вот так и узнавали и готовились к встрече с ними» [5, с. 68].

Первое известное ныне крестьянское волнение на территории Марийского края в период политики военного коммунизма произошло в Козьмодемьянском уезде. 29 апреля 1918 года жители Емешево увидели направлявшийся в сторону села отряд и собрались для защиты селения, приготовив ружья, топоры. Завязалась перестрелка, защитники Емешева были рассеяны. От полученных ран скончался крестьянин Архип Тимофеев, отряд изъял хлеб, муку и зерно [6, с. 150–150об.].

С весны 1918 года начались крестьянские волнения и на территории Вятской губернии. 12 мая в селе Токтай-Беляк Уржумского уезда по инициативе властей в лице комиссара уездного военкомата Одинцова проходил митинг. Крестьяне выразили на нем возмущение предлагаемыми твердыми ценами на хлеб и угрозами прибывших из Уржума представителей власти. Одинцов был избит, красноармейцы открыли ответный огонь, среди местного населения были убитые [7, с. 119]. 13 июля в село Токтай-Беляк для реквизиции хлеба прибыл один из отрядов первого Московского продовольственного полка. Погрузив изъятое, он двинулся в Мари-Турек, где был ссыпной пункт. Однако, токтай-белякские крестьяне догнали отряд, в завязавшейся перестрелке погиб комиссар Алейников [7, с. 125–126].

В 1918 году произошли волнения в Большеюнгинской волости Козьмодемьянского уезда, в деревне Негодяево Царевококшайского уезда, где отказывались от разверстки и налогов, требовали закрыть комбеды [5, с. 75]. 19 ноября состоялось восстание в селе Емангаши Васильсурского уезда Нижегородской губернии, причиной которого послужило то, что продотрядовцы «приехав на место …начали хозяйничать, как кому хотелось. Ломали замки у амбаров, хлеб забирали весь, жителей били прикладами и нагайками» [8, с. 93].

Крестьянские волнения 1918 года привели к тому, что продовольственная политика советской власти претерпела определенные изменения. 11 января

1919 года был обнародован декрет ВЦИК «О разверстке зерновых хлебов и фуража», согласно которому государство заранее сообщало размер своих потребностей в продуктах. Только после выполнения общиной требований по сдаче сельскохозяйственной продукции крестьянам выдавались квитанции на приобретение промышленных товаров. Необходимое количество хлеба и зернового фуража разверстывалось между губерниями, размер подлежащего отчуждению в каждой из них устанавливался наркоматом по продовольствию в соответствии с размерами урожая, запасами и нормами потребления. К разверстке, установленной Народным комиссариатом продовольствия, распоряжением губернских продкомитетов прибавлялось количество хлеба и зернового фуража, необходимое для нужд местного населения [9, с. 292–294]. 20 августа 1919 года в регионы поступило указание за подписями А.Д. Цюрупы и Ф.Э. Дзержинского: «Выполнение разверстки возлагается на продорганы и сельские волостные исполкомы, за действия последних возлагаю ответственность на Губисполкомы, Уисполкомы, Ревкомы …Возможный злостный саботаж кулацких волостных сельских исполкомов должен немедленно беспощадно пресекаться с устранением виновных от должности, преданием суду революционного трибунала и обязательным арестом до суда. Все местные силы должны быть брошены на работу, начните агитацию в печати, объедините силы исполкома, компартии в борьбе за хлеб … Население волостей должно быть предупреждено, что в случае невыполнения разверстки лишается права получения каких-либо товаров в текущем году» [10, с. 164]. Продразверстка, таким образом, содержала изначальную заданность, но исходила не из реальных возможностей крестьянских хозяйств, а из весьма неопределенного понятия «государственной потребности», методы ее проведения были опять-таки насильственными.

Первые крестьянские волнения на территории Марийского края в 1919 году начались осенью в связи с введением так называемых помольных билетов, выдаваемых каждому крестьянину на полгода, и являвшихся частью помольной системы, состоящей в том, что за размол зерна на мельницах брали четыре фунта муки с каждого пуда размола. Мука, провозимая без предъявления помольных билетов, отбиралась бесплатно, производящие помол без билетов передавались суду. В сентябре отмечалось недовольство населения в Шиньшинской волости [11, с. 14–14об.], в октябре – в Сотнурской волости [12, с. 420]. В итоге в селе Сотнур были разгромлены волостной исполнительный комитет, волостной военный комиссариат, канцелярия милиции, служащие и члены исполкома были разогнаны, уничтожены помольные билеты [13, с. 5–5об.].

Одной из причин крестьянских волнений первых лет советской власти была мобилизация в Красную армию. 25 декабря 1918 года вышло постановление Совета труда и обороны, которое предписывало наказывать дезертиров в пределах от денежных вычетов до расстрела, всех укрывателей, председателей домовых комитетов и хозяев квартир, где будут обнаружены уклоняющиеся от мобилизации, привлекать к принудительным работам на срок до пяти лет [3, с. 254–255].

Несколько ранее, 10–14 сентября 1918 года, состоялось самое известное ныне в Марийском крае крестьянское восстание в деревне Княжна, поводом для которого стало сопротивление мобилизации в Красную армию, нежелание участвовать в братоубийственной гражданской войне. Среди восставших были крестьяне сел Кузнецово, Семеновка, Большое Акашево. Сурты, деревень Княжна, Савино, Якимово, Есеней-сола, Орша-сола, Сенькино, Павлово, Актуганово, Пиштанка, Березово [14, с. 83; 15, с. 201]. В Княжну направился отряд ЧК во главе с председателем С.П. Даниловым, в результате столкновения он и трое красноармейцев были убиты.

При расправе с восставшими местные органы власти действовали согласно указанию Ленина, полученному 7 сентября штабом 5-й армии Восточного фронта: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное» [16, с. 178]. Восстание в Княжне было подавлено латышским и нижегородским отрядами, часть местного населения была убита. Затем в деревню прибыла реквизиционно-следственная группа, арестовавшая семь человек, причем троих расстреляла на месте, а четверых доставила в город, где по постановлению ЧК они также были расстреляны. У местного населения реквизировали 260 голов крупного рогатого скота, контрибуция составила 100 тысяч рублей [15, с. 204–205]. От имени Чрезвычайной комиссии в Царевококшайске было вывешено сообщение, в котором, в частности, говорилось: «10 сентября сего года в деревне Княжна белогвардейцы восстали против Советской власти. В этом восстании убили наших 4-х красноармейцев, за что с нашей стороны были расстреляны нами около 40 мятежников. Сообщаю всем жителям в г. Царевококшайске и уезде, что в ответ на одного расстрелянного нашего товарища расстреляем сотни со стороны восстанников … Рабоче-крестьянское правительство борется за светлое будущее, за благо всего человечества и каждое выступление против нея, какое бы то ни было, будет караться расстрелом виновного» [17, с. 91].

Подобные расправы наблюдались и ранее. О подавлении волнения крестьян Большеюнгинской волости летом 1918 года сохранились следующие воспоминания: «Около Болонинских полей их (крестьян – авт.) нагнал военизированный отряд. Крестьяне побежали в хлеба, а по ним начали строчить из пулемета. Человек двенадцать было убито. Убитые долго лежали не убранные, все они были из далеких деревень. Болонинские, красногорские, гавренихинские бабы, когда шли на базар в Козьмодемьянск, испуганно-торопливо проходили это место, но не могли не видеть то ноги в лаптях, то откинутую деревянно застывшую руку» [18, с. 281–282]. В ходе расправы в Емангашах в ноябре 1918 года по некоторым оценкам на месте было расстреляно около пятидесяти человек, арестовано не меньше пятидесяти, реквизировались хлеб, картофель, скот, крестьяне отдали все, боясь новых казней [8, с. 93–94].

Следует отметить, что основная причина ряда волнений вследствие отсутствия достаточного количества источников к настоящему времени не выявлена. Это выступления крестьян в селах Морки (октябрь и декабрь 1918 года), Шиньша (декабрь 1918-го), деревне Ожиганово Яранского уезда (1920),

селе Помьялы Чебоксарского уезда (21 января 1921), которые также были подавлены карательными органами.

Таким образом, крестьянские волнения периода военного коммунизма на территории Марийского края проходили с апреля 1918-го по февраль 1921 года. Причинами их были недовольство продовольственно-заготовительной политикой советской власти, мобилизацией в Красную армию, модернизацией традиционной культуры. На характер подавления волнений оказали влияние классовый подход большевиков к общественным явлениям, отношение к крестьянству, как к классу реакционному, что отражалось как в законодательстве первых лет советской власти, так и в политической практике того времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-13.htm
2. Декрет об организации и снабжении деревенской бедноты // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-11.htm
3. Декреты Советской власти. Т. 3. – М.,1964.
4. ГА РМЭ. Р. 727. Оп. 1. Д. 83.
5. *Сайсанов Д.С.* Крестьянские восстания в Царевококшайском уезде в 1918 году // Марийский археографический вестник. 1995. № 5.
6. ГА РМЭ. Р. 262. Оп. 1. Д. 48.
7. *Сайсанов Д.С., Шингареев Б.Ш.* Крестьянские восстания в южных уездах Вятской губернии в 1918 году // Марийский археографический вестник. 1999. № 8.
8. ЦАНО Ф. 1678. Оп. 8. Д. 198.
9. Декреты Советской власти. Т.4. – М., 1964.
10. ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 151.
11. ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 196.
12. ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 158.
13. ГА РМЭ. Р. 138. Оп. 1. Д. 4.
14. ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 83.
15. *Савинов С.С.* Мужество. – Йошкар-Ола, 1983.
16. *Ленин В.И.* Телеграмма Л.Д. Троцкому / Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1970. Т. 50.
17. ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 56.
18. *Крюкова Н.А.* Догорающий сад. – Йошкар-Ола, 2013.

Yuriy Yeroshkin

PEASANT UNREST ON THE TERRITORY OF MARI REGION IN PERIOD OF WAR COMMUNISM

The topic of the proposed communication is unexplored. The paper shows the causes of peasant unrest of the period of war communism, including the illegitimacy of the reign of the Bolsheviks of a significant portion of the Russian population, the class approach to social processes, modernization of the country pursued by Soviet authorities, influenced the state food procurement policy, the nature of mobilization in the Red Army. The article notes that peasant unrest in the territory of Mari El was held from April 1918 to January 1921, there were more than twenty of them. In the work methods for suppression of speeches of the peasants were described, they were the integral part of the punitive policy of the Bolsheviks against their own people.

«Финно-угроведение», 2015, № 2

Владимир Токпулатов
Йошкар-Ола

ПРОЕКТИРУЕМОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО МАРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В условиях размывания этнических границ процессами глобализации, ассимиляции, аккультурации *оптимизируются* формы поддержания традиционной этнической культуры, что придает ей сугубо закостенелый музейный статус. Тогда как жизненно важным является решение проблемы проектируемости и возрождения этноэкологических, этноэтических, этнополитических традиций с целью формирования высококачественной многоуровневой культурной среды.

За последние двадцать лет численность мари сократилась примерно на 15%. *Проблема* заключается в недостаточно развитых адаптационных способностях марийского этноса, что ведет к быстрой ассимиляции и аккультурации. *Идея* выхода из данных обстоятельств заключается в том, что необходимо преодоление пессимистических настроений и активное проявление жизнеутверждающих тенденций марийского этноса, т.е. *развитие проектных технологий*.

Цель настоящей статьи – доказать актуальность *проектируемости* марийской культуры как приоритетного и позитивного свойства марийского этноса в современных условиях.

Классическое понимание этнической культуры и ее изменений обнаруживается в исследованиях представителя американской школы исторической этнологии Кларка Уисслера. Антропологом систематизируются культурные и психологические характеристики первобытных племен, индейцев, европейских наций и американцев, в результате чего выявляется *универсальный паттерн культуры*. Он состоит из следующих культурных комплексов: *речь, материальные черты, искусство, мифология и научные знания, религиозные практики, семья и социальная организация, собственность, правительство, война* [1, с. 75]. Каждый культурный комплекс образуется из однородных по функциональным характеристикам *культурных форм*.

Согласно теории К. Уисслера, на планете изначально существовали *культурные ареалы*, адаптированные к природной среде и с уникальным бытом; существенная динамика в культурных ареалах происходит главным образом «благодаря» колонизациям и завоеваниям.

Паттерновый метод К. Уисслера может быть модифицирован с помощью более современных исследований отечественных ученых С.Н. Иконниковой, Э.А. Орловой, А.Я. Флиера [2; 3, с. 77–78; 4].

Обновленный *паттерн этнокультуры* будет выглядеть следующим образом:

1) лингвистика – трансляция информации и ее преемственность; обеспечение коммуникации между людьми и фиксация культурных содержаний в форме культурных тестов;

2) наука – познание мира в соответствии с принятыми этнонациональной общностью закономерностями, теориями, методами и критериями достоверности получаемых результатов;

3) собственность – базирующаяся на совместной созидательной деятельности этнонациональной общности, связанной с жизнеобеспечением и производством;

4) правительство – управление, регуляция, проектирование культуры; взаимодействие с другими культурными системами;

5) право – генерация и регуляция гуманистических законов, адаптированных к ценностям этнонациональной общности и способствующих его развитию;

6) религия – организующая мировоззрение людей, основанное на вере в священное, непреложное нерушимое обоснование жизни;

7) соматика – оздоровление и совершенствование телесной основы человека;

8) искусство – формирование образных, целостных, эмоционально окрашенных, базовых представлений о различных социокультурных ситуациях существования членов этноса;

9) «универсальная самооборонительная реакция» – сохранение и оборона этноса (в том числе вооруженная) с целью развития своих жизнеутверждающих культурных ценностей.

Таким образом, анализ множества историко-этнографических черт и их *соединение* под заглавием универсального паттерна культуры позволяет установить природу взаимосвязей культурных форм этноса, типологию и проблемные темы. Паттерновый анализ этнокультуры позволяет выявить ее системные свойства и адаптационно-развивающие способности этноса.

В неклассическом понимании этническая и национальная культура предстаёт как «конструктор» или как результат конструирования («демонтажа народа», «нациестроительства»). Здесь также возникает *идея проектирования* этнонациональной общности во имя прогресса.

Интересен паттерновый анализ марийской культуры на разных исторических этапах:

1) до периода формирования марийской интеллигенции и марийской национальной культуры в конце XIX – начале XX вв.;

2) непосредственно сам период проектирования марийской национальной культуры в начале XX в. «Марий калык погын» (Съездом народа мари).

Рассмотрим одну из самых выразительных морфологических единиц в схеме этнокультуры – политическую организацию мари. Примером централизованной единицы марийского этноса XVI в. историки считают *кугузство* («кугыжа» – царь; царство). Обозначаются достаточно развитые связи кугузств с европейскими странами. Современный историк А.Г. Бахтин приводит факты отправки многочисленных марийских воинов к литовским границам и в Крымское ханство. В конце этого же века в Марийском крае проявляется налоговая политика: «В Казанском уезде в 60-е гг. крестьяне платили за пользование монастырской землей 25 к. или пуд и 20 фунтов (24.57 кг) мёду со двора» [5, с. 467]. Историк считает налоговую политику основным мотивом повстанческих движений в Марийском крае. Мари желали именно улучшить социальное положение, а не осуществлять идею борьбы за независимость [5, с. 468]. Можно заключить, что такие хозяйственно-экономические условия обременяли народ, обуславливали торможение роста благосостояния, приковывали людей к аграрным занятиям.

А.Г. Бахтин характеризует целенаправленный процесс утверждения административной власти Ивана Грозного в Марийском крае следующим образом: «Царская армия до поры старалась не вмешиваться в жизнь луговых марийцев» [5, с. 468], т.к. это постоянно провоцировало восстания. Но она прочнее утвердилась на землях горных мари и Казани в 1560-х гг. Впоследствии элитный класс марийского этноса был уничтожен. Описания мари XVIII в. уже не выявляют централизованных единиц. В марийской этнической культуре до периода к XIX в. сложно выделить внутриэтнические централизованные единицы, направленные на усиление адаптационно-развивающих качеств мари.

Профессор И.Н. Смирнов рассматривает социальные классы, в числе которых *тарханы* – свободный от податей привилегированный социальный класс, дополняемый новокрещенными из инородцев [6, с. 31]. В Яранске, Козьмодемьянске, Царевококшайске, Кокшайске насчитывалось всего 56 тарханов. Эта страта была упразднена уже в 1718 г. А по поводу марийских управленцев мы читаем: «Ничтожна роль черемисских князьков в народных движениях» [6, с. 30].

В современном исследовании Е.П. Кузьмина марийские общинные организации XVIII в. рассматриваются как зависимые от воеводской власти или как придаток административно-бюрократической системы государственной власти [7, с. 92–100]. Тогда воеводская власть осуществляла административные, судебные, финансовые функции в жизнедеятельности народа мари.

Весь период XVI–XVII вв. характеризуется большим количеством военных мероприятий. Это восстания против колониальных администраций, походы на соседние населенные пункты удмуртов, русских и татар. В связи с этим в 1737 г. из числа мари стали набирать по 1 рекруту с 98 душ. В 1773 г. уменьшили сбор до 1 рекрута со 150 душ и в 1777 г. до 1 с 500 [7]. Таким образом, воинская повинность в XVIII в. способствовала «умиротворению» обстановки

в Среднем Поволжье, но не уменьшила некрофильских проявлений местной администрации в экономической и политической части. Налоговая политика, идеологическое и религиозное преследования инородцев продолжали осуществляться тяжким бременем для местного населения.

Итак, управленческая структура XVIII в., функционирующая в марийском крае, проявляет *смертоносные* тенденции и представляет собой серьезное препятствие развитию народа. Пессимистический настрой в Марийском крае формировался именно местными властями, т.к. российская централизованная власть старалась компенсировать экономические условия жизни крещёных мари. Они получали материальные выгоды в виде освобождения от ясака на 3–7 лет, рекрутской повинности, казенных работ на заводе, получали кресты в знак принятия христианства, деньги, одежду и вновь возвращенные земли [6, с. 44]. Такими методами за период правления Елизаветы число крещеных инородцев Казанской губернии достигло ста тысяч.

В образовании и становлении марийской интеллигенции на ее начальном этапе следует признать роль русской православной церкви. Формированию новых представлений народа мари послужили следующие христианские формы: строительство церквей в крае, миссионерская деятельность священников, Новый завет на марийском языке, духовные школы. В XIX в. христианские семинарии стали всё больше вести не столько миссионерскую деятельность, сколько просветительскую и образовательную работу с крещеными и некрещеными мари. Казанское Братство Святителя Гурия, основанное 4 октября 1867 г., также занималось образованием народа мари. Совместно с земствами и Министерством народного просвещения они воспитали первых марийских священников, учителей, напечатали первые труды о марийском языке и этнографии.

Национальная интеллигенция начинает формироваться в конце XIX – начале XX вв. В основном она характеризуется своей профессиональной деятельностью, направленной на поддержание ценностей и традиций, знаний и иных культурных форм, с целью укрепления адаптационных и развивающих свойств нации. Фундаментом марийской национальной культуры в начале XX в. стали следующие этнокультурные проекты: марийские общественно-политические организации («Марий ушем», «Марий калык погын», «Центральный отдел мари» и др.); проекты по формированию профессионального искусства (изобразительное, музыкальное, театр, поэзия), литературного языка и печатного дела, правовой культуры, религиозных организаций, научных учреждений и др. с определенными функциональными и экологическими характеристиками.

Проектировщиками культуры народа начала XX в. следует считать ярких представителей марийской интеллигенции: профессор Казанского университета И.Н. Смирнов; ученый-филолог В.М. Васильев; религиозный деятель и просветитель П.П. Глезденёв; автор первого марийского гимна Т.Е. Ефремов;

писатели Сергей Чавайн, Шабдар Осып, Олык Ипай; военный, политик и ученый В.А. Мухин; общественный деятель Л.Я. Мендиаров; основоположник марийского театрального искусства Я.П. Шкетан; художники К.Ф. Егоров, А.В. Григорьев и множество других знаковых фигур, сыгравших видную роль в становлении и формировании марийской национальной культуры. Их справедливо следует считать корифеями марийской интеллигенции. Ключевое направление их общественно-политической деятельности заключалось в преодолении социокультурных проблем народа мари (необразованность, невежество, бездуховность, преступность, бедность, голод).

Роль проектировщиков марийской национальной культуры в начале XX в. выполняет высший представительный орган «Марий калык погын». Состав форума представляет собой интеллигенцию, специализирующуюся на функциях основных блоков культуры, главным образом на политических. Данный демократический институт выступал централизованной единицей марийского этноса до появления Марийской автономии и правительства. Передовой отряд марийской интеллигенции вошел в состав сформированного в 1920 г. правительства. Следовательно, в начале XX в. осуществляется генерация «марийского правительства» (марийской централизованной единицы), которое отсутствовало с XVI в.

Итогом созидательной проектной деятельности марийской интеллигенции стала базовая политическая форма марийского этноса – Марийская автономная область, утвержденная ВЦИК и СНК РСФСР от 4 ноября 1920 г. в постановлении «Об образовании автономной области марийского народа».

Подытожим анализ эволюции «марийской политической культуры». Довольно сложно вписать этническую культуру в какой-либо строгий паттерн (схему), т.к. различные его подструктуры могут проявляться на одних исторических этапах и отсутствовать на других. Это подтверждается на примере существования кугузств в XVI в., затем полном отсутствии централизованных единиц до XX в. и очередное ее возрождение в форме Марий калык погын (1917) и Марийской автономии (1920). Этнокультура характеризуется тем, что в ее свойствах отсутствует какой-либо устойчивый порядок и иерархия, а присутствует только одно устойчивое свойство перемены и многовариативности всех этнокультурных форм.

Паттерновый метод выявляет *неожиданные характеристики этнокультуры*, показывает свою неспособность их объяснить, доказывает гораздо более сложный уровень организации культурной среды. Ее необходимо пересматривать с помощью синтезированной и совершенно новой методологии.

Недостатки паттернового метода можно обнаружить с точки зрения *неоклассической* (новой) методологии. В соответствии с неоклассикой этносам могут быть приписаны такие свойства, как фрактальность, полилог, аутопоэзис, ризоморфность, обновляемость и др., а культурные формы могут

быть рассмотрены как фрактальные образования [8] (лат. *fractus* – дробленый, сломанный, разбитый), части которого обладают свойством самоподобия.

Для любой этнической общности характерны тенденции разворачивания своего *концептуального фрактала* в пространстве. Фрактальность «превращается в концептуальную, когда она отражает характер культурной системы, в данном случае – социально-политической системы» локальной культуры [9, с. 69]. «В концептуальном фрактале подобие выражается на уровне идей и концептов, общих для некоторой социокультурной, философской системы» [9, с. 69].

Ученый-физик и философ венского происхождения Ф. Капра характеризует мировоззрение современного общества как «механическое», т.е. со следующими глубоко укоренившимися идеями и ценностями: «взгляд на Вселенную как на некую механическую систему, скомпонованную из элементарных «строительных» блоков; взгляд на человеческое тело как на машину; взгляд на жизнь в обществе как на конкурентную борьбу за выживание; убежденность в том, что неограниченный материальный прогресс достигается путем экономического и технологического развития» [10, с. 13]. В связи с этим Ф. Капра подчеркивает важность развития *глубокого экологического осознания*. Новая методология рассматривает социальные общности как *живые системы*, способные к самосотворению, самогенерированию, фрактальному заполнению культурной среды, равнозначным и равноценным связям с другими живыми системами.

В исследованиях об экологических представлениях в космогонии народа мари доказывается, что проблема бережного и внимательного взаимодействия природы и человека занимает ключевое положение. Вера в Бога у мари до сих пор является верой в то, что окружающий Мир или Космос, включая человека – это единый живой организм. Бог – это Абсолютное Добро и всегда помогает человеку, если человек не противопоставляет себя другой части Бога [11, с. 196–199].

Таким образом, сегодня наукой доказано, что этническая культура не может считаться рудиментарной, если сохраняет свою сущность в виде идеи или концепции. К примеру, в марийской национальной культуре жизнеутверждающие тенденции проявляются через *экоцентризм*. В данном случае экоцентризм выступает в качестве концептуального фрактала марийского этноса.

Важным для понимания сущности этноса становится исследование его мировоззрения, а не только конечных проявлений и культурных форм. На наш взгляд, методика исследования духа народа удачно представлена в работе Я.В. Чеснова «Народная культура» (2014). Он использует различные концепты для выявления духа народа, в числе которых *витальность и нрав*. Нрав в его понимании – это «поведенческий концепт, который направлен на ориентацию в условиях избыточности, даруемых природой, и на культуру, вводящую ограничения»; его «функция состоит в описании мотиваций человека» [12,

с. 384]. Витальность – «сшивка природы и человека, когда природа, указывая на конкретного человека и выделяя его, дает ему предписания жизнедеятельности» [12, с. 459]. Таким образом, нрав является ядром мировоззрения, задает алгоритм жизни этноса, а культурные комплексы формируются с целью адаптации и развития в окружающей среде. Именно нрав является проявлением духа народа, направляет народ в русло *человеческой жизни*, а витальность – это выживание и адаптация *тела народа*.

В таком контексте этнокультура генерируется с целью *самосохранения* в природной среде (природа – 1-й Дом), обретения в ней чувства дома, а также формирования быта (жилище – 2-й Дом). Национальная культура понимается как нравственная и универсальная культура, формируемая с целью *развития* нации в социальном бытии (общество, культура – 3-й Дом).

Необходимым становиться внимательное изучение этнических проблем с целью дальнейшей выработки стратегии ревитализации целесообразных культурных традиций. В данном случае паттерновый анализ национальной культуры актуален для выявления ее недостающих функциональных блоков. (Важно наличие всех блоков этнокультуры, их выявлению способствуют схемы, паттерны, морфологии культуры. Это позволит восстановить адаптационные свойства этноса, развить его качества, оживить культурную среду: спроектировать человеческую жизнь этносов, а не только условия выживания.

Проектная деятельность этнокультурных организаций будет разворачивать в реальных культурных формах основные этнические идеи, ревитализировать традиции применительно к новым условиям жизни.

Проектирование культурной среды может пониматься в широком понимании как деятельность по преобразованию пространства, его генерированию в формах с определенным духовно-материальным содержанием, заранее заданным проектировщиками.

Понятие *проект* имеет значение специализированности, т.е. наличие проекта говорит о существовании определенных национальных идей и этнокультурных проектировщиков. Этнокультурный проект понимается как итог духовно-преобразовательной деятельности. Он призван удовлетворять потребность этноса в увеличении своих адаптационно-развивающих способностей. Проектирование понимается как специализированный многофункциональный вид деятельности, обеспеченной профессиональными управленческими кадрами. Организационная структура, свойства и регулируемые ими процессы характерны для общественных организаций специализированного уровня – национальной элиты. Качественным и прогнозируемым считается системное проектирование культурной среды, достигаемое при точном формулировании концепций, целей, задач, программ, когда имеется ясное понимание политических, культурных, экологических реалий. В общем виде проектирование – это деятельность и свойство общности генерировать и оживлять культурную среду.

Проектная деятельность национальной элиты, как правило, соответствует определенным нравственным и экологическим императивам. Гуманизм является важным универсальным критерием всех культурных процессов, в том числе порождения этнокультурных проектов. В соответствии с *неоклассическим гуманизмом* (где никакая идея не может перевешивать жизнь человека; жизнь человека имеет приоритетную ценность) проектирование национальной культурной среды происходит в жизнеутверждающем русле [13, с. 4–12]. В таком случае неприемлемыми признаются акты ущемления интересов и здоровых потребностей общества.

Паттерновый анализ марийской культуры показывает, что ее морфологические единицы и культурные формы могут не проявляться в течение столетий, после чего вновь самогенерироваться. Устойчивость вовсе не характеризует марийскую культуру как основное свойство, т.к. все этнокультурные формы многовариативны и порой совершенно не проявляемы. Механицизм и органицизм не способен объяснить всех феноменов и системных свойств марийской культуры. Этнонациональная общность – это живая система, способная к самосотворению и самогенерированию; обладает нравом, культурой, чем характеризуются не все живые системы, а только человек.

Таким образом, постоянные перемены в культурной среде подталкивают общество к освоению проектных технологий, развитию искусства мышления, осмыслению новых знаний и иного уровня сложности организации мира. В данном контексте основным свойством, которое сегодня необходимо применять народу, является проектируемость.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Wissler C.* Man and culture. – N.Y.: Thomas Y. Crowell company publishers, 1923.

2. *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2005.

3. *Орлова Э.А.* История антропологических учений. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2010.

4. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000.

5. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2012.

6. *Смирнов И.Н.* Черемисы – Казань: Типография Императорского Ун-та, 1889.

7. *Кузьмин Е.П.* Взаимоотношения Царевококшайской воеводской власти и крестьянской общины в 30–70-е годы XVIII века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ; МарНИИ, 2002.

8. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

9. *Николаева Е.В.* Концептуальный фрактал в культурных системах // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 13.

10. *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. – К.: «София»; М.: ИД «София», 2003.

11. *Токпулатов В.Г., Шкалина Г.Е.* Экологические представления в космогонии народа

мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II.

12. *Чеснов Я.В.* Философская антропология народной культуры. – М.: Канон +РООИ «Реабилитация», 2014.

13. *Меньчиков Г.П.* Гуманизм: классический, неклассический и неоклассический // Вестник КГУКИ. – Казань, 2012. № 1.

Vladimir Tokpulatov

PROJECTIBILITY AS THE MAIN FEATURE OF MARI CULTURE

In our country there is the problem of restricting the cultural potential of the Finno-Ugric peoples as representatives of non-European type of civilization. In term of the blurring of ethnic boundaries the processes of globalization, assimilation, and acculturation form of the maintenance of traditional ethnic culture optimized, which gives it a purely ossified museum status. Whereas vital is the problem of projectibility and revival of ethno-ecological athetically ethnic and political traditions for the purpose of forming high quality multi level cultural environment.

СООБЩЕНИЯ

Алексей Кудрявцев
Йошкар-Ола

ЦАРЕВОКОКШАЙЦЫ В КАРПАТАХ ЗИМОЙ 1915 г. В СОСТАВЕ 260-го ПЕХОТНОГО БРАЦЛАВСКОГО ПОЛКА

В 2014 году весь мир отмечал столетний юбилей начала Первой мировой войны – одного из трагических и в то же время, судьбоносных событий как мировой так и отечественной истории. Эта война стала катализатором многих крупных явлений и процессов, определила во многом современную геополитическую картину мира, сохраняющуюся до сих пор. В то же время она наложила неизгладимый отпечаток и на личные судьбы миллионов людей. К сожалению, в отечественной исторической памяти есть много лакун, и события на фронтах Первой мировой войны, подвиги офицеров и рядовых, воинская слава и горькая трагедия наших прадедов остается еще для многих terra incognita.

В данном сообщении целью является возвращение шаг за шагом в историческую память края тех уроженцев уезда, кто вносил свою лепту в написание страниц книги воинской славы страны и кто был незаслуженно забыт. 29 сентября 1914 г. из Царевококшайска была отправлена в г. Сенгилей Симбирской губернии партия призванных по мобилизации ратников I разряда Государственного ополчения срока службы 1910–1913 гг. (не служившие, но прошедшие подготовку на военных сборах 1889–1892 г.р.) в числе 333 человек [1, л. 233–349 об.]. После обучения вся команда влилась в состав 260-го пехотного Брацлавского полка II очереди (формируемых на основе первоочередных полков в случае всеобщей мобилизации) и к зиме в составе воинской части оказалась в Карпатах.

В самом начале нового, 1915 года русское командование своевременно распознало новую угрозу на Стрыйском направлении, однако для переброски подкреплений было необходимо выиграть время. С этой задачей блестяще справились войска Стрыйского отряда, которые приняли на себя первый и самый

Фото 1. Павловский Никита Андреевич (справа) с боевым товарищем. Из семейного архива внучки Поповой С.

Фото 2. Павловский Никита Андреевич в плену

сильный натиск Германской Южной армии. В январе 1915 г. русских 5 пехотных и 4 казачьих полков генерала Альфтана сдерживали 5 вражеских пехотных дивизий. Войска отряда генерала Альфтана медленно отступали, в упорных оборонительных боях сдерживая натиск превосходящих сил противника. К 19 января (1 февраля) русским пришлось оставить перевалы Бескид и Верецкий, но им удалось удержать находящийся восточнее Вышковский перевал; здесь русские нависали над неприятельским расположением вплоть до самого своего отхода из Карпат.

В сомкнутых построениях и с хорошо натренированной точностью германцы пытались штыковыми атаками взять позиции штурмом. Там, где удавалось проникнуть на русские рубежи, в течение нескольких минут в мёртвой схватке происходила яростная рукопашная борьба между солдатами трех империй. Огромные массы тел австрийцев и германцев усеяли нижние склоны высот у с. Козиово. В течение пяти недель фон Линзинген вел огонь по русскому фронту, будучи не в состоянии совершить прорыв.

За январские оборонительные бои у карпатских перевалов генерал Альфтан был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени – высшей из доступных для его чина наград. За бой 25 января (здесь и ниже даты представлены по старому стилю) под селом Козиово (Козювка) Верховный Главнокомандующий пожа-

ловал всем участвовавшим в нем нижним чинам, оставшимся в строю или получившим ранения, по Георгиевскому кресту очередной степени [2, с. 55]. Так сообщал об этом бое печатный орган Генерального штаба «Разведчик» в номере от 10 февраля: «Перешедшие перевал Тухолку германские колонны произвели 25-го января двадцать две яростные атаки на занятые нами высоты в районе Козювки. Для атаки позиции и Козювки германцы начали накапливаться в ночь на 25-е января. С утра началось стремительное наступление германских колонн. Никакие потери в передних рядах не останавливали следующие шеренги. Атака поддерживалась очень сильным огнем тяжелой артиллерии. Германцы наступали в густых строях в несколько шеренг. Первый раз германцам удалось овладеть важной высотой на нашей позиции лишь в небольшом числе и они легко были сброшены с нее штыками. Дальнейшие атаки шли непрерывно… К вечеру германцы овладели нашей высотой уже в значительных силах. Тогда наши войска бросились здесь в общую контратаку, и завязался продолжительный, беспримерный штыковой бой. Германцы защищались с невероятным упорством, но нам удалось одолеть врага. Остатки германских полков далеко откатились от наших позиций…» [3, с. 84–85].

На настоящий момент автору удалось атрибутировать по фамилии, имени, отчеству и месту рождения, номеру награды порядка восьми десятков участников того боя – уроженцев Царевококшайского уезда, получивших по высшей боевой награде для рядового состава – Георгиевскому Кресту. Один из них – Овчинников Павел Александрович, уроженец д. Медведево Вараксинской волости, впоследствии стал полным кавалером Георгиевского Креста [1, л. 337–337 об.], далеко не единственным полным кавалером высшей боевой награды для низших чинов.

Ниже представлены 2 приложения. В первом отражены выявленные автором на момент публикации уроженцы уезда, получившие в том бою награды. Во втором, отражены имена «Царевококшайцев» из 260-го пехотного Брацлавского полка, погибших, пропавших без вести и не вернувшихся из плена (данные также на момент публикации). Сведения носят сводный характер и извлечены, главным образом из 3-х фондов Государственного архива Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ): фонда управления Царевококшайского воинского начальника [4]; фонда Краснококшайского военного комиссариата [5] и фонда военного комиссариата Марийской Автономной Области [1].

В Ф-79 содержится множество входящей документации, поступавшей в управление уездного воинского начальника в годы войны – это документы об освидетельствовании новобранцев и мобилизации запасных и ополченцев, переписка об уволенных со службы с присылаемыми из госпиталей свидетельствами о болезнях, послужные списки и свидетельства об исполнении воинской повинности, уведомления из полков к сведению родственников о судьбах солдат (убит, пропал без вести, в плену). В последних двух фондах, уже советского периода в ряде массивов документов также содержится информация

о прохождении царевококшайцами службы в годы Первой мировой войны – это учетные карточки, документация о демобилизации и снятии с воинского учета, послужные листы. При этом в материалах Краснококшайского венного комиссариата содержится и дореволюционная документация. В том числе и сведения о переписке командира 260 пехотного Брацлавского полка с уездным воинским начальником о вручении семьям тех, кто не успел получить уже заслуженный крест (вскоре после 25-го января попал в плен, был убит).

Опубликованные здесь имена лишь малая толика, связавших собою две России – дореволюционную и последующую. В силу ряда причин как в исторической науке нашей страны, так и в общественной жизни вообще было принято порывать с «царским» прошлым. Автор находит, что именно сейчас, когда исторической памяти страны уделяется столь значительное внимание, пришла пора восстанавливать эти утраченные связи, и наступило время воспринимать историю страны как единое целое, ветви будущего которого неразрывно связаны с корнями прошлого. Если у вас сохранилось какое-либо документальное (письмо, фотография) свидетельство, или же вам хотелось бы поделиться воспоминаниями о предках, пишите на адрес электронной почты alterloki@rambler.ru. Автор с удовольствием примет от вас копии документов для последующего исследования белых пятен нашей с вами истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Андрианов Петр Андреевич, 1890–1964, солдат, Петриковская, д. Мананмучаш, контужен, ГК (Здесь и далее – Георгиевский Крест) 4 ст. № 261617.

Андриянов Павел Андриянович, 1891, рядовой, Моркинская, д. Новая, ГК 4 ст. № 285102.

Антонов Михаил Максимович, 1892, мл. унтер-офицер, Вараксинская, с. Семеновка, ранен 1915.01.26, ГК 4 ст. № 285597.

Архипов Иван Никитич, 1890, солдат, Вараксинская, д. Княжна, ранен, ГК 4 ст. № 261714.

Ахмадуллин Сибегатулла Сафиуллович, солдат, Себеусадская, д. Юрдур, ГК 4 ст. № 261121.

Балашов Андрей Григорьевич, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Лапшино, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 261707.

Беляков Илья Петрович, 1891, рядовой, Петриковская, д. Кугенер, ранен в обе ноги 1915.08.12 и в правую кисть 1917.09.04, ГК 4 ст. № 261725.

Бикчантаев Фазыльзян Хайруллович, 1890, рядовой, Моркинская, д. Сердеж, ранен 1915.01.28., ГК 4 ст. № 261116.

Блохин Тимофей Минеевич, 1892, ст. унтер-офицер, Петриковская, д. Ежово, ГК 4 ст. № 285598.

Боцманов Осип Николаевич, 1890, солдат, ГК 4 ст. № 285174.

Виноградов Иван Архипович, 1892, рядовой, Арбанская, д. Большие Шапы, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285277.

Виноградов Михаил Яковлевич, 1992, рядовой, Арбанская, д. Большие Шапы, ранен 1915.01.27, пленен 1915.06.20, вернулся 29.12.1918, Австро-Венгрия, лаг. Йозефштадт (Josefstadt), ГК 4 ст. № 285274.

Виноградов Николай Прокофьевич, 1892, рядовой, Арбанская, д. Митькино, ранен 1915.01.23., ГМ 4 ст. № 222655.

Власов Андрей Семенович, 1890, солдат, ГК 4 ст. № 285121.

Гаврилов Иван Гаврилович, 1889, рядовой, Вараксинская, д. Аленкино, п.б.в. 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285246.

Галкин Степан Игнатьевич, 1892, рядовой, Ронгинская, д. Кожласола, п.б.в. 1915.01.28., вернулся, ГК 4 ст. № 261892.

Горелов Епимах Федорович, 1890, рядовой, Петриковская, д. Поляновка, ранен в левое плечо на выс. 1026 под с Козиово, Карпаты 1915.04.16, ГК 4 ст. № 261738.

Гранатов Иван Дмитриевич, 1891-1969, рядовой, Моркинская, с. Петровское, ранен 1915.01.29., ГК 4 ст. № 261895.

Евдокимов Филипп Евдокимович, 1892, солдат, Петриковская, д. Бахтиарово, ГК 4 ст. № 285129.

Евдокимов Яков Евдокимович, 1891, рядовой, Себеусадская, д. Кортасенер, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285259.

Иваков Петр Андреевич, 1892, рядовой, Петриковская, д. Красная Поляна, ранен 1915.01.30., п.б.в., ГК 4 ст. № 261734.

Иванов Алексей Иванович, 1891, солдат, ГК 4 ст. № 285273.

Иванов Павел Иванович, 1889, рядовой, Арбанская, с. Шойбулак, ранен 1915.01.29., ГК 4 ст. № 281896.

Казанкин Семен Петрович, 1890, рядовой, Петриковская, д. Александровка, ранен 1915.01.31., ГК 4 ст. № 261704.

Кислицын Андрей Александрович, 1892, солдат, ГК 4 ст. № 285120.

Козлов Николай Осипович, 1891, поручик, Петриковская, д. Красная Поляна, ГК 4 ст. № 281386.

Кондратьев Иван Парфенович, 1890-1973, рядовой, Арбанская, д. Орешкино, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 261632.

Константинов Прокопий Константинович, 1890-1956, рядовой, Петриковская, д. Ятманово, ранен, контужен 1915.01.28., ГК 4 ст. № 261768.

Коротков Иван Эрастович, 1892, солдат, ГК 4 ст. № 285286.

Краснов Иван Лукич, 1889, рядовой, Вараксинская, д. Старое Комино, ранен 1915.01.28., ГК 4 ст. № 261137.

Кудрявцев Николай Архипович, 1889, рядовой, Арбанская, д. Среднее Азяково, п.б.в. 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285276.

Кудрявцев Трофим Васильевич, 1889, солдат, Арбанская, д. Шеклянур, п.б.в. 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285270.

Кузнецов Павел Иванович, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Есенейсола, ранен 1915.01.28., пленен под г. Любашев 1916.07.28., вернулся 5.02.1917., Германия, лаг. Торнау, ГК 4 ст. № 261776.

Кульков Федор Иванович, 1889, солдат, Сотнурская, д. Кужерского стекольного завода, пленен на выс. 1026 под с Козиово, Карпаты 1915.04.23 вернулся 2.03.1918, Австро-Венгрия, ГК 4 ст. № 261673.

Кутасов Ефим Иванович, 1889, рядовой, Арбанская, д. Шеклянур, погиб 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285271.

Кутасов Тихон Алексеевич, рядовой, Петриковская, д. Ятманово, п.б.в., ГК 4 ст. №261769.

Лаптев Александр Григорьевич, 1891, рядовой, Арбанская, д. Кужелка, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285267.

Ласточкин Николай Кузьмич, 1892, рядовой, Моркинская, д. Купсола, п.б.в. 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285258.

Лебедев Алексей Михайлович, рядовой, Сотнурская, д. Нуршари, ранен 1915.01.29., ГК 4 ст. № 285712.

Логинов Иван Ананьевич, 1890, рядовой, Вараксинская, с. Кузнецово, ранен 1915.01.28, пленен на выс. 1026 под с Козиово, Карпаты 1915.04.17, вернулся 26.10.1918, Австро-Венгрия, лаг. Гарт-при-Амштатене (Hart bei Amstetten), ГК 4 ст. № 261701.

Макаров Николай Николаевич, 1890, солдат, Вараксинская, д. Юркино, п.б.в. 1915.02.10., ГК 4 ст. № 261371.

Макаров Степан, рядовой, Ронгинская, погиб, ГК 4 ст. № 285106.

Малышев Алексей Павлович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, ранен 1915.01.26., ГК 4 ст. № 285596.

Марданов Семен Марданович, 1892, рядовой, Моркинская, д. Ислеть, ранен 1915.01.29., ГК 4 ст. № 285117.

Марков Иван Васильевич, 1891, рядовой, Моркинская, с. Морки, ранен 1915.01.29., п.б.в., ГК 4 ст. № 261897.

Михайлов Александр Лаврентьевич, рядовой, Себеусадская, д. Большой Ярамор, ранен 1915.01.28, ГК 4 ст. № 261372.

Михайлов Хрисандр Михайлович, рядовой, Больше-Шигаковская, д. Верхние Ошутъялы, погиб, ГК 4 ст. № 261784.

Мясников Василий Матвеевич, 1890, рядовой, Петриковская, с. Большое Акашево, ранен 1915.01.29; 1915.02.12, ГК 4 ст. № 261782.

Никифоров Даниил Никифорович, 1889, солдат, Моркинская, д. Норепсола, ранен, ГК 4 ст. № 261893.

Овчинников Павел Александрович, 1890, подпрапорщик, Вараксинская, д. Медведево, ранен 2-ды, контужен 3-ды, отравлен газами, ГК 1,2,3, 4 ст. № 261791.

Павловский Ефим Петрович, 1891-1975, мл. унтер-офицер, Петриковская, д. Ежово, пленен, вернулся 21.12.1918, Германия, лаг. Данциг (Dantzig), ГК 4 ст. № 261694.

Павловский Иван Дмитриевич, 1892, рядовой, Петриковская, поч. Малококшайский, ранен, ГК 4 ст. № 261703.

Павловский Никита Андреевич, 1890, рядовой, Ронгинская, д. Ургакш, ранен 1915.01.31., контужен, пленен под г. Ивангород 1915.07.16., вернулся 31.01.1919., Германия, лаг. Третштейн, ГК 4 ст. № 261800.

Падрашев Алексей Кириллович, 1892-1953, солдат, Вараксинская, д. Большой Шаплак, пленен под г. Тернополь 1915.09.02 вернулся 31.10.1918, Австро-Венгрия, лаг. Гарт-при-Амштатене (Hart bei Amstetten), ГК 4 ст. № 261081.

Пирогов Василий Алексеевич, 1892, рядовой, Ронгинская, с. Ронга, ранен навылет в левую кисть между 4-м и 5-м пальцем с переломом костей 1915.01.31., ГК 4 ст. № 261798.

Плотников Иван Яковлевич, 1891, рядовой, Вараксинская, д. Гомзово, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 261702.

Плотников Петр Михайлович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Коряково, ранен 1915.01.28, пленен на выс. 1026 под с Козиово, Карпаты 1915.04.23, вернулся 18.11.1918, Австро-Венгрия, лаг. Шопронек (Sopronnyék), ГК 4 ст. № 261700.

Плотников Трофим Андреевич, 1889, рядовой, Вараксинская, д. Митюково, пленен под г. Вильно 1915.09.07, вернулся 1.02.1919, Германия, лаг. Ламсдорф (Lamsdorf), ГК 4 ст. № 285285.

Полканов Иван Александрович, 1890, солдат, Вараксинская, д. Медведево, пленен на выс. 1026 под с Козиово, Карпаты 1915.04.23, вернулся 11.11.1918, Австро-Венгрия, ГК 4 ст. № 261799.

Рыбаков Иван Кузьмич, 1892, мл. унтер-офицер, Вараксинская, д. Аленкино, пленен под м. Мостичка 1915.07.06 вернулся 28.09.1918, Австро-Венгрия, рабочий батальон, №1077, ГК 4 ст. № 285282.

Рыбаков Михаил Григорьевич, 1892, рядовой, Петриковская, д. Яндушево, п.б.в. 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285243.

Рыжеусов Яков Васильевич, рядовой, Моркинская, д. Купсола, ранен 1915.01.31., ГК 4 ст. № 261342.

Савинов Степан Васильевич, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Большое Чигашево, ранен 1915.02.12., ГК 4 ст. № 261809.

Сальников Николай Тимофеевич, 1890, солдат, Вараксинская, д. Ширяйково, ГК 4 ст. № 261680.

Семенов Яков, солдат, Сотнурская, д. Ярамор, ГК 4 ст. № 285105.

Сергеев Николай Сергеевич, 1892, рядовой, Моркинская, д. Кучукенер, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285266, ГМ 3 ст. № 35768.

Сидоров Иван Павлович, 1889-1958, солдат, Ронгинская, д. Ошмаенер, пленен, вернулся 27.05.1918, Австро-Венгрия, рабочая команда, ГК 4 ст. № 285260.

Скобелев Кирилл Анисимович, 1890, рядовой, Арбанская, д. Шоядур, ранен, ГК 4 ст. № 261807.

Смирнов Петр Никифорович, 1890, рядовой, ГК 4 ст. № 261888.

Степанов Федор Тимофеевич, солдат, Моркинская, д. Нуртяк, ГК 4 ст. № 261374.

Сычев Георгий Ильич, 1890, солдат, Шиньшинская, д. Нужключ, ГК 4 ст. № 261837.

Таланцев Федор Иванович, 1890, солдат, Петриковская, д. Нердашево, погиб 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285244.

Таланцев Яков Михайлович, 1890, солдат, Петриковская, д. Нердашево, погиб, ГК 4 ст. № 285245.

Тимаков Федор Николаевич, 1889, мл. унтер-офицер, Петриковская, д. Пахомово, ранен в правую руку с переломом кости 1915.01.25, ГК 4 ст. № 285122.

Толстов Терентий Артемьевич, 1892, рядовой, Арбанская, д. Шеклянур, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285272.

Туманов Николай Алексеевич, 1892, рядовой, Арбанская, д. Орешкино, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285287.

Федоров Андрей Петрович, солдат, ГК 4 ст. № 261373.

Федоров Емельян Федорович, 1890, рядовой, Петриковская, д. Нердашево, погиб 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285278.

Федоров Иван Федорович, 1892, рядовой, Себеусадская, д. Кортасенер, ГК 4 ст. №285562.

Федоров Павел Федорович, 1889, рядовой, Сотнурская, д. Полатенер, ранен 1915.01.28., ГК 4 ст. № 285268.

Филиппов Василий Филиппович, 1892, солдат, Моркинская, д. Нижняя, пленен 1915.08.23, вернулся 13.12.1918, Австро-Венгрия, ГК 4 ст. № 285101.

Цыганов Иван Онуфриевич, 1890, рядовой, Петриковская, д. Акшубино, п.б.в.

1915.01.27., ГК 4 ст. № 285256.

Чулков Иван Ефимович, 1890, ефрейтор, Вараксинская, д. Гомзово, ранен, пленен 1915.01.30, обменен, вернулся 26.09.1918, Австро-Венгрия, лаг. Везельбург (Wieselburg an der Erlauf), рабочий батальон № 35, 23 рота, личный № 335, ГК 4 ст. № 261674.

Шалаев Николай Андреевич, 1892, рядовой, Арбанская, д. Шеклянур, ранен 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285248.

Щеглов Михаил Григорьевич, рядовой, Петриковская, д. Томшарово, п.б.в., ГК 4 ст. № 261135.

Якаев Максим Иванович, 1892, рядовой, Ронгинская, д. Петрушкино, ранен шрапнелью 1915.01.27., ГК 4 ст. № 285104.

Ямбаков Алексей Осипович, 1889-1952, рядовой, Петриковская, д. Яшмаково, ГК 4 ст. № 261818.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Алексеев Павел Алексеевич, 1892, рядовой, Ронгинская, д. Кукшумбал, погиб 1915.01.27.

Андреев Дмитрий Андреевич, 1891, рядовой, Себеусадская, п.б.в. (здесь и далее – пропал без вести) 1915.01.27.

Анциферов Александр Иванович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Кожино, п.б.в. 1915.01.30.

Афанасьев Василий, 1891, рядовой, Арбанская, с. Шойбулак, умер от ран.

Борисов Федор Петрович, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Кожино, пленен 1915.01.30.

Бороухин Егор Ананьевич, 1890, солдат, Ронгинская, д. Чкарино, погиб 1915.01.30.

Быков Василий Иванович, 1889, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, пленен 1915.01.30.

Васильев Василий Григорьевич, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Медведево, погиб 1915.01.30.

Гарканов Ефим Никитич, 1892, рядовой, Петриковская, д. Красная Поляна, погиб 1915.01.29.

Давыдов Семен, 1885, рядовой, Арбанская, с. Шойбулак, погиб.

Деревяшкин Павел Алексеевич, 1890, рядовой, Арбанская, д. Шаптылга, п.б.в. 1915.01.27.

Ермолаев Григорий Федорович, 1890, рядовой, Арбанская, с. Шойбулак, погиб 1915.01.31.

Житинкин Николай Андреевич, рядовой, Вараксинская, п.б.в. 1915.01.30.

Захаров Павел Захарович, 1892, рядовой, Арбанская, д. Шеклянур, п.б.в. 1915.01.27.

Иваков Семен Матвеевич, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, п.б.в. 1915.01.28.

Ильин Петр Ильич, 1891, рядовой, Моркинская, погиб 1915.01.27.

Инягин Павел Михайлович, 1892, солдат, Вараксинская, д. Березово, п.б.в. 1915.01.26.

Иркин Андрей Иванович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, п.б.в. 1915.01.30.

Иркин Василий Илларионович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, п.б.в. 1915.01.30.

Калмыков Владимир Яковлевич, 1889, солдат, Вараксинская, д. Подборная, пленен 1915.01.31. (фотография опубликована Стариковым С.В. (6, с. 291))

Кильмаков Александр Петрович, 1892, рядовой, Больше-Шигаковская, д. Яндуксола, погиб 1915.01.31.

Киндулкин Иван Николаевич, 1889, рядовой, Арбанская, д. Ошламучаш, погиб 1915.01.27.

Кириллов Петр Кириллович, 1889, рядовой, Ронгинская, д. Великополье, п.б.в. 1915.01.27.

Кононов Егор Кононович, 1889, рядовой, Арбанская, с. Цибикнур, погиб 1915.01.29.

Косов Яков Петрович, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Туруново, погиб 1915.01.28.

Краснов Тимофей Николаевич, 1889, рядовой, Арбанская, д. Нужъялы, п.б.в. 1915.01.31.

Ксенофонтов Петр Ксенофонтович, 1889, рядовой, Петриковская, д. Бахтиарово, п.б.в. 1915.01.31.

Кудрявцев Гавриил Николаевич, 1892, рядовой, Арбанская, д. Нужъялы, п.б.в. 1915.01.31.

Лукьянов Алексей Лукьянович, 1890, рядовой, Петриковская, д. Ятманово, погиб 1915.01.28.

Мельников Иван Алексеевич, 1892, рядовой, Петриковская, с. Сурты, п.б.в. 1915.01.26.

Никитин Иван Дмитриевич, 1889, рядовой, Вараксинская, д. Березово, п.б.в. 1915.01.30.

Николаев Иван Иванович, рядовой, Вараксинская, д. Княжна, погиб 1915.01.30.

Охотин Гавриил Степанович, 1890, ефрейтор, Арбанская, д. Шихмаматово, погиб 1915.01.27.

Павлов Иван Васильевич, 1890, солдат, Вараксинская, д. Княжна, погиб 1915.01.30.

Пайков Даниил Ефимович, 1890, рядовой, Ронгинская, д. Кугенер, погиб 1915.01.23.

Плотников Михаил Тимофеевич, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Медведево, п.б.в. 1915.01.30.

Прокофьев Григорий Прокофьевич, 1889, рядовой, Арбанская, д. Елемучаш, п.б.в. 1915.01.27.

Ратманов Николай Степанович, 1892, рядовой,, п.б.в. 1915.01.30.

Рыбаков Александр Сафронович, 1892, рядовой, Арбанская, д. Шеклянур, пленен 1915.01.27.

Санников Григорий Иванович, 1890, рядовой, Петриковская, д. Ивановка, п.б.в. 1915.01.26.

Симонов Дмитрий Васильевич, 1890, солдат, Вараксинская, с. Семеновка, пленен 1915.01.30.

Симонов Петр Иванович, 1892, ратник 1 разряда, Вараксинская, с. Семеновка, п.б.в. 1915.01.30.

Смирнов Никифор Алексеевич, 1889, рядовой, Арбанская, д. Купсола, погиб 1915.01.27.

Смирнов Филипп Степанович, 1892, рядовой, Арбанская, д. Орешкино, п.б.в. 1915.01.29.

Стариков Николай Ионович, 1892, солдат, Вараксинская, д. Жуково, пленен 1915.01.30.

Степанов Тимофей Степанович, 1891, рядовой, Себеусадская, д. Улылсола, п.б.в. 1915.01.27.

Тимофеев Иван Тимофеевич, 1890, рядовой, Вараксинская, д. Елемучаш, погиб 1915.01.31.

Томилов Илья Федорович, 1891, солдат,, п.б.в. 1915.01.30.

Тукманов Михаил Сергеевич, 1892, солдат, Вараксинская, д. Чихайдарово, погиб 1915.08.06.

Усков Александр Васильевич, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Жуково, п.б.в. 1915.01.30.

Федоров Александр Федорович, 1891, мл. унтер-офицер, Моркинская, д. Старая, погиб 1915.01.22.

Федоров Гавриил Федорович, 1889, рядовой, Арбанская, д. Большой Яшнур, п.б.в. 1915.01.27.

Федоров Епимах Федорович, 1890, рядовой, Арбанская. д. Среднее Азяково, п.б.в. 1915.01.27.

Чернов Степан Алексеевич, 1890, рядовой, Больше-Шигаковская, д. Озерки. погиб 1915.01.28.

Чулков Петр Алексеевич, 1892, рядовой, Вараксинская. д. Савино, погиб 1915.01.27.

Шемахин Петр Григорьевич, 1889, солдат, Вараксинская, д. Березово, п.б.в. 1915.01.30.

Шмелев Даниил Гордеевич, 1892, рядовой, Вараксинская, д. Большая Ноля, п.б.в. 1915.01.30.

Ягодаров Павел Петрович, 1889, рядовой, Ронгинская, д. Кораксола, погиб 1915.01.28.

Ялпаев Филипп Архипович, 1889, рядовой. Петриковская, д. Актуганово. погиб 1915.01.31.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РМЭ, ф. Р-291, оп. 1., д. 155.

2. *Каширин В.В.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. – М., 2010.

3. Разведчик. № 1266. 10 февраля 1915 г.

4. ГА РМЭ, ф. 79, оп. 1., д. 119.

5. ГА РМЭ, ф. Р-20, оп. 1, д. 27.

Alexey Kudryavtsev

TSAREVOKOKSHAISK LOCAL SOLDIERS FROM 260th INFANTRY BRATSLAVSKIY REGIMENT IN CARPATHIANS IN WINTER 1915

In this publication author gives a description of Carpathian battle under Koziova in February, 9 (January, 25). Article included list of soldiers of 260th infantry Bratslavskiy regiment from Kazan province Tsarevokokshaiskiy uezd, awarded in honor of the battle and list of murdered, missing and captive who didn't return during World War I battle actions.

Ольга Кошкина
Йошкар-Ола

ВКЛАД УЧЕНЫХ МАРИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Интерес к изучению истории Великой Отечественной войны не ослабевал за все прошедшие 70 лет со дня Победы. Война прервала процесс становления и развития Марийского научно-исследовательского института. Многие научные сотрудники ушли на фронт. В августе 1941 года институт был временно закрыт. И вновь открылся в апреле 1943 года.

С этого времени начинается работа по накоплению и систематизации собранных материалов и документов по истории Великой Отечественной войны. Историография этих лет характеризуется ограниченной тематикой, сравнительно узкой источниковой базой, отсутствием крупных обобщающих трудов.

По истории колхозов в годы войны архивные данные были собраны директором института, кандидатом исторических наук Андреем Георгиевичем Петуховым (работал в институте в 1943–1945 годах). В 1944 году им была подготовлена рукопись «Колхозы Марийской республики в условиях Отечественной войны» [1] и собраны первичные материалы по теме – газетные публикации, постановления, отчеты местных органов управления и другие документы. Однако автор отмечает только успехи колхозного строя в годы войны, приводит цифры повышения урожайности и увеличения посевных площадей, успехи в животноводстве и т.п. В то же время отметим, что впервые автор наметил основные направления для дальнейшего изучения темы.

В научно-рукописном фонде института хранится также рукопись известного ученого, доктора исторических наук Веры Матвеевны Тарасовой «Интеллигенция Марийской республики в годы Великой Отечественной войны» [2], которая датируется 1945 годом. Работа состоит из четырех разделов: «Созидательный труд инженерно-технической интеллигенции», «Высшие учебные заведения в дни войны», «Народное образование и здравоохранение в условиях военного времени» и «Литература и искусство на службе интересам фронта». Исследование основано как на опубликованных материалах, в том числе в периодической печати, так и на неопубликованных документальных

источниках – например, материалы республиканского совещания по народному образованию 1943 года, республиканского съезда медицинских работников, отчеты о работе педагогического института, Козьмодемьянского городского театра, Юринского педучилища, письма студентов, научных работников, писателей, врачей и т.д. Это первая работа в историографии, охватывающая достаточно подробно для того времени различные вопросы истории Марийской АССР периода войны.

Кроме того, большую ценность для изучения истории республики в указанный период представляет рукопись «Марийская АССР в дни Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Хроника событий» [3], составленная М.А.Кондратьевым, Н.Н.Садовым и Т.А.Садовой в 1948 году. Она представляет собой перечень основных событий по дням на основе материалов периодической печати и некоторых партийных документов.

С августа 1941 по октябрь 1957 года (с перерывами) работал в институте выпускник Московского университета преподавателей общественных наук, кандидат исторических наук Георгий Васильевич Палутов. Он занимался вопросами истории крестьянства Марийской АССР, коллективизации сельского хозяйства. В 1945 году им был подготовлен очерк о Герое Советского Союза В.С.Архипове [4]. В 1950-х годах Г.В.Палутов исследует историю марийского крестьянства в годы войны, публикует несколько статей где, привлекая большой архивный материал, приводит статистические данные по различным отраслям сельского хозяйства, урожайности, а также впервые затрагивает такие вопросы, как помощь фронту, сбор теплых вещей, участие в создании фонда обороны, военных займах, денежно-вещевой лотерее, сборе средств на постройку авиаэскадрильи и танковой колонны. В 1954 году в «Ученых записках» МарНИИ была издана его статья «Социалистическое сельское хозяйство Марийской АССР накануне Великой Отечественной войны» [5, с. 185–216; 6], в 1956 году – статья «Колхозное крестьянство Марийской республики в годы Великой Отечественной войны» [7, с. 3–34; 8]. В неизданной работе «Промышленность Марийской республики в дни Великой Отечественной войны» [9] Г.В. Палутов исследовал вопросы перехода промышленности на военный лад, освоения новых производств, рационализации, подготовки кадров, бытовых условий. Уделено внимание и конкретным людям – руководителям предприятий и рабочим.

В 1960 году вышли «Очерки истории Марийской АССР (1917–1969)», ставшие первым опытом коллективной работы ученых республики. Глава «Марийская АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» была подготовлена В.И.Швыдченко [10, с. 317–366]. На основе документальных материалов архивов, статистических данных, материалов периодической печати изучены начальный период войны (1941–1943), развитие промышленности и сельского хозяйства в 1943–1945 годах, подвиги земляков на фронтах, а также развитие науки и культуры республики в военный период. Однако как и в

большинстве изданий того периода в книге отсутствуют ссылки на конкретные документы, много внимания уделено успехам в развитии всех отраслей народного хозяйства.

1970–1980-е годы в историографии данной проблемы представлены гораздо большим количеством исследований. Особенностями данного периода можно считать введение в научный оборот архивного материала, обращение авторов к различным аспектам и сюжетам.

В 1976 году в Йошкар-Оле прошла I конференция историков-аграрников Среднего Поволжья. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Казани, Саранска, Чебоксар, Ульяновска, Куйбышева, Горького, Нижнекамска и др. Активную работу по организации конференции и изданию сборника провели ученые Марийского научно-исследовательского института при Совете Министров Марийской АССР. В 1978 году по итогам конференции был издан сборник «Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья» [11], где были затронуты и проблемы изучения истории колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Была отмечена необходимость расширения источниковой базы, в том числе и за счет целенаправленного изучения фондов республиканских архивов, глубокого анализа документальных материалов. «Источниковедческая работа по существу только начинается, – отмечает исследователь С.И.Васильева. – Немало предстоит сделать в плане выявления и обоснования полной и объективной статистики сельскохозяйственного производства и изменения в численном составе крестьянства. Назрел вопрос о комплексном изучении различного вида источников с тем, чтобы в полной мере раскрыть динамику экономических и социальных процессов в деревне военных лет» [12, с. 93].

В 1981 году был издан сборник «Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940–1960 гг.» [13]. В статьях сборника рассматриваются основные направления развития сельского хозяйства Марийской АССР в указанный период. Большое внимание уделено деятельности партийных и советских органов власти по развитию и укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Впервые в центре внимания оказались проблемы изменения численности и состава колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. На основе источников, впервые вводимых в научный оборот, показано влияние различных факторов на численность и состав крестьянства, проанализированы изменения в его социально-профессиональной структуре в условиях военного времени.

В сборнике «Вопросы аграрной истории Марийской АССР» [14], изданном в 1984 году, освещались малоизученные вопросы истории сельского хозяйства Марийской АССР. Среди них – и трудовой подвиг колхозного крестьянства республики в годы Великой Отечественной войны. Показана роль социалистического соревнования и моральных факторов в общественном труде колхозников в условиях военного времени.

Вышедший в 1986 году сборник «Вопросы историографии истории Марийской АССР» [15] подводил итоги, ставил задачи для дальнейшего исследования социально-экономической и политической истории республики, в том числе и военного периода. В статье И.М.Соловьева «Рабочий класс Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (к историографии вопроса)» [16, с. 31–36] отмечено, что за период середины 1970–1980-х годов в научный оборот введены новые важные архивные документы, даются аргументированные обобщения и выводы о самоотверженном труде рабочих республики, о повышении производительности и т.п. Вместе с тем автор определяет ряд проблем, требующих дальнейшего изучения: деятельность профсоюзов в годы войны, материальное положение и культурно-бытовые условия рабочих, история отдельных заводов, фабрик и других производственных предприятий, развитие разных отраслей промышленности, взаимосвязь рабочих и крестьян, миграционные процессы и т.д.

Особо следует выделить в этот период работы Светланы Ивановны Васильевой, работавшей в Марийском научно-исследовательском институте в 1978–1985 годах. В них автор выделяет менее изученные вопросы производительности и потребления в колхозах, оплаты труда, патриотического почина колхозников, приводит статистические данные [17, с. 88–93; 18, с. 8–12]. Впервые С.И. Васильева на основе архивных данных исследовала материальное положение крестьян в военные годы. С 1987 года она работает в Москве, где продолжает изучать вопросы развития Марийской республики в военные годы. В 2011 году защитила кандидатскую диссертацию «Марийская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): социально-экономическое развитие» [19, с. 89–90].

В 1985 году Марийским научно-исследовательским институтом была проведена большая работа по сбору и обобщению материалов об участниках Великой Отечественной войны. Во все районы республики были направлены запросы о количестве мобилизованных, погибших и без вести пропавших. Собранные сведения по населенным пунктам представляют ценный исторический материал. Кроме списков некоторые районы прислали подробные сведения с описанием подвигов ветеранов войны [20].

В 1986–1987 годах вышла двухтомная «История Марийской АССР», в ее издании приняли участие не только сотрудники института, но и ученые республики [21]. Второй том издания охватывает период с 1917 по 1987 годы. Глава «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» написана М.Н.Кропотовой [21, с. 165–198]. Здесь представлены боевые подвиги уроженцев республики, перестройка жизни на военный лад, развитие экономики в 1943–1945 годах, проблема материального обеспечения населения, помощь фронту и освобожденным районам, развитие образования, науки и культуры. В тот период это было единственное обобщающее издание, где в той или иной форме были представлены вопросы развития республики в годы войны.

Заметно отличается от предыдущих современный этап в историографии темы, начавшийся в 1990-х годах и продолжающийся по настоящее время. Это обусловлено изменениями политической и идеологической ситуации как в стране целом, так и в исторической науке, в частности. Расширение доступа к архивам и особенно рассекречивание части из них позволило использовать новые пласты архивных документов и более детально анализировать источники. Исследователи занимаются разработкой новых для отечественной историографии проблем. Продолжают выходить статьи и монографии, посвященные отдельным сторонам жизни Марийской республики в годы Великой Отечественной войны. Исследуются самые разные аспекты – от развития отдельных отраслей экономики в годы войны до культурной жизни республики. Авторы отходят от субъективизма советского времени, стремления показать только успехи и достижения в военное время. В работах прослеживается более объективный подход к источникам, их всесторонний анализ, изучение бытовых условий на основе архивных данных и публицистики того времени.

В 2001 году был издан сборник «Проблемы истории марийской деревни XX века» [22], где рассматриваются некоторые актуальные вопросы социально-экономического и политического развития Марийской АССР. Впервые проводится анализ деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны.

С начала 2000-х годов Ю.В.Ерошкиным исследуются проблемы развития потребительской кооперации Марийской АССР в годы войны. В ходе изучения рассматривались вопросы экономического, социального, организационного развития системы, проблемы управления, торговая, производственная, заготовительная деятельность потребкооперации. В ряде публикаций исследователь рассматривает развитие потребкооперации Марийской АССР как составной части культурного комплекса Марийского края и страны в целом, выделяет различные факторы, влияющие на развитие системы [23, с. 487–495; 24, с. 118–120; 25, с. 158–161].

В 2009 году была издана «Энциклопедия Республики Марий Эл» [26], где в обобщающей форме в обзорной статье представлено развитие Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны [26, с. 100–104]. Кроме того, в ней содержится немало словарных статей по различным темам изучаемого периода.

В 2000-х годах работу по изучению истории республики периода войны ведет кандидат исторических наук О.А.Кошкина. Ею были подготовлены две монографии, посвященные проблемам сельского хозяйства и колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны и строительству оборонительного рубежа на территории Марийской АССР в 1941 году [27; 28], а также издан ряд статей.

В 2015 году к 70-летию Победы коллективом авторов был подготовлен сборник «История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная

война» [29]. В издание включено более 100 историко-биографических очерков, посвященных Героям Советского Союза, полным кавалерам ордена Славы, генералам, государственным деятелям, ученым, врачам, учителям, работникам промышленности и сельского хозяйства, деятелям культуры и искусства и др. Кроме того, книга содержит историко-справочные статьи об основных событиях военного времени, а также хронологическую таблицу 1941–1945 годов.

Таким образом, ученые института и исследователи, участвующие в коллективных работах, подготовленных МарНИИ, внесли большой вклад в изучение истории Великой Отечественной войны. Много внимания было уделено вопросам сельского хозяйства и положению колхозного крестьянства республики в годы войны, участию земляков в боевых действиях. В последнее время исследуются проблемы различных отраслей экономики в годы войны, строительства оборонительного рубежа, уделяется внимание личностному фактору. В то же время требуют дальнейшего исследования многие проблемы – эвакуационные процессы, наука, образование, здравоохранение, средства массовой информации, литература и искусство в годы войны и многие другие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Дд. 49, 438–446.
2. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 51.
3. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Дд. 305а–305б.
4. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Дд. 338–340.
5. *Палутов Г.В.* Социалистическое сельское хозяйство Марийской АССР накануне Великой Отечественной войны // Ученые записки. – Йошкар-Ола, 1954. – Вып. VI.
6. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 343.
7. *Палутов Г.В.* Колхозное крестьянство Марийской республики в годы Великой Отечественной войны // Труды. – Йошкар-Ола, 1956. – Вып. VIII.
8. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 342.
9. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 281.
10. Очерки истории Марийской АССР (1917–1960 гг.). – Йошкар-Ола, 1960.
11. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. – Йошкар-Ола, 1978
12. *Васильева С.И.* Колхозное крестьянство Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (некоторые вопросы изучения темы) // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. – Йошкар-Ола, 1978.
13. Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940–1960 гг. – Йошкар-Ола, 1981.
14. Вопросы аграрной истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1984.
15. Вопросы историографии истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1986.
16. *Соловьев И.М.* Рабочий класс Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (к историографии вопроса) // Вопросы историографии истории Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1986.
17. *Васильева С.И.* Колхозное крестьянство Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (некоторые вопросы изучения темы) // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. – Йошкар-Ола, 1978.

18. *Васильева С.И.* Материальное положение колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Материалы конференции молодых ученых МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 1980.

19. *Иванов А.А., Иванов А.Г.* Историки Марий Эл XX – начала XXI века: биобиблиографический справочник. – Йошкар-Ола, 2013.

20. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Дд.756–770, 798.

21. История Марийской АССР. В 2 т. – Йошкар-Ола, 1987.

22. Проблемы истории марийской деревни XX века. – Йошкар-Ола, 2001.

23. *Ерошкин Ю.В.* Историография истории потребительской кооперации МАССР периода Великой Отечественной войны // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2009.

24. *Ерошкин Ю.В.* Архивные источники по истории потребкооперации МАССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский архивный ежегодник. – 2010.

25. *Ерошкин Ю.В.* Исторические условия деятельности потребкооперации Марийской АССР в 1940–1945 годах (культурно-исторический аспект) // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. – Чебоксары, 2010. Ч.1.

26. Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

27. *Кошкина О.А.* Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола, 2010.

28. *Кошкина О.А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. – Йошкар-Ола, 2013.

29. История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война. – Йошкар-Ола, 2015.

Olga Koshkina

THE CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF MARI RESEARCH INSTITUTE IN THE STUDY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article describes the work of scientists of the Mari Research institute as well as some of the researchers involved in collective publication of the institute for the history of Mari ASSR during Great Patriotic War. Among them – A.G. Petukhov, V.M. Tarasova, G.V. Palutov, V.I. Shvydchenko, S.I. Vasilyeva, I.M. Solovyov, M.N. Kropotova, O.A. Koshkina and others.

Chronological scope of this article covers the period from the end of the war until 2015. The author noted issues that are studying different periods and problems that still require further research.

Анатолий Соловьев,
Геннадий Айплатов
Йошкар-Ола

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О МАРИЙСКОМ КРАЕ XIX ВЕКА*

Девятнадцатый век, с его бесконечными войнами и революциями в Европе, обратил внимание многих общественных деятелей, писателей, ученых и путешественников на дотоле загадочную Россию, предложившую миру иную, нежели в Западной Европе, модель общественного и культурного развития.

Открывателями неизвестной для европейцев России оказались представители самых разных европейских стран, совершившие длительные путешествия в Россию: чиновники, общественные деятели, писатели и ученые-лингвисты, записки и свидетельства которых стали ярким и интересным отражением жизни российских народов. Одни пытались найти сенсационные факты из жизни европейца в российской глубинке, другие вели кропотливую работу по изучению языка, истории и культуры народов России. Третьи пытались найти ответы на актуальные вопросы современных европейских обществ через этнографическое изучение народов России. В их число вошли прусский экономист Август Гакстгаузен (1792–1866) и итальянский ботаник, путешественник Стефано Соммье (1848–1922).

Август Гакстгаузен родился в одном из городков Вестфалии г. Бенкендорф (совр. Германия). Первоначально его интересы были далеки от изучения России. В последующем на мировоззрение Августа Гакстгаузена значительное воздействие, по-видимому, оказали труды известного немецкого философа Г.В. Гегеля, заставившие обратить внимание на особенности аграрных отношений в немецких княжествах. Как экономист-аграрник он получил известность после издания в 1829 г. исследования, посвященного изучению аграрных отношений в двух немецких княжествах «Ueber die Agrarverfassung in den Fürstenthümern Paderborn und Corvey» (Берлин, 1829). В 1839 г. появился капитальный труд по исследованию сельских учреждений Пруссии «Die ländliche Verfassung in den einzelnen Provinzen der preussischen Monarchie», в котором А. Гакстгаузен отмечает «какие-то загадочные отношения, не

*Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-11-12002.

вытекающие из основ чисто германской жизни». Ответ на эти вопросы А.Гакстгаузен попытался найти в России, изучив русскую сельскую общину.

Путешествие А. Гакстгаузена в Россию в 1843 г. стало резонансным событием не только для России, но и для многих европейских государств. Как представитель немецкой консервативной идеологии, А. Гакстгаузен несомненно называл государственный строй России идеальным для сохранения стабильности и порядка. Определяя сельскую общину основным ядром русского общества, вместе с тем, он считал невозможным дальнейшее сохранение крепостного права для экономического развития страны. Сочинения А.Гакстгаузена, изданные на немецком и французском языках еще при жизни, хотя и считались многими современниками русофильскими, на русском языке по понятным причинам были опубликованы лишь после отмены крепостного права – в 1870 г. [1]

Книга А.Гакстгаузена явилась не только ценным свидетельством дореформенной русской жизни, но и стала заметным событием в изучении народов России. Для оказания путешественнику «всякого содействия в его ученых изысканиях», к Гакстгаузену был прикомандирован чиновник Адеркас, которому было предписано «...отстранять незаметным образом все то, что могло бы сему иностранцу подать повод к неправильным и неуместным заключениям, которые легко могут произойти от незнания им обычаев и народного быта нашего отечества...». На основе доступной литературы (А.А. Фукс, И.Г. Георги и др.) и дневниковых записей А. Гакстгаузен оставил интересные заметки о хозяйстве, занятиях, быте и традициях марийских крестьян Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Труды А. Гакстгаузена вызвали живой интерес у последующей волны исследователей и общественных деятелей. Не забыли имя известного путешественника и современные исследователи [2, с. 91–103; 3; 4; 5; 6, с. 155–164; 7; 8, с. 108–112].

Описанию поволжских народов А. Гакстгаузен посвятил XIV–XVIII главы своего сочинения. В них отражены культурные, социально-бытовые и хозяйственные сюжеты из жизни поволжских народов: татар, марийцев, чувашей и мордвы. Сравнительно с другими европейскими путешественниками этого периода, пытавшимися найти во время своих путешествий сенсационные, «удивительные картины жизни», свидетельства А. Гакстгаузена имели конкретно-описательный характер и позволяли европейскому читателю понять глубинные истоки эволюции человеческого общества.

А. Гакстгаузен побывал в Марийском крае по пути из Нижнего Новгорода в Казань летом 1843 г. Встретив радушный прием Козьмодемьянского уездного начальника государственных имуществ, «...в тот же день мы поехали с г. Фененко в черемисскую деревню Куликалово, за 20 верст от Козьмодемьянска...» [1, с. 295]. Остановились в избе зажиточного марийца Юрия Родионова, хозяйству которого А. Гакстгаузен дал полное описание с подробным планом и комментариями. Описывая хозяйство, путешественник

дает сравнительные характеристики ведения хозяйства с другими народами. Свои наблюдения основывает на исследованиях «Палласа, Георги, Фалка, Лепехина, Рычкова и др.» [1, с. 297].

Исследователь подробно рассмотрел хозяйственные занятия, внешний вид, одежду, семейные отношения, религиозные традиции и верования. Значительное место в своем сочинении, видимо, под влиянием Фененко, А. Гакстгаузен уделяет местному общинному управлению и их старшинам – каштанам: «…несколько волостей стоят опять под каштаном высшего порядка, и так далее, по иерархической градации, дело доходит до народного Каштана, который кажется, живет в Вятской губернии…» [1, с. 300].

Со ссылкой на И. Георги и А. Фукс, Гакстгаузен дает подробное описание обряда жертвоприношения и религиозным воззрениям, и мифологии марийцев: «…они совсем не держат постов православной церкви, так строго соблюдаемых Русскими…», «…мифология языческих Черемисов, по-видимому, мало обработана, по крайней мере, до сих пор она мало известна…» [1, с. 302–303].

Полученная в деревне «Куликалово» (совр. д. Куликалы Горномарийского района Республики Марий Эл) информация позволяла использовать ее для сравнительного изучения хозяйства, занятий и быта чувашей и других поволжских народов.

Используя накопленные знания, А. Гакстгаузен прибегает к сравнительному анализу орудий труда, земельных переделов, традиций и верований, семейного права чувашских и марийских крестьян: «…Я часто думал о том, каким образом могли возникнуть у почти диких народов такие обычаи и церемонии, полные значения, осмысленные, богатые последствиями и часто благородные?». Касаясь перспектив развития поволжских народов, А. Гакстгаузен соглашается с составителями официального Журнала министерства внутренних дел: «… описание теперешнего состояния Вотяков, Мордвинов, Черемисов и др. представляет последний документ для истории, потому что физиономия их начинает стираться, повсюду русский народ поглощает финский элемент…» [1, с. 315].

Несмотря на то, что труд А. Гакстгаузена содержит ценные сведения о жизни, занятиях, быте и верованиях марийцев одного из уездов Марийского края – Козьмодемьянского, в работе, по мнению исследователей, допущены ряд неточностей, как в изложении фактического материала, так и в их интерпретации [2, с. 91]. Тем не менее, в путешествии по России Гакстгаузен выполнил свою главную цель – детально описал основные формы общинного устройства многонационального государства и ее роль в перспективном развитии русского общества. Труд А. Гакстгаузена открыл дорогу новому этапу дискуссий о путях развития российского общества как для славянофилов, так и позднейших народников, актуализировал вопрос об отмене крепостного права в России.

Не обошло увлечение этнографическими исследованиями и известных европейских натуралистов. К числу их относится и Карло Пьетро Стефано

Соммье (итал. Carlo Pietro Stefano Sommier, 1848–1922), итальянец французского происхождения. Приняв в 1869 г. итальянское гражданство, с 1870 г. он начал изучать итальянскую флору. Впоследствии, уже как известный в Европе ученый-натуралист и естествоиспытатель, С. Соммье много путешествовал по странам Европы и Азии, изучая растительный мир малоисследованных регионов. Его маршрут проходил по безлюдным местам Европейского Севера и Сибири, по бескрайним просторам Казахстана и Киргизии. В 1888 г. С. Соммье принял участие в создании Итальянского ботанического общества, затем на протяжении 8 лет возглавляя эту организацию. С научными экспедициями он побывал в Крыму и на Кавказе, Турции и Греции и др. За заслуги в области естествознания в 1907 г. Уппсальский университет присвоил С. Соммье почетную степень доктора медицины.

В отличие от А. Гакстгаузена, в этнографо-антропологических исследованиях С. Соммье имеется несколько иное понимание объекта исследования. Во второй половине девятнадцатого века, с усилением модернизационных процессов в Европе, повысился интерес к окружающему природному миру, к историческому прошлому и совместной деятельности в рамках разного рода любительских и профессиональных научных сообществ. Подобные общества, появлявшиеся по всему миру, занялись не только научными исследованиями, но и распространением научных знаний в широких слоях населения. В России 1863 г. открыло свою деятельность Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, заложив начало созданию новых региональных научных организаций в России. В пределах интересов научных сообществ оказались не только природа, но и культура, быт коренных и малочисленных народов в самых отдаленных уголках мира. Проводившиеся этнографические исследования позволяли получить ценный материал для анализа движения человечества по пути цивилизации.

Перед гуманитариями и естествоиспытателями открывалась возможность спроецировать функционирующие в современных реликтовых обществах политические, экономические, религиозные и иные системы на историческое прошлое «цивилизованных» народов [9, с. 58]. Подобный «эволюционистский» взгляд на этнографические исследования был характерен для большинства исследователей того времени.

Путешествуя в восточных районах Европы и Сибири, С. Соммье не мог не обратить внимание на традиционные обычаи и обряды проживавших там народов, определяемых в то время как «примитивные», на их антропологический облик. Он фиксировал этнографическо-антропологические характеристики саамов (лопарей), коми (зырян), марийцев (черемисов), башкир и других, в том числе с помощью фотоаппарата.

Отдельные работы С. Соммье, посвященные этнографическому и антропологическому исследованию народов России, увидели свет в русском переводе еще при жизни исследователя в Записках Уральского общества любителей

естествознания [10; 11], отдельных оттисках с этого издания и получили достойное признание российской научной общественности [12; 13]. В научном наследии С. Соммье сохранились этнографические и антропологические материалы, собранные среди марийского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии и Царевококшайского уезда Казанской губернии. В своем очерке «О черемисах» он упоминает работы участников академических экспедиций и исследователей XVIII и XIX в., с работами которых он, вероятно, был знаком. Исследование о марийцах представляет собой результат преимущественно собственных наблюдений, осуществленных автором в полевых условиях.

Публикация очерка «О Черемисах» включает предисловие редактора Д.П. Никольского (1855–1918) – доктора медицины, автора работ по этнографии и антропологии башкир. Он писал: «...Благодаря той обширной территории, которую занимают в настоящее время и той разбросанности, как они рассеяны, автор, конечно, не мог исследовать их подробно... Для нас наиболее важными и интересными являются сведения и последних [восточных] черемисах, относящихся к восточной группе и о которых имеющиеся сведения, даже русских исследователей, недостаточны... Несмотря на то, что хотя литература о черемисах и обширна, но она, главным образом, касается этнографической стороны этого народа, по отношению же антропологической почти совсем не имеем сведений, если не считать небольшие работы д-ра Малиева. Ввиду этого антропологические данные профессора Соммье о черемисах, несмотря на их неполноту, являются существенным и важным дополнением к характеристике черемис...» [11, с. 84].

К сожалению, русскоязычное издание 1896 г. не могло включить многочисленные иллюстрации и фотографии, отражающие этнографические особенности различных групп марийского населения. Очерк «О Черемисах» содержит ценные сведения о размещении марийского населения, традициях, обрядах, одежде, украшениях, антропологические данные. Путешественник писал: «...На Урале я побывал в деревнях Карши, Артемьевка, Нижний Поташ, Юва (Красноуфимского уезда); на Волге, в окрестностях Казани, я побывал в Петъяле и Сотнуре, проживая в некоторых более суток...» [11, с. 87]. Во вступительной статье к Урало-Сибирской выставке он с восхищением отмечает «бесконечное множество комбинаций» в марийской женской вышивке [14, с.217].

Исследования и коллекции С. Соммье о народах России, его путешествия по Сибири и Уралу «открыли» для Италии и Европы новые неизвестные страницы истории. В своих исследованиях С. Соммье искусно пользовался не только пером, но и фотоаппаратом, не ограничивался флорой и фауной, а всесторонне изучал человека, народы и культуры.

Однако его научное наследие не получило должного признания даже на родине. В начале XX века Флоренция, как культурный и научный центр Италии,

постепенно потеряла свое значение. По мнению Паоло Кьоцци, итальянского антрополога, многие работы С. Соммье по этнологии, к сожалению, не избежали распространенного в Италии явления, которое флорентийский литератор XX в. Фернандо Темпести назвал «отчаянным безразличием». «Позорный процесс «вытеснения»... после Первой мировой войны накрыл всю флорентийскую школу, и книги главных космополитов – Паоло Мантегацца и Стефана Соммье – были среди первых» [15].

Для широкого круга российских читателей работы С. Соммье оказались на долгое время недоступными. Лишь в послевоенные годы научное наследие Ст. Соммье активно вовлекалось в научный оборот, но возможности его использования ограничивались узким кругом исследователей – этнографов, антропологов и историков, так как работы итальянского путешественника все еще были недоступны широкому кругу читателей. Большая часть таких работ посвящалась истории, этнографии и антропологии Сибири, башкирского и марийского народов. В меньшей степени работы Ст. Соммье были востребованы исследователями Поволжья, Кавказа и других регионов. В появившихся работах были даны обобщенные характеристики собранного материала, выявлены достоинства и даны оценки репрезентативным возможностям научного наследия путешественника [16, с. 205–207; 17, с. 187–204; 18; 19; 20, с. 31–36; 21, с. 145–157].

В последние десятилетия интерес к научному наследию С. Соммье значительно вырос. Научное наследие С. Соммье неоднократно становилось предметом обсуждения на Конгрессах антропологов и этнологов России (КАЭР). В 2012 году издательством Томского университета при поддержке правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры была издана книга Ст. Соммье «Лето в Сибири...» в переводе А. Переваловой [22].

Подобное повышение интереса к наследию С. Соммье обусловлено как расширением издания русскоязычных переводов его работ, так и возрастающим интересом отечественных исследователей к письменному наследию европейских путешественников второй половины XIX – начала XX века [23, p. 20–70; 24, p. 215–257]. Перед исследователями стоит задача дальнейшей работы по переводу и изданию трудов зарубежных исследователей, популяризации их работ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. – М., 1869.

2. Август Гакстгаузен о марийцах / Предисловие, подготовка к печати и примечания Г.Н. Айплатова. // Марийский археографический вестник. 1993. № 3.

3. *Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск, 1993.

4. Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995.

5. *Авдеева О.А.* Август фон Гакстгаузен и его труды о России, 40-е – 60-е годы XIX века. Автореф. дисс. к.ист. н. – М., 1998.

6. *Потапенко О. А.* Гакстгаузен и немецкая консервативная мысль о России // Россия и Запад: диалог культур. 1996. Вып. 3.

7. *Никитина Э. В.* Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012.

8. *Соловьев А.А.* Марийский край в записках А. Гакстгаузена // Вятская земля в пространстве исторической памяти / науч. ред. М.С. Судовиков; отв. за вып. С.Н. Будашкина; Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. – Киров: ИД «Герценка», 2014.

9. *Загребин А.Е.* Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма. // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 2. История и филология.

10. *Соммье С.* О башкирах / Перевод О. Н. Олениной, под редакцией и с примечаниями Д.П. Никольского // Записки Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург, 1891–1892. Т. XIII. Вып. 1.

11. *Соммье Ст.* О черемисах: Этнографическо-антропологический очерк. Перевод В.Москалевой, под редакцией и с примечаниями Д.П.Никольского // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XVII. Вып. 1. – Екатеринбург, 1896.

12. *Головачев П.* Путешествие итальянца Соммье по Сибири // Сибирский сборник: Приложение к «Восточному обозрению». – СПб., 1886. Кн. 1.

13. *Щукин И.С.* Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. – СПб., 1913. № 1–2 (кн. 33–34).

14. *Sommier S.* Note di viaggio. Esposizione Uralo-Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga // Archivo per l Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat. Publicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Diciottesimo Volume. Firenze. Tipografia dell arte della stampa, 1888.

15. *Кьоцци Паоло.* К первому изданию «Лета в Сибири…» на русском языке // Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / Пер. с ит. А.А. Переваловой; под ред. Я.А. Яковлева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. c-d.

16. *Гено Д.* Коми в исследованиях Стефана Соммиэ (1848–1922) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М., 1989. Т. 1.

17. Профессор Соммье о марийцах конца XIX века / Предисловие, подготовка к печати и примечания Г.Н.Айплатова и Г.А.Сепеева // Марийский археографический вестник. 1999. № 9.

18. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). – Йошкар-Ола, 1975.

19. *Сепеев Г.А., Молотова Т.Л.* Вопросы материальной культуры марийцев в отечественной и зарубежной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1984.

20. *Соловьев А.А.* Стефано Соммье – исследователь народов России // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 2 (2).

21. *Шаров В.Д.* Сельская община марийских крестьян середины XIX – начала XX веков в трудах дореволюционных и советских исследователей // // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Археология и этнография Марийского края. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1984.

22. *Соммье С.* Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / Пер. с ит. А.А. Переваловой; под ред. Я.А. Яковлева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 640 с., ил.

23. *Sommier S.* Sirini, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Vol. 17. Fasc. 1 e 2. Firence, 1877.

24. *Sommier S.* Note di viaggio. Esposizione Uralo-Siberiana di Ekaterinburg Ceremissi degli Urali e del Volga // Archivo per l Antropologia. Organo della societa italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparat. Publicato dal dott. Paolo Mantegazza professore ordinario di antropologia. Diciottesimo Volume. Firenze. Tipografia dell arte della stampa, 1888.

Anatoliy Solovyov, Gennadiy Aiplatov

EUROPE TRAVELERS ABOUT MARI REGION OF XIX CENTURY

The article discusses the role of foreign travelers of XIX century in the study of the Mari people and Mari region. A special place is given to the analysis of written heritage of Augusta Gakstgausen (1792–1866) and Stefano Sommie (1848–1922) about the Mari people and the plan edge of XIX century.

«Финно-угроведение», 2015, № 2

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРВЫМ ГОДОМ ЖИЗНИ РЕБЕНКА У ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦЕВ

Традиционные родильные обряды, методы и формы ухода за маленькими детьми – интереснейшая сторона духовной культуры народа, где отразились воззрения о зарождении и таинстве появления новой жизни, религиозные и магические представления, опыт формирования и воспитания будущего члена общества, а также многовековой рациональный опыт народа. Изучение этих обрядов у марийцев представляет научный интерес.

Данное сообщение написано с использованием полевых материалов автора и обобщает обряды по традиционным родильным обрядам, связанным с первым годом жизни младенца у восточных марийцев. Полевые этнографические материалы по данной теме были собраны в различных районах Башкортостана, Татарстана, Пермской, Свердловской областях в 1987, 1988, 1995, 2006–2009, 2015 годах.

В прошлом у марийцев считалось необходимым иметь много детей. Та семья счастлива, где много детей. Это нашло отражение в свадебной обрядности. Молодоженам, давая наказ на семейную жизнь, говорили, чтобы они народили 9 сыновей, 7 дочерей. В прошлом считали, что люди с недобрыми намерениями могут навредить молодоженам во время свадьбы, перекрыть «детородные пути» и впоследствии у них не будет детей. Вероятно, по этой причине, от сглаза в одежду брачной пары втыкали иголки, булавки, помещали лук, чеснок, соль, завернутую в тряпочку. В первый год замужества молодушка также должна была ходить в свадебном кафтане и в полном наборе серебряных украшений, что также было связано с предохранением молодой женщины и ее ребенка от сглаза и порчи [1, с. 85–93; 2, с. 130].

В случаях бесплодия приносили жертвоприношения, ходили молиться к святым местам, проводили молебны, обращались к знахаркам, производили магические обряды. Знахарки лечили таких женщин специальным массажем, сопровождая его заговорами от бесплодия [1, с. 85].

Половая жизнь до замужества у марийцев осуждалась. В деревне большую роль играло общественное мнение, нехорошая слава могла повлиять на судьбу девушки, парня. По полевым данным в дореволюционный период у

марийцев редко практиковалось прерывание беременности. Такой акт считался предосудительным. Пожилые женщины-марийки говорили, что в прошлом сколько раз беременели, столько раз и рожали. Большинство и не имело представлений об искусственных методах прерывания беременности. Однако, случаи прерывания беременности все-таки встречались. К этому средству прибегали незамужние девушки и женщины, чтобы «скрыть свой позор». Рождение внебрачных детей осуждалось, у восточных незаконнорожденных называли «*мераҥ*» (заяц), «*тавылган*» (от татарского «найденный»), «*шукын*» (уральские марийцы). Естественно, что при прерывании беременности случались и летальные исходы, так как методы в большинстве случаев были антисанитарными. Количество детей, рожденных вне брака, стало увеличиваться в послевоенный период, это было связано с демографической ситуацией в стране, нехваткой мужского населения [3].

Роды у марийцев традиционно тщательно скрывались не только от односельчанок, но и часто от многих членов семьи, особенно от детей и девушек, которых старались удалить из того места, где проходили роды. Считалось, что чем меньше будет знать об этом людей, тем легче пройдут роды.

Вплоть до 20–30-х годов нашего столетия женщины-марийки практически не обращались к официальной медицине – акушеркам и гинекологам. Роды в прошлом – сугубо интимное домашнее женское дело. Только в 30–40-е годы женщины, но не подавляющая масса, а из тех селений, где находились больницы, стали обращаться за помощью к акушеркам.

Поскольку в дореволюционный период сельская община выделяла земельный надел только на мужскую душу, то было более предпочтительно рождение мальчика. В случае отсутствия детей бездетная пара брала на воспитание детей-сирот или же детей из бедных многодетных семей. Были случаи, когда детей брали у многодетных родственников, например, у сестры, из семьи брата и т.п.

По древним представлениям марийцев, беременная женщина была уязвима, поэтому существовали различные амулеты, действия и нормы поведения, которые якобы защищали роженицу и ее ребенка от воздействия внешней среды, где таилось много опасностей. С другой стороны, беременность у женщины у восточных марийцев считалась особенным периодом, когда им снятся вещие сны, и они могут предсказывать будущее. У марийцев также считалось, что дети до 5 лет обладают способностью предугадывать исход того или иного дела в будущем [4].

В период беременности женщина должна была соблюдать предписанные обычаем запреты в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок был здоров. Беременной нельзя было грубо обращаться с животными: пинать свинью, кошку, собаку, иначе у ребенка будет волосяница (*«сӧсна шу»*); нельзя хранить что-нибудь за пазухой, например, нитки – у младенца будут бородавки или пигментные пятна; нельзя перешагивать через оглоблю, так как может родиться ребенок-горбун; нельзя

перешагивать через коромысло, так как новорожденный будет с загнутой шеей; нельзя мыть потолок; на поздних сроках беременности нельзя было прясть – пуповина ребенка может обмотаться вокруг шеи; нельзя присутствовать во время закалывания домашних животных; нельзя пропускать курицу между ног – ребенок будет карликом; запрещалось смотреть на покойника – ребенок родится бледным и т.д. Запрещалось беременным смотреть на спаривание лошадей, смеяться, если лошадь испускала газы, в противном случае роженица будет беременной 10 месяцев, чтобы предотвратить это, необходимо было накормить лошадей овсом из подола платья. Считалось также, что беременная не должна ходить в баню одна, в противном случае злые духи могут подменить ребенка [1, с. 89; 4].

У восточных марийцев существовали различные приметы определения пола будущего ребенка: если живот у беременной круглый, выдающийся вперед – то ребенок мужского пола; если болела поясница, то родится мальчик; если ребенок пинается в левой стороне живота – мальчик; если соски женщины покрываются чернотою, то следует ждать ребенка мужского пола; если видеть во сне мужские предметы – кнут, кожу, серп, топор или вообще что-нибудь из железных предметов, то следует ждать ребенка мужского пола. Рождение девочки предвещали следующие предметы: живот у беременной плоский и широкий; болит живот в области пуповины; ребенок пинается в правой стороне живота; у беременной сильно меняется лицо – много пигментных пятен; если во сне снится женское платье, женская вышивка, головные уборы что-нибудь из женских предметов [3].

Считалось, что в момент первого шевеления плода в утробе матери, на кого беременная посмотрит, на того и будет похож внешне и характером будущий ребенок. Это был очень важный момент в период беременности женщины, и ему придавалось особое значение. И поэтому существовало поверье у всех марийцев, что нужно в этот период смотреть на хорошего во всех отношениях человека, чтобы «ребенок перенял положительные качества» [3].

Женщины-марийки работали до самых родов. Нередко информаторы отмечали, что матери их родили во время полевых работ. Считалось, что у беременной не должен быть очень большой живот, нужно много работать, двигаться, много не спать. В народе говорили: «Большой плод – трудные роды, маленький может съесть большого» и т.д. Срок рождения ребенка и сами роды женщины скрывали, так как в народе считали, что чем меньше знает людей об этом, тем легче пройдут роды.

Роды обычно происходили в бане, реже в доме. Во время родов помогали повитухи (*кувай, кылымде кувай*). При трудных родах могли присутствовать 2–3 повитухи. Часто рожали и без помощи повитухи. Посторонние женщины присутствовали при родах в исключительных случаях, поскольку роды – это очень личное дело женщины. При приближении родов приглашали повитуху. Место для родов зимой – баня или изба, летом роды могли также

проходить и в доме, и в бане, в клети, или где-нибудь на чистом месте в углу двора. Под роженицу обычно подстилали солому. Прежде чем приступить к родовспоможению, повитуха брала пояс и ворожила – пришло ли время рожать женщине. После этого бабка давала роженице заговоренную воду. По традиционным представлениям, эта вода служила оберегом против сглаза, который может повредить роженице. Если кто-то говорил о роженице во время ее беременности плохо, то это могло повлиять на роды. И для того, чтобы снять сглаз, и давали женщине эту воду. Заговор произносили не только на воду, но и на воду с золой и на сливочное масло [5, с. 51].

Повитуха осматривала живот беременной и в зависимости от положения плода или ложила на пол, или сажала, или ставила на колени, или же садила на корточки или заставляла упираться, продев кушак под мышки. Если роды были тяжелыми, или как в прошлом марийцы говорили «сухие», то роженице давали свежее масло, чтобы роды облегчились. В случае трудных родов присутствовал муж роженицы. При тяжелых родах у крещеных марийцев перед иконами ставилась свечка, чтобы мать рождения (*Шочынава*) сжалилась и сделала роды легкими [5, с. 52]. Существовали и рациональные методы родовспоможения – массаж, который нередко сопровождался и магическими приемами. Также в случае трудных родов в доме раскрывали все замки и двери, открывали печную заслонку, развязывали все узлы, роженице давали воду, в который споласкивали ключ от замка [3]. Так, по свидетельству А.И. Мандыкаевой 1929 года рождения из деревни Калтаково Мензелинского р-на Татарстана, ее мать была деревенской повитухой (Менсулу Давлетовна Исакаева 1892 г.р.), при трудных родах она открывала печную заслонку, открывала все замки и «приглашала Богиню Рождения для родовспоможения (*Шочынава пурза, шочыкташ полшыза…*). В Том случае если ребенок шел неправильно ножками, она поправляла его местоположение руками и таким образом спасла многих рожениц от смерти. Этому методу М.Д. Исакаева обучила и других повитух деревни [4]. Как правило, повитух за помощь благодарили, одаривая мылом, платком или полотенцем.

Сразу же после рождения ребенка роженице под грудью завязывали кушак, чтобы послед (*аза кудо, аза вер, сӱм, аза кӱпчык*) не поднялся вверх. Послед мыли теплой водой. Повитуха определяла по последу, здоровый ли родился ребенок, если пуповая связка приросла к краю плаценты, то ребенок долго жить не будет, если к середине – то ребенок нормальный. Повитуха по количеству узелков на последе определяла, сколько еще родит эта женщина детей. Плацента была связана с матерью и ребенком, и поэтому ей предавалось особое значение, и она подвергалась ритуальному захоронению. Послед обычно помещали меж двух старых лаптей и закидывали на чердак бани или избы, иногда закапывали в таком месте, где не могли наступить ногами. Нельзя было просто бросить послед, так как это могло повлиять на здоровье ребенка и сказаться на его будущей судьбе [3]. Если он родился в «рубашке» (околоплодная пленка) или

в «колпаке», его ожидала счастливая судьба. «Рубашка» ребенка хранилась, считалось, что она могла принести счастье. Если, например, человек шел на суд, имея при себе свою «рубашку», то якобы судьи не могли его осудить. Было принято также ее сушить и помешать в холщовый мешочек, который ребенок носил на шее, на веревочке, что считалось оберегающим амулетом [3]. Родовая нить привязывает человека навек к отчему дому: место человека там, где осталось его место. Ребенок находит свое место на земле, пускает корни, вписывается в мироздание.

Новорожденному (*ужар аза*) отрезали пуповину (*кылымде*), отмеряя ее длину до темени младенца. Считалось, что если отрезать короче, плохо будет функционировать мочеточник ребенка. Существовала примета: если пуповина отсыхает до 7 дней, ребенок будет жить долго, 3–4 дня – «он не жилец». Иногда пуповину закладывали в щели бревен или дворовых построек, прятали в матицу избы, чтобы был привязан к родному дому. Закладывали ее и в книгу, чтобы ребенок был прилежен в учебе [1, с. 87].

Судьбу новорожденного пытались определить по некоторым приметам уже в день его рождения. Родившийся утром был обречен на трудную жизнь, требующую многих усилий. На легкую жизнь мог рассчитывать ребенок, появившийся на свет вечером. В прошлом были приметы, связанные с первым криком ребенка. Если ребенок крикнет несколько раз, то он долго жить не будет – слабый, если крик продолжительный, то ребенок крепкий, будет жить долго [3].

Новорожденного в бане обычно мыла повитуха или же бабушка младенца. Бабушке (свекрови) за первое мытье младенца сноха дарила предметы одежды. У восточных марийцев в воду для мытья новорожденного насыпали зерна пшена (*тар шӱраш*) и мыли ребенка овечьей шерстью. После рождения младенца мыли три дня подряд, говоря 3 раза при каждом мытье «*аза кӱшкӧ, вӱд ӱлыкӧ*» (младенец верх, вода вниз). Мыли осторожно все части тела, когда мыли пальчики младенца, перебирая их, говорили – «будь здоровым, умным, достойным, счастливым, хорошо учись, будь хорошо образован (*таза, ушан, акылан, резан лий, сайын тунем, кугу тунемше лий*). Новорожденной девочке, прежде всего, умывали лицо и ягодицы, чтобы девочка была красивой и хорошо сложенной. Мальчика начинали мыть со спины, чтобы он рос широкоплечим, крепким и здоровым. Во время купания 3 раза говорили слова-пожелания, чтобы девочка выросла пригожей для замужества (*марлан каяш йӧршӧ лий*). У восточных марийцев при мытье новорожденной говорили: «*калык марийлан йӧршӧ лий*» (будь достойна своего народа). Эта фраза заключала главное предназначение будущей девушки – выйти замуж за марийца и продолжить род своего народа. Когда купали мальчика, то говорили, чтобы вырос годным для службы в армии и способным присмотреть за своими престарелыми родителями (*армийыш каяш йӧршӧ лий, шонго ача-авам ончаш йӧршӧ лий*) [3; 6]. Марийцы издавна несли рекрутскую повинность (с 1705 г.) наряду с русскими

в царской армии. В годы Советской власти отслужить в армии считалось почетным и обязательным долгом. Среди односельчан считалось, что человек, отслуживший в армии, вызывает уважение, негативное отношение было к тем, кто был непригоден для армейской службы. Такое представление у марийцев бытовало вплоть до конца 70-х годов. Поэтому в пожеланиях новорожденному звучало пожелание об армейской службе. Во время последующего мытья младенцев в бане, никогда не произносили его настоящего имени, а называли его иносказательно «*маскаше*» (медвежонок), *пырысше* (котенок) и др. Ни в коем случае ребенка нельзя было оставлять одного в бане, в противном случае злые духи могли его подменить [4].

После первой бани ребенка заворачивали в отцовскую рубаху для того, чтобы его любил отец. Если мать ребенка желала, чтобы новорожденного любила бабушка, то заворачивали в ее платок [3].

Если в семье уже были маленькие дети, то появление новорожденного объяснялось своеобразно. В доме вешалась зыбка, одним из объяснений появления ребенка было сообщение, что новорожденного принесли из родника, зачерпнув его ведром [7].

После родов женщина отдыхала незначительное время 3–10 дней. Но до 40 дня она считалась нечистой. В этот период она должна была соблюдать ряд запретов. Например, ей нельзя было прикасаться к хлебной квашне, замешивать тесто. Однако, практически ее трудовой режим не менялся. Около родившей женщины находилось ее семейство, муж. А если мужу было некогда, то с ней оставались сын или дочь. Ее одну нельзя было оставлять, так как «злой дух» мог прикоснуться к ней, и от этого она могла пострадать. В тех семьях, которые состояли только из жены, мужа и новорожденного, разрешившаяся женщина не расставалась с железными предметами. Все время в ее руке находился какой-нибудь железный предмет, независимо от того, куда она отправлялась на усадьбе. По представлениям марийцев, в том случае, когда человек имеет с собой какую-нибудь железную вещь, то «злые духи» не посмеют его тронуть [1, с. 89]. Одежда, в которой рожала женщина, пряталась, она не должна была висеть на виду. Такую одежду должна была обязательно стирать сама роженица. По представлениям мариек, если такую одежду постирает кто-нибудь другой, то роженица должна будет находиться в постоянном стыде в загробной жизни [5, с. 60].

Для скорого очищения и восстановления сил и здоровья организма женщины – роженицы употребляли настои трав. Так, марийки Пермской области для этой цели использовали настой зверобоя (*вӱршудо*).

До шести недель после родов женщина считалась нечистой. В период этого времени она не подходила к общему столу, особенно при гостях и посторонних [3].

Зыбку (*шепка, шипка*) делали из различных материалов – липового луба, прутьев ивы. Липовый луб составлял стенки зыбки. Полоса была длинная, и поэтому луб скреплялся в одном месте. Дно зыбки также делали из лыковых

полосок, которые переплетались в виде решетки. Поверх дна настилали солому, пеленки. К зыбке с боков прикреплялись две дуги, которые при помощи веревки прикреплялись к жерди. У восточных марийцев встречалась колыбель из деревянной рамы с натянутой на нее грубой домашней ткани (*мешак шепка*). Прежде, чем положить новорожденного в колыбель, было принято укладывать в нее 3 раза ножницы, меняя положение, при этом читали молитвы. Таким образом, место символически защищали и очищали, где должен был лежать младенец. Для переноски ребенка использовалась почти такая же конструкция из луба (*лети*), как и зыбка, но легче и по конструкции с веревочными длинными ручками, которые закреплялись на спине во время переноски ребенка. В летний период зыбку вешали и во дворе, подвешивая на жердях. Также в деревнях для перевозки делали коляски с деревянными колесами (*изи орава*), на которых также можно было перевозить маленьких детей [3].

После родов роженицу навещали близкие родственницы, угощали ее, подчеркивая свое уважение к ней, как продолжательнице рода. По этому случаю гости обычно приносили блины, вареную курицу, а в качестве подарка новорожденному – холст или другую ткань, рубашку. В доме новорожденного устраивалось празднество по поводу рождения нового члена семьи – готовились блины и другие праздничные блюда. Этот обычай сохраняется и в настоящее время [3].

В прошлом марийцы очень боялись сглаза, порчи младенцев, поэтому старались их не показывать посторонним до 40 дней. Для предупреждения от вредного стороннего воздействия использовались различные обереги. В зыбку под подушку ребенка помещали ножницы, нож, кочедык, шлак из кузницы, так как считалось, что металлические предметы оберегают от злых духов. Девочке помещали в зыбку ножницы, мальчику – нож. Когда младенец оставался в избе один, в зыбку подкладывали горбушку ржаного хлеба для защиты от «нечистого духа», и чтобы ребенок не боялся. От сглаза грудным детям шили красные шапочки, к рубашке пришивали яркие ленты, бусины, раковины-каури, косточку от крылышка петуха (*шулдыр лу*), к шапочке – серебряную монету, на руку младенца надевали браслет из низки бисера, бус или из красной шерстяной нити. Раковины-каури были наиболее распространенным традиционным оберегом для детей у марийцев [3].

Считалось, что сглазить маленьких детей могут люди с «дурным глазом». В случае болезни от сглаза (шинчавочмо) произносили различные заговоры, в большинстве своем очень длинного содержания, но встречались и короткие заговоры. От сглаза ребенка мазали печной сажей, брызгали водой, сполоснутой на углах стола, дверной ручки, оконного стекла. Прочитав от сглаза заговор на воду, брызгали этой жидкостью на ребенка. Сглазить ребенка могли, по представлениям марийцев, и «злые языки». Поэтому считалось, что ребенка нельзя захваливать, выражать восторг и восхищение. В ответ на похвалу о ребенке мать должна была выразить резкую отповедь, например: «*Йылметлан*

кукшу кошарге!» (Языку твоему – сухое острие!). По традиционным представлениям марийцев, младенца нельзя было взвешивать, измерять, в противном случае у ребенка прекратился бы рост и он был бы очень худым. Не разрешалось и перешагивать через маленьких детей, так как считалось, что в этом случае ребенок перестанет расти [3].

Для лечения грудных детей от различных болезней применялись народные способы, как рациональные, так и магические. Восточные марийцы при болях живота у ребенка смазывали вокруг его пупка раствором пороха, который иногда давали вовнутрь. При сильном плаче младенца поили настоем чаги [7].

У каждого этноса одной из сторон духовной культуры является обрядность в важнейших событиях в жизни человека. Традиционная обрядовая сторона жизни ребенка у марийцев была богата, разнообразна и интересна.

Рождение ребенка было важнейшим событием в жизни семьи и родственного коллектива. По традиционным представлениям марийцев немаловажное значение в судьбе человека имело его имя. Считалось, что от имени зависит, как сложиться жизнь человека. Новорожденному старались как можно быстрее дать имя, так как боялись, что ребенок, умерший без него, не найдет свое место на том свете, т.е. душа его будет блуждать или может превратиться в злой дух. Имя, которое дали малышу сразу же после рождения, являлось временным. Его произносила бабушка-повитуха во время первого купания. У марийцев иногда имя определяли по тому дню, в который он родился. Например, если он появился в четверг (изарня), то давали имя «*Изерге*» (Младший сын), «*Изюдыр*» (Младшая дочь) в пятницу (*кугарня*) – «*Кугерге*» (Старший сын), «*Кугюдыр*» (Старшая дочь), в субботу (*шуматкече*) – «*Шумат*» [1, с. 88]. Имя зависело и от того, в какой ситуации рождались дети. Например, если девочка родилась в страду, то в этом случае ей могли дать имя «*Пашалче*» (Работящая), если мальчик родился во время особо почитаемого марийского праздника Семика – «*Семикей*» [3]. Постоянное имя новорожденному давали через три-четыре дня после родов, его могла выбирать та же бабка-повитуха.

Марийцы-язычники применяли оригинальные способы имянаречения. Имя определял «*карт*» – языческий жрец. В одном случае он быстро произносил пришедшие на ум имена, высекая при этом огонь из кремния. При произнесении, какого имени загорался трут, тем именем и нарекал новорожденного. Жрец иногда брал ребенка в руки в тот момент, когда он плакал и перечислял имена. Считалось, что при подходящем имени ребенок переставал плакать. Чтобы определить нужное имя, иногда перед тем, как ставить хлеб в печь, каждому караваю давали имя. По имени лучше испекшегося каравая и нарекали ребенка [8, с.50]. У марийцев непочатый каравай хлеба – символ счастья и благополучия, поэтому он и использовался в этом традиционном ритуале. По свидетельству известного марийского краеведа Т.Евсеева в начале XX века по случаю наречения имени у язычников марийцев происходило угощение следующим образом. Пекут лепешки и варят кашу. Приглашаются соседи, родственники.

Они приходят в дом и садятся за стол. Перед едой произносится особая молитва, молятся о здоровье новорожденного. Во время молитвы разрезается на куски та самая лепешка, по которой младенец получил свое имя. Кусочки лепешки кладутся на стол. На стол подаются и свежеиспеченные лепешки, ставится каша. Все гости втыкают серебряные монеты в сливочное масло в отдельной тарелке. После трапезы количество денег подсчитывается. Если число монет нечетное, то новорожденный ребенок будет счастлив в жизни [9, с.10].

Перед тем как дать имя ребенку у восточных марийцев обязательно пекли блины, которые освещялись специальной молитвой, в которой обращались ко всем божествам (*Юмо Ава, Шочынава, Мланде Юмо, Вольык Юмо…*) о даровании младенцу здоровья, благополучия, долгих лет жизни. После того как ребенка нарекли именем, приглашали отведать освященных блинов в честь младенца. Обряд этот назывался «*аза сюан*» (дословно с марийского «свадьба младенца»). Перед этим обрядом родственники ребенка мылись и облачались в чистую одежду. Обряд наречения имени был одним из важных семейных ритуалов, так как от имени зависела дальнейшая судьба ребенка. В прошлом у восточных марийцев были распространены старинные марийские имена, и было популярным давать тюрко-татарские имена [3]. Мода на татарские имена была связана с влиянием ислама и культуры соседних тюркских народов. Данная этнографическая группа этноса претерпела аккультурации со стороны татар и башкир, что отразилось как в духовной, так и материальной культуре восточных марийцев.

У восточных марийцев в случае, когда после умершей девочки опять рождалась дочь, давали имя *Алмашбика* (по-татарски *Ташбика*), что означало – «замена умершему ребенку». Это должно было уберечь девочку от смерти [3].

В прошлом крещеные марийцы также старались быстрее дать имя новорожденному и с этой целью крестили детей в церкви через одну-две недели после рождения, нарекая именем по христианскому имениннику, соответственно дате рождения. Нередко у детей существовали два имени: одно, полученное при рождении, во время мытья в бане, другое – во время крещения. В годы атеизма у луговых марийцев бытовал обычай домашнего крещения и наречения имени.

Марийские языческие, татарские имена и в настоящее время частично сохранились у некрещеных марийцев старшего поколения особенно среди восточных марийцев. В Республике Марий Эл в некоторых семьях интеллигенции с 80-х годов XX века интерес к истинно марийским именам заметно стал расти. В 90-е годы девочек нарекали популярными и известными марийскими именами – Айвика, Салика, Эрвина и др.

В случае частых заболеваний или смерти детей в семье марийцы проводили традиционный обряд символической «продажи» ребенка (*аза ужалмаш*), известный многим народам Поволжья и Приуралья. В день «продажи» пекли в доме блины. Заранее договаривались с человеком, у которого было много детей,

и приглашали его к себе в гости. Продавали обычно тем, у кого детей было много, и они были здоровыми и долго жили. Например, когда производили продажу, тот кто покупал, спрашивал: Продашь сына? Кто продавал, отвечал, что продаст. Ребенка уносили за порог дома, возвращали обратно через окно. «Покупателем» мог быть и случайный человек, первым пришедший в этот день в дом. Ему говорили, что продают ребенка за символическую плату. «Проданного» ребенка выносили за ворота, возвращали родителям также через окно. Во время «продажи» обычно меняли имя ребенка. У восточных марийцев Башкортостана новое имя ребенка кричали в печную трубу. В доме ребенка по этому поводу устраивалось угощение, обязательным блюдом были блины. Символический обряд «продажи ребенка» обычно происходил в семью, где было много здоровых детей. «Покупатель» сажал ребенка на колени, давал новое имя. Это означало, что «купленное» дитя стало его ребенком. При этом обращались к Богине Рождения (*Шочынава*) и просили богиню и впредь даровать семье здоровых детей. При этом читали молитву с пожеланиями благополучия ребенку. После проведения этого обряда дети жили. «Купившие ребенка» назывались «*пумо ача, пумо ава*», они почитались этим ребенком как вторые родители и во время свадьбы «купленный сын или дочка» одаривали их подарками [3].

Как свидетельствуют этнографические материалы, имя играло большую роль в жизни ребенка и влияло на его будущую жизнь. Известно то, что марийцы новорожденным детям давали необычные имена в случае, если предыдущие дети умирали. В том случае, если дети очень плакали или часто болели, считалось, что имя выбрано неудачно, им меняли имя, чтобы у ребенка жизнь была благополучной [3].

У марийцев новорожденных детей могли назвать в честь умерших родственников, особенно тех, кто при жизни отличался своими положительными качествами и был успешен в жизни. Считалось, что ребенок, названный именем умершего, приобретал его положительные черты характера, поведения и удачливость в жизни. Эти представления были связаны с развитым культом предков у марийцев. Они считали, что усопшие могут содействовать в делах живых родственников. Иногда новорожденных нарекали и именами живущих родственников, близких друзей. Однако существуют представления о том, что нельзя детей нарекать именами в честь трагически погибших в молодом возрасте родственников, а также людей не отличавшихся нравственным поведением, так как их судьбу может в будущем повторить ребенок.

Среди марийцев Республики Татарстан в 2006 году были зафиксированы и своеобразные имена, связанные с растительным миром, например, Фиалка, Ландыш и др. Встречаются имена у детей из мексиканских и бразильских сериалов. Например, в одной из марийских семей Татарстана в семье дети названы следующими именами – Севастьян, Христиан, Джастина, Кристина, Анжелика [3].

Традиционные обряды, связанные с наречением имени новорожденным, у марийцев были связаны с желанием дать наиболее подходящие имена для жизни детей, которые сделали бы судьбу их удачливой, счастливой, а жизнь долгой.

Как подчеркивалось выше, у марийцев был ряд запретов, связанных с поведением взрослых по отношению к младенцам – нельзя было хвалить, взвешивать, измерять ребенка, нельзя было переступать через него, так как из-за этого ребенок долго не смог бы ходить (*лочо*) до трех лет. Однако зафиксирован интересный обычай, по которому в случае сглаза ребенка мать или бабушка ребенка пропускали его между своих ног. От сглаза на детей брызгали и мочой. Это же средство применялось и при сглазе домашних животных [3].

Марийцы верили также, что причиной болезни детей является порча от колдовства. Для их лечения прибегали к магическим действиям и заговорам. Крещеные марийцы в этом случае спрыскивали младенца святой водой. Также использовались различные заговоры, сопровождаемые магией при лечении грыжи, рахита, припадков и других болезней. Все эти заговоры отличает поэтическое богатство языка, яркие сравнительные образы.

Женщины кормили детей грудью больше года. Прикармливали из холщового рожка, который заполняли размягченным хлебом, кашей или другой пищей.

В прошлом, чтобы ребенок научился сидеть, его сажали, подкладывая с боков опору в виде свернутой одежды. Чтобы быстрее научился ходить, под мышками укрепляли кушак и водили его при помощи этого пояса. Для этой же цели делали специальную коляску с колесиками, внутри которой ребенок мог стоять и безопасно передвигаться. Деревянная коляска называлась *«шӱкымӧ орава»*. Период, когда ребенок мог стоять, но еще боялся ходить, назывался у марийцев *«кепыылме врема», «кепыылмы жап»* – «связанное время», т.е. в это время ребенок «спутан в ногах символическими веревками», которые необходимо «разрубить» или «разрезать» топором или ножом. Это был своеобразный обряд для младенцев. В прошлом, для проведения этого действа специально варили овсяную кашу, когда каша была готова, котел с кашей ставили посредине пола. Вокруг этой каши три раза обводили ребенка. Один из взрослых водил ребенка, другой с топориком или ножом «рубил» предполагаемую веревку со словами: «*Кепыылым руем, кошташ тунем*» (разрезаю веревку, учись ходить). После этого все семейство ело кашу. Считалось, что после этого обряда ребенок начнет быстро и хорошо ходить. Магический обряд «разрубания пут» (*кепыыл руалме*) в более поздний период, да и в настоящее время производится упрощенно, без каши. Кто-то из уважаемых членов семьи разрезал ножницами символическую веревочку и говорил: «*Кепыылым руална, кепыылым руална, ынде кошт, ынде кошт*» (разрубаем путы, разрубаем путы, теперь ходи, теперь ходи). Часто этот обряд выполняется и так – мать ведет ребенка за руки, а кто-нибудь из пожилых членов семьи, постукивая ладонью об пол вслед за переставляющим ноги ребенком, произносил те же слова [3].

После того, как ребенок начинал ходить, ему надевали специальные штаны без ластовицы в промежности (*вожын йолаш*). Ногти ребенка стригли, когда ему исполнялся год. До этого их обкусывали зубами. Когда ребенку исполнялся год, ему впервые стригли волосы. Первые волосы мать ребенка обычно хранила [3].

По традиционным представлениям у марийцев считалось, что при появлении зубов у ребенка нельзя было сразу сказать «*пӱ*» (зуб), нужно сказать «катась». Если первые зубы у ребенка появлялись в старолуние, то говорили, что младенец счастливый, а если же это приходилось на новолуние, то не вполне счастливый. Молочные зубы никогда не выбрасывали просто так. Их брали и прятали в кусок хлеба и отдавали собаке, говоря при этом: «*Пий пӱ гай чоткыдо лийже*» (пусть зубы будут крепкими, как у собаки) [3].

Если сравнивать марийские обряды первого года жизни ребенка с таковыми обрядами у других народов, выявляется сходство, особенно эта общность проявляется с соседними финно-угорскими этносами – удмуртами, мордвой, а также с тюркскими – татарами, чувашами, башкирами. Это объясняется как типологическим сходством обрядов, так и общностью исторических судеб народов. Универсальным для всех народов являлись амулеты, обереги, связанные с металлом, очистительной силой воды, вера влияния на судьбу ребенка последа, пуповины, плаценты (околоплодная рубашка), выбора имени. Большое значение придавалось захоронению последа, как средству, обеспечивающему здоровую жизнь ребенка и плодовитость матери.

С древних времен у марийцев, как и у других народов, существовала вера в магическую связь судьбы человека с его именем, поэтому ребенка не оставляли безымянным.

В целом, все традиционные марийские народные обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, были направлены на обеспечение здоровья и благополучия ребенка, роженицы, а также способствовали тому, чтобы ребенок приобрел, все самые лучшие качества и чтобы его мать имела еще много детей. В основе этих обычаев лежало стремление людей создать максимум условий для рождения здорового и красивого ребенка, поэтому многие обряды родильного цикла у марийцев, несмотря на магические элементы, имели под собой рациональную почву.

По традиционным представлениям, смыслом жизни женщины были дети и семья, как все живое в природе имеет плоды, так и женщина должна плодиться и рожать детей. У восточных марийцев молодушка надевала окончательно женский головной убор, когда рожала первенца, а иногда и нескольких детей, т.е. с того момента, когда она доказала свою способность на продление человеческого рода. Однако не имели права носить женский головной убор женщины, родившие вне брака [10, с. 191].

К рождению двойняшек у восточных марийцев относились двояким образом: в одних районах считали, что «это наказание посылает Богиня

Рождения, в других – это явление относили к наследственности. Марийцы в прошлом считали, что двойни рождались нежизнеспособными, слабыми, поэтому более предпочтительным было рождение одного младенца, но здорового и крепкого.

Многие обряды первого года жизни ребенка у восточных марийцев опирались на рациональные знания – многовековой опыт народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Молотова Т.Л.* Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 90-х годов. АЭМК. Вып.22. – Йошкар-Ола, 1993.

2. *Евсевьев Т.Е.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. №10.

3. ПМА (полевые материалы автора). Суксунский р-н Пермской области, 1987; Красноуфимский, Ачитский районы Свердловской области, 1995; Актанышский. Менделеевский, Мензелинский, Муслюмовский р-ны Татарстана, Белебеевский, Чекмагушевский, Калтасинский, Дюртюлинский р-ны Башкортостана, 2006; Мишкинский, Нуримановский р-ны, 2007; Балтачевский, Бакалинский, Красноуфимский р-ны Башкирии 2007; Кукморский, Агрызский, Елабужский р-ны Татарстана, 2009; Балтасинский, Кукморский, Мензелинский, Муслюмовский, Мензелинский, Елабужский р-ны, 2015.

4. Родины. Составила Л.Ш. Ибатуллина. Рукопись хранится в сельской библиотеке д. Новоямурзино Балтачевского р-на Башкортостана.

5. Фонды Финно-угорского общества в Финляндии. Труды ученого Т.Евсевьева. От V–VII месяца 1914 г. T.VI 1.29. Этнография «Обычаи и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью».

6. Дюртюлинский р-н Башкортостана 2003. Записано от С.П. Чесноковой.

7. ПМА Мишкинский р-н БАССР 1988.

8. *Яковлев Г.* Религиозные верования черемис. – Казань, 1987.

9. *Erdodi J.* Zur Tscheremissischen namengebung // SUSA. Vol. 64. – Helsinki, 1963.

10. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Йошкар-Ола, 1975.

Tamara Molotova

TRADITIONAL RITUALS AND RITES CONNECTING WITH THE FIRST YEAR OF CHILD LIFE OF EASTERN MARI

Traditional birthing rituals and forms of care for young children is extremely interesting side of the spiritual culture of the people, which reflected beliefs about the origins and mystery of a new life, religious and magic shows, the experience of forming and educating future members of society rational and centuries – old experience of the people. The study of these rites among the Mari is of scientific interest. This work is written using the field materials of the author and summarized the materials in the traditional rituals of the first year of life among the Eastern Mari. Field ethnographic materials were collected in different parts of Bashkortostan, Tatarstan, Perm, Sverdlovsk regions.

Сергей Долгополов
Йошкар-Ола

О ВРЕМЕНИ И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ В ЛЕСНОЕ ПОВОЛЖЬЕ
(к постановке вопроса)

Гребенчато-шнуровая керамика один из важнейших компонентов ананьинской культурно-исторической области. Вопрос о времени появления и распространения гребенчато-шнуровой керамики на обширных пространствах лесного Поволжья один из наиболее значимых для определения характера участия носителей этой традиции в этнокультурных процессах на рассматриваемой и сопредельных территориях.

Только в конце 1980-х гг. В.Н. Марковым было однозначно определено наличие ряда различных керамических комплексов, принадлежавших различным этнокультурным формированиям, и наглядно продемонстрирована ошибочность представлений о единой ананьинской культуре. Гребенчато-шнуровая керамика, по мнению В.Н. Маркова, была связана с населением Северного Приуралья, продвинувшимся в районы Прикамья, Вятки и Поволжья, и принявшим участие в сложных процессах, протекавших в начале раннего железного века на обширных пространствах. Тогда же автором четко было указано время продвижения культуры с гребенчато-шнуровой керамикой на Вятку и Ветлугу. Опираясь на находки костяных стилизованных изображений животных на городищах Ройский Шихан и Аргыжское, ее появление было датировано не ранее VI в. до н.э. равно как и на некоторых поздних комплексах Нижней Камы. Свидетельством более позднего места в относительной хронологии «ананьинских» древностей гребенчато-шнуровой керамики исследователь считал и залегание ее в верхних отложениях ряда памятников в устье Ветлуги, Вятки [1, с. 56–57].

А.А. Чижевский в исследовании о могильниках Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время в качестве времени продвижения «ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики» на Вятку и Ветлугу также называет близкую дату – рубеж VII–VI вв. [2, с. 18]. При этом стоит отметить, что собственно культуре гребенчато-шнуровой керамики погребальные комплексы вовсе не свойственны. Все погребения, относимые к ней, обнаружены в могильниках, начавших функционировать до появления

населения культуры гребенчато-шнуровой керамики. Сам обряд погребения в землю является результатом стороннего влияния, по всей видимости, постмаклашеевского населения.

Любопытно, что в в последнее время появились дополнительные свидетельства, указывающие схожую датировку. В 2009 г костяное изображение животного, подобное таковым с Вятки было найдено на Чортовом городище в Поветлужье [3, рис. 104].

А.В. Новиковым на основе изучения комплексов гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в Костромском Заволжье выявлено, что время их появления в бассейне Костромы также VI в. до н.э. [4, с. 141–143, 163].

Характерно, что в более раннее время (до конца 1980-х годов) комплексы культуры гребенчато-шнуровой керамики не выделялись и отдельно не датировались, тем не менее датировки комплексов именно культуры гребенчато-шнуровой керамики обычно вполне укладываются в рамки VI в. до н.э. Так, на городище Ройский Шихан Г.А. Архиповым часть датирующих вещей имеет время бытования как раз с VI в, остальные, же будучи известны с VII в. до н.э., бытуют и в более позднее время [5, с. 196].

Таким образом, можно отметить, что носители традиции изготовления посуды с гребенчато-шнуровым орнаментом появляются на обширных пространствах лесного Поволжья и сопредельных территорий от Верхнего Поволжья до устья Вятки и Нижнего Прикамья в ограниченный отрезок времени в рамках VI в. до н.э. Также стоит обратить внимание, что рассматриваемые территории расселения носителей гребенчато-шнуровой керамики граничат с известнейшим путем передвижений. А именно, с востока на запад по притокам Северной Двины Вычегде и Сухоне. Характерно, что именно к территориям осваивавшимся племенами гребенчато-шнуровой керамики идут исторически известные в позднейшие времена пути передвижения от бассейнов Вычегды и Сухоны на юг. Река Кострома являлась путем, соединявшим Волгу и Сухону. Характерно, что и на Кубенском озере и в более западных, и северных регионах позднекаргопольской культуры отмечены комплексы гребенчато-шнуровой керамики явно пришлого населения, появляющегося также в VI в. до н.э. Ветлуга традиционно являлась связующей нитью между северодвинским бассейном и Средним Поволжьем. Причем переселение по Ветлуге могло идти, как со стороны рек Юг и Вохма, так и через верховья Вятки. Собственно же Вятка соединяла Вычегду и Нижнее Прикамье. Отметим, что именно население Вычегды и Печоры финальной бронзы рассматривалось В.Н. Марковым как основа для формирования гребенчато-шнуровой культуры [1, с. 56–57].

К сожалению, на текущий момент однозначное подтверждение тезиса о продвижении племен с гребенчато-шнуровой керамики через сухоно-вычегодский путь и расселение в лесном Поволжье с северного направления невозможно. Тем не менее, с учетом временной близости появления схожих комплексов на огромной территории, прилегающей к одному из традиционных

путей передвижения, вероятность этого вполне реальна. Подтверждение или опровержение требует проведения тщательных поисковых исследований хотя бы на одном из предполагаемых маршрутов передвижения с бассейна Северной Двины в бассейн Волги и ее притоков. Необходима также обработка вещевых комплексов локальных групп памятников гребенчато-шнуровой керамики и сравнение их друг с другом с целью выявления наибольшего сходства. Что позволит более конкретно подтвердить пути продвижения гребенчато-шнуровой керамики и окончательно решить вопрос о районах ее формирования.

Отдельно имеет смысл выделить вопрос о причинах, побудивших население северо-востока начать в относительно короткий исторический срок целыми группами расселяться с мест обычного обитания на новые территории. На наш взгляд, любые гипотезы о вытеснении в результате передвижения на северо-восток Европейской части России зауральского (равно как и любого другого) населения не являются достаточным объяснением. В конце концов, население Печоры и Вычегды было относительно невелико и разреженно. Характерно, что в местах расселения в VI в. до н.э. так и не зафиксировано следов военных столкновений с населением местных культур. Зато характерно, что в местах, заселенных носителями культур сетчатой керамики и постмаклашеевской комплексы гребенчато-шнуровой керамики, обычно бытует одновременно и на одних поселениях с предшествующим населением. Более того, с легкостью встраиваются в местные традиции и обряды, свидетельство чему появление погребений представителей культуры гребенчато-шнуровой керамики на местных могильниках в Среднем Поволжье. То есть население раннего железного века в лесной полосе достаточно легко уживалось друг с другом.

Скорее всего, причины передвижения следует искать в климатических изменениях и вызванных ими переменах в ресурсной базе обитания, смене типа лесов. По крайней мере, смена суббореального климата на субатлантический в I тыс. до н.э. – несомненный факт. Н.А. Хотинский датирует ее временем 2500–2200 лет назад, но оговаривается, что конкретные рамки для различных регионов могут разниться. Любопытно, что расселение племен с гребенчато-шнуровой керамикой также тяготеет в своем продвижении к районам вдоль линии Онега-Котлас-Казань, являющейся границей Восточно-Европейской провинции Европейско-Сибирской подобласти темно-хвойных лесов [6, с. 19–27]. Складывается впечатление, что таежное население двигается вслед за меняющимся лесом. Впрочем, и в этом случае требуется сбор данных для естественнонаучных исследований с целью изучения и сравнения ресурсной базы и природной среды в период расселения носителей гребенчато-шнуровой керамики на отдельных территориях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). – Казань, 2007.

2. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Автореф. … к.и.н. – М., 2002.

3. *Ефремова Д.Ю.* Отчет о раскопках Чортова городища в Нижегородской области летом 2009 г. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1138.

4. *Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья. Дисс. … к.и.н. Т. 1. – Казань, 2015.

5. *Архипов Г.А.* Ананьинские городища на р. Вятке // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II. Железный век Марийской края. – Йошкар-Ола, 1962.

6. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. – М., 1977.

Sergei Dolgopolov

ABOUT THE TIME AND PATHWAYS OF COMB-CORDED CERAMICS TO FOREST VOLGA REGION
(to the formulation of the question)

Today it is possible to note that on the vast territory of the forest Volga region is fixed almost simultaneous appearance of complexes with comb-corded ceramics. It looks reasonable to raise the question of disseminating the culture of comb and corded ware from the North Urals on sukhono-vychegda path in the VI century BC. That in turn raises the question of the causes of migration of the taiga population to the west and south-west. A suggested solution is a comparison of the local groups of the complexes with comb and corded ware pottery and the collection of materials for scientific analysis to determine the nature of climatic and bio-resource changes in the areas of cultural dissemination.

ПЕРСОНАЛИИ

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

ЧХАИДЗЕ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА
(к 110-летию со дня рождения)

М.П. Чхаидзе – один из исследователей марийского языка старшего поколения. Он специалист по грузинскому языку, русской лингвистике и финно-угроведению. Из финно-угорских языков исследовал прежде всего марийский язык; доктор филологических наук (1967), профессор (1970).

М.П. Чхаидзе родился в 1905 году в селе Мамати Ланчхутского района Грузии, был младшим сыном грузинского крестьянина Павла Махарбеловича. С детства любил книги, много читал. Благодаря помощи своего учителя Ивана Хеладзе Михаил Чхаидзе поступает на последний курс Ланчхутского педагогического техникума. В 1924 году, успешно выдержав вступительные испытания, начинает учиться на факультете словесности Тбилисского университета. В университете изучает филологию, особенно грузинскую. В 1926 году переводится в Ленинград, становится студентом Восточного института. Здесь продолжает углубленно заниматься языкознанием и слушать лекции академика Н.Я. Марра. До приезда в Ленинград Михаил Чхаидзе почти не владел русским языком. Будучи студентом, за короткое время он усвоил не только русский язык, но выучил и стал прекрасно говорить на трех иностранных языках. Замечая талант, острый ум молодого парня, наставник Н.Я. Марр предложил ему начать исследовать финно-угорские языки. Из множества финно-угорских языков М. Чхаидзе выбрал марийский. В 1930–1933 годах учился в аспирантуре при Академии наук СССР [1; 2; 3; 4].

Следует констатировать то, что в конце 20 – начале 30-х годов прошлого столетия у многих языков России не было литературного языка. Не хватало или

почти не было книг, грамматик, словарей по национальным языкам. Поэтому в целях изучения и исследования «младописьменных языков» талантливых студентов отправляли в разные регионы. Так М. Чхаидзе, взяв с собой нужные справочники и словари, приехал в Марийский край. За короткий период он достаточно хорошо овладел марийским языком (М.П. Чхаидзе параллельно с марийским изучал и другие финно-угорские языки: мордовский, удмуртский и финский). Совершил несколько экспедиций в районы компактного проживания марийцев.

Первая научная работа М.П. Чхаидзе называется «Вторая яфетидологическая экспедиция», опубликована в 1931 году в Ленинграде [5]. Среди других исследований можно выделить такие, как, например: «К вопросу о путях национальных языков (О развитии двух марийских языков)» [6], «О генезисе образовательных элементов в марийском языке» [7], «Марийские числительные до десяти» [8], «Падежи в марийском языке», написана в соавторстве с Н.Ф. Яковлевым [9], «Местоимения в марийском языке» [10], «Язык марийцев Тоншаевского района Горьковской области», написана в соавторстве с И.Ф. Андреевым [11], «О междометиях в марийском языке» [12] и некоторые другие. Они напечатаны как в республиканских, так и в центральных изданиях. Из местных изданий можно выделить такие журналы и сборники, как «Пролетар культур верч», «Марий илыш», «МАО», «Труды МарНИИ». Необходимо отметить, что Михаил Павлович имел тесную связь с Марийским научно-исследовательским институтом.

В 20–30-х годах XX века М.П. Чхаидзе, как ученик Н.Я. Марра, исследовал марийский язык с точки зрения так называемого «нового учения» о языке. Он вслед за своим учителем был сторонником мнения о двух марийских языках. В 1936 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Спряжение глаголов в марийском языке». В 30-х годах принимал участие в подготовке и проведении первой научной языковедческой конференции. Он заботился о развитии марийского литературного языка. Часто выступал в печати, дискутировал на такие темы, как орфография, алфавит, грамматическая норма литературного языка и ее развитие. Его мнение во многом было доминирующим среди марийских ученых и творческих работников. М.П. Чхаидзе являлся одним из активных участников реформы марийского языка 1937 года.

Из монографических работ М.П. Чхаидзе можно указать два труда: «Спряжение глаголов в марийском языке в свете стадиального развития речи» [13] и «Синтаксис лугово-восточного марийского языка» [14; 15]. Они также написаны на основе «нового учения» о языке.

Научное творчество молодого ученого прервала Великая Отечественная война. М.П. Чхаидзе добровольцем ушел на фронт. До войны он работал в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, занимал должность старшего научного сотрудника.

В послевоенные годы М.П. Чхаидзе продолжал заниматься марийским языком. В качестве исследовательской темы выбрал морфологию, в частности, категорию глагола. В течение долгого времени скрупулезно изучал природу, типологию, генетические вопросы марийских составных глаголов. Результатом

его исследования стала монография «Спаренные глаголы в марийском языке» [16]. На основе данного труда, дополнив его новыми материалами из других родственных и неродственных языков (примерно из 45 языков), подготовил докторскую диссертацию на тему «Проблема спаренных глаголов». Успешно защитил ее в 1967 году на заседании ученого совета Института языкознания АН СССР. Совет присудил ему ученую степень доктора филологических наук. Надо заметить, в диссертации имеется глава, посвященная характеристике спаренных глаголов марийского языка.

М.П. Чхаидзе – участник нескольких Всесоюзных научных конференций и совещаний финно-угроведов (Петрозаводск, 1961; Сыктывкар, 1965; Йошкар-Ола, 1969), IV Международного конгресса финно-угроведов (Будапешт, 1975). Наиболее ценным является его доклад «Работы американских лингвистов по мариеведению» [17], с которым он выступил на Всесоюзной научной конференции по финно-угроведению в Сыктывкаре. Автором дана оценка работам прибалтийских ученых, живущих в США (Ева Кангасмаа-Минн, Ало Раун, Томас Себеок, Елена Ристинен, Лехисте, Ингеманн и Валдис Зепс).

С конца 60-х годов прошлого столетия предметом исследования М.П. Чхаидзе также была проблема машинного перевода с одного языка на другой. Он был руководителем группы машинного перевода в вычислительном центре Академии наук Грузинской ССР. Подготовил и издал научный труд «Алгоритм грузинского синтеза при машинном переводе с русского языка» [18]. Книгу высоко оценили научные организации и ученые из разных стран мира.

Посещая Марийский край, М.П. Чхаидзе познакомился и был в дружеских отношениях с передовой марийской интеллигенцией. Михаил Павлович особенно уважал и ценил первого директора МарНИИ В.А. Мухина, патриарха марийского языкознания В.М. Васильева, преподавателя Марийского педагогического техникума В.Т. Соколова (они познакомились еще в Ленинграде), писателей С.Г. Чавайна и И.А. Борисова (Тыныша Осыпа).

Для марийской истории и культуры важное значение имеет его воспоминание об основоположнике марийской литературы С.Г. Чавайне «Тыгай ыле Чавайн» («Таким был Чавайн»), которое опубликовано в журнале «Ончыко» [19]. В данной статье М.П. Чхаидзе описывает теплую встречу с Сергеем Чавайном. Он общался с ним на чистом марийском языке. Будучи в гостях вместе с семьей С. Чавайна у Тыныша Осыпа, под гусли, на которых играл хозяин дома, спел песню пчел из пьесы С. Чавайна «Мӱкш отар» («Пасека»). С. Чавайн, внимательно послушав пение М.П. Чхаидзе, похвалил его: «Спел как мариец». На реплику С. Чавайна «...в моем веку изучать культуру, язык в Марийскую область приезжали многие. Однако, не выучив ни одного слова, они уезжали обратно. Почему так? Может быть, марийский язык трудный»? М.П. Чхаидзе ответил: «Нет, по сравнению с другими языками марийский язык не трудный. Он легче от других, которыми я владею». М.П. Чхаидзе был полиглотом, уважал, ценил и наш родной язык.

В 30–60-е годы прошлого столетия М.П. Чхаидзе много сделал для зарождения и развития марийской лингвистики. Он, как и патриарх марийской

науки В.М. Васильев или как один из первых марийских лингвистов Г.Г. Кармазин, стоял у истоков марийского языкознания. Его заслуги в истории марийской науки неоспоримы. Труды М.П. Чхаидзе по марийскому языку до сегодняшнего дня не потеряли своей значимости.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев И.* Марий йылмым шымлымаште кумло ий // Марий коммуна. 1961, 4 авг.

2. *Исанбаев Н.* Совместные пути познания // Марийская правда. 1982, 18 февр.

3. *Иванов И.* Илыш – йылме наукылан: М.П. Чхаидзен шочмыжлан 70 ий темме лӱмеш // Ончыко. 1975, № 6.

4. Лингвист и полиглот // Вечерний Тбилиси. 1968, 26 янв.

5. *Чхаидзе М.П.* Вторая марийская яфетидологическая экспедиция. – Л., 1931.

6. *Чхаидзе М.П.* К вопросу о путях национальных языков (О развитии двух марийских языков) // Пролетар культур верч. 1934, № 4–5.

7. *Чхаидзе М.П.* О генезисе образовательных элементов в марийском языке // МАО. 1935, № 11–12.

8. *Чхаидзе М.П.* Марийские числительные до десяти // Язык и мышление. 1935. Т. 5.

9. *Чхаидзе М.П., Яковлев Н.Ф.* Падежи в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1936.

10. *Чхаидзе М.П.* Местоимения в марийском языке // Советское языкознание. – М., 1937. – Т. 3.

11. *Чхаидзе М.П., Андреев И.Ф.* Язык марийцев Тоншаевского района Горьковской области // Труды МарНИИ. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1939.

12. *Чхаидзе М.П.* О междометиях в марийском языке // Памяти академика Н.Я. Марра. – М.-Л., 1939.

13. *Чхаидзе М.П.* Спряжение глаголов в марийском языке в свете стадиального развития речи. – М.-Л., 1939.

14. *Чхаидзе М.П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. – М., 1941.

15. *Булат Ш.* Новый научный труд // Марийская правда. 1941, 4 июня.

16. *Чхаидзе М.П.* Спаренные глаголы в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1960.

17. *Чхаидзе М.П.* Работы американских лингвистов по мариведению // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ.. – Сыктывкар, 1965.

18. *Чхаидзе М.П.* Алгоритм грузинского синтеза при машинном переводе с русского языка. – Тбилиси, 1968.

19. *Чхаидзе М.П.* Тыгай ыле Чавайн // Ончыко. 1978, № 5.

ЛИТЕРАТУРА О ЧХАИДЗЕ М.П.

Андреев И. Онгай вашлиймаш // Марий коммуна. 1965, 28 декабрь.

Грузин марла ойла // Марий коммуна. 1968, 20 март.

Исанбаев Н. Новое исследование о марийских глаголах // Труды МарНИИ. Вып. XVIII. – Йошкар-Ола, 1964.

Конфэрэнцэ зал гыч: Пэрвой марий йылмэ наук конфэрэнцэ // Марий коммун. 1937, 12 янв.

М.В. Кузнецов йолташын ойлымыжо: Пэрвой марий йылмэ наук конфэрэнцэ // Марий коммун. 1937, 12 янв.

Саньуш С. Мишкан район конфэрэнцэ – марий йылмэ нэргэн // Марий коммун. 1937, 6 янв.

Учаев З. Вӱдла йога марий мут // Марий коммуна. 1969, 16 авг.

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

АННА АНДРЕЕВНА САВАТКОВА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОДНОГО МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

(к 90-летию со дня рождения)

Анна Андреевна Саваткова – известный в финно-угорском научном мире марийский лингвист, внесла огромный вклад в исследование горномарийского наречия, а также в развитие марийской практической лексикографии.

Родилась 20 октября 1925 года в деревне Яштуга Горномарийского района Марийской АССР, как сама пишет в автобиографии, «в семье крестьянина-середняка» [1]. В 1931–1936 гг. училась в Яштугинской начальной школе, в 1936–1939 гг. – в семилетней школе при Сурском детском доме. В 1939 г. поступила в Козьмодемьянское педагогическое училище, которое окончила в 1942 г. После училища была направлена учителем начальной школы в родную деревню Яштуга, там проработала до 1945 г. В 1945–1949 гг. училась на литературном факультете Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, по окончании вуза получила специальность преподавателя русского языка и литературы, марийского языка и литературы. В 1949–1953 гг. по направлению Министерства просвещения РСФСР проходила подготовку в научно-педагогической аспирантуре при Институте языкознания АН СССР (сначала в Ленинграде, затем в Москве) под научным руководством широко известных финно-угроведов проф. Д.В. Бубриха и проф. В.И. Лыткина. 20 октября 1953 г. на заседании общей секции Ученого совета Института языкознания АН СССР успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русские заимствования в горном наречии марийского языка», 13 ноября 1953 г. ей присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

После аспирантуры Президиумом АН СССР была направлена в распоряжение Совета Министров Марийской республики. В 1953–1956 гг. работала в Марийском научно-исследовательском институте, в первые

месяцы – в должности младшего научного сотрудника, с декабря 1953 г. – старшего научного сотрудника сектора языка. В 1958–1961 гг. преподавала в Марийском педагогическом институте, в течение двух лет – в качестве ассистента на кафедре русского языка, один год – в качестве старшего преподавателя на кафедре начальных классов. В декабре 1961 г. вернулась в научно-исследовательский институт, где проработала в должности старшего научного сотрудника до 1985 г. (после выхода на пенсию в октябре 1980 г. в течение пяти лет работала на временной основе). Умерла 2 августа 2001 года.

Научные интересы А.А. Саватковой связаны главным образом с марийской орфографией, лексикологией, лексикографией и диалектологией. Ею опубликовано более 15 монографий, из них наиболее известными и востребованными являются «Русские заимствования в марийском языке» (1969), «Словарь горного наречия марийского языка» (1981, 2-е изд-е 2008), монография «Горное наречие марийского языка» (2002), «Мары орфографический словарь (кырык марла)» (1956), «Мары орфографический словарь» («Орфографический словарь марийского языка») (1978), учебник для IV класса горномарийских школ «Мары йӹлмӹ» («Марийский язык») (1957 –). Кроме того, значительна заслуга А.А. Саватковой как соавтора-составителя таких крупных словарей, как «Марийско-русский словарь» (1956), «Русско-марийский словарь» (1966), десятитомный «Словарь марийского языка» (1990–2005).

В монографии «Русские заимствования в марийском языке» впервые были подвергнуты многостороннему анализу слова, «изустно» заимствованные из русского языка в марийские наречия. Источником послужили прежде всего записи, сделанные самим автором в различных районах Марийской республики, Свердловской области, Башкирии, и диалектные материалы из фондов МарНИИ, а также первые марийские словари из рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (в настоящее время Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), сведения по истории «северновеликорусских и средневеликорусских говоров». В работе представлены результаты исследования фонетического оформления (усвоения гласных и согласных звуков) и морфологического освоения (каждой части речи в отдельности) русских заимствований, сдвигов в их семантике (сужения, расширения, изменения значений и др.). Важное место занимает приложенный «список заимствованных слов», который содержит около двух тысяч слов.

«Словарь горного наречия марийского языка» сразу же после издания получил весьма высокую оценку коллег. Так, согласно отзыву рецензента Г.И. Лаврентьева (в настоящее время известного марийского лингвиста, доктора филологических наук, профессора), «труд А.А. Саватковой, опытного языковеда-лексикографа, является шагом вперед в развитии марийской лексикографической науки и практики», он «является не только словарем

диалектным, но и толковым словарем горного наречия», «будет способствовать дальнейшему обогащению и расширению словарного запаса общемарийского, литературного языка» [2, с. 300]. Словарь составлен главным образом на основе собственных полевых записей автора, помимо этого активно использованы материалы из рукописного фонда МарНИИ и интересные лексические данные из словарей Г.И. Рамстедта (1902), В.С. Шорина (1920), С.Г. Эпина (1935). Он включает около 10 тысяч слов «языка горных мари, проживающих по обоим берегам Волги», однако отражает в первую очередь лексическое богатство правобережного еласовского говора, легшего в основу литературной нормы. В словаре содержатся наряду с исконно марийскими словами заимствования – русские, «получившие широкое употребление и изменившие свой фонетический облик», и тюркские (чувашские и татарские), имеют место многочисленные устаревшие слова. Самое главное в словаре – раскрытие значения (значений) включенных лексем. Ценной является иллюстративная часть, где представлены яркие словосочетания и компактные предложения, а также большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок, сравнений, составных терминов. Все слова и иллюстрации переведены на русский язык, что делает работу доступной для самого широкого круга пользователей, в т. ч. для специалистов по финно-угорским языкам. Нужно заметить, именно данный словарь стал незаменимым источником при разработке горномарийской части десятитомного «Словаря марийского языка».

Монография «Горное наречие марийского языка» была подготовлена А.А. Саватковой в стенах института еще в конце 1970-х годов, однако увидела свет только в 2002 г. Опубликована она в Венгрии в серии «Bibliotheca Ceremissica» (Savariae, 2002), издававшемся под руководством Я. Пустаи; большую работу по подготовке рукописи к изданию провела М.Н. Кузнецова (к сожалению, сам автор не увидел своей книги). Фактической базой для исследования стали «собственные записи автора, а также материалы фольклорных и диалектологических экспедиций, хранящиеся в рукописных фондах МарНИИ. Хорошим подспорьем явились также учебники, художественная, научно-популярная, публицистическая литература» [3, с. 20]. В монографии представлено системное описание фонетики (рядов гласных и согласных, звуковых явлений в них) и морфологии (частей речи) горного наречия. При освещении вопросов большое внимание уделено сопоставительному анализу особенностей горного и лугового (иногда и северо-западного) наречий, говоров и подговоров горного наречия, а именно, установлению соответствий в наречиях и говорах (подговорах). Работа содержит богатый систематизированный материал по рассматриваемым явлениям, что придает ей убедительность и достоверность.

Орфографические правила и словари, разработанные А.А. Саватковой, обслуживали практику горномарийского письма почти в течение 40 лет. Надо заметить, в правилах 1956 г. было введено в горномарийскую орфографию употребление букв *ӓ, ӹ* при обозначении только первых соответствующих

звуков в слове (*äптан* 'петух' вм. *äптäн*, *ыдыр* 'девушка' вм. *ыдыр*), причем за исключением позиций после гласных букв *ö, ӱ, е, и, э* (например, *йӧнан* 'удобный' вм. *йӧнäн*, *икнары* 'одинаковое количество' вм. икнäры). Данное правило действовало вплоть до современной орфографии (1992).

Начиная с конца 1950-х годов учащиеся IV класса горномарийских школ родной язык изучали по учебнику А.А. Саватковой «Мары йылмы» («Марийский язык»). Книга, впервые вышедшая в 1957 году, в дальнейшем претерпела более десяти переизданий (с изменениями и дополнениями).

Заслуга Анны Андреевны Саватковой в истории марийского языкознания бесценна. Она оставила неизгладимый след прежде всего в исследовании родного горномарийского наречия, его лексики, фонетики, морфологии, и в развитии горномарийской орфографии, а также в марийской практической лексикографии и изучении русских лексических заимствований. К результатам ее научного творчества часто обращаются не только марийские специалисты, но и исследователи других финно-угорских языков и межъязыковых контактов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Личное дело Саватковой Анны Андреевны. 151а // Архив МарНИИЯЛИ.

2. *Лаврентьев Г.И.* Рец.: А.А. Саваткова. Словарь горного наречия марийского языка. Под редакцией Н. П. Егорова, Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1981. 129 с. // Советское финно-угроведение. 1982, № 4.

3. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка. – Savariae, 2002.

«Финно-угроведение», 2015, № 2

Галина Лисовская
Сыктывкар

«НЕ ПОГАСИ В СЕБЕ ОГНЯ»
(к юбилею Н.А. БУРИЛОВОЙ)

В этом году исполняется 80 лет ученому-литературоведу, кандидату филологических наук Надежде Афанасьевне Буриловой. Она родилась 13 ноября 1935 г. в селе Ульяново Усть-Куломского района Республики Коми, в Ульяновском мужском монастыре. В то время в монастыре располагался сельскохозяйственный техникум. Отец Надежды Афанасьевны – Попов Афанасий Анисимович – был преподавателем техникума, первым сорто-испытателем республики. Монастырь был одновременно и учебным заведением, и общежитием для преподавателей. Училась Надежда Афанасьевна в Сыктывкарской средней школе № 1 (теперь это 1-й корпус гимназии им. А.С. Пушкина) и закончила ее в 1953 г. Жила ее семья напротив школы в доме 8 по улице Орджоникидзе. Об этом она позднее написала: «Детство моё было военное, но из него я вынесла много воспоминаний. Одно из них то, что я росла в «историческом» доме: в прошлом веке в нём жил родоначальник коми литературы, знаменитый И. Куратов, а в годы моего детства – потомки В. Савина. Трехэтажный дом с мезонином, балконом, кроме того, был интересным по своей архитектуре памятником XIX в. Три вековые липы и кедр росли около дома. Дом снесли в 1964 г. Я думаю, здесь уместен разговор о патриотизме и нравственности». Среди соседей по дому были сын Виктора Савина – Вениамин Викторович с семьей, первая коми писательница Устинья Попова, переводчик Федор Шадрин.

После школы коми девушка поступила на историко-филологический факультет Кишиневского университета. Когда во время защиты ее кандидатской диссертации ректор Мордовского университета поинтересовался, как она попала в Молдавию, Надежда Афанасьевна ответила: «Хотела убедиться, что яблоки растут на деревьях». В ее памяти остались интересные встречи с писателями Н. Тихоновым, М. Шолоховым. Этим славился университет в годы ее учебы.

По окончании университета она вернулась в Сыктывкар, устроилась работать на радио и попала в литературное окружение: журналистами в то время трудились коми писатели И. Торопов, Г. Юшков, П. Шахов, В. Ширяев. Работу журналиста продолжила на Сыктывкарской студии телевидения с момента ее открытия. Вспоминает, как ей, молодой журналистке, доверили сопровождать торжественное открытие студии – разрезание ленточки первым секретарем обкома И.П. Морозовым.

Затем Надежда Афанасьевна ведет педагогическую работу, сначала работает учителем литературы в школе-интернате, в 1968–1975 гг. – на кафедре педагогики и психологии в Коми пединституте, и с этого времени вплотную подходит к научному изучению духовной сферы человека. В августе 1975 г. Н.А. Бурилова переходит в сектор литературы и фольклора Института языка, литературы и истории, в том же году поступает в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР. Под руководством доктора филологических наук профессора А.К. Микушева пишет кандидатскую диссертацию на тему «Нравственно-эстетический идеал в современной коми литературе» и в 1983 г. защищает её в Мордовском госуниверситете. Ее работу высоко оценили специалисты, определив как новое слово в финно-угорском литературоведении, например, известный мордовский ученый профессор Н.И. Черапкин в книге «Доктор литературы» написал о ней, что она «выдвинула смелую проблему, главное, доказала ее». В условиях идеологического давления, особенно при исследовании жанров, охватывающих большие исторические этапы в жизни страны и отдельного человека, Надежда Афанасьевна сосредоточила свое внимание не на идеологических переменах, а на становлении национального характера, его эволюции, глубинной связи коми человека с природой, на исторических потрясениях и «рубцах», оставшихся на национальном характере, и как обобщение всех раздумий о коми человеке – его нравственном эстетическом идеале. Это направление она сделала главным в своей исследовательской деятельности.

Перу Н.А. Буриловой принадлежит более ста работ, из них две монографии – «В поисках идеала личности» (1987) и «Не погаси в себе огня» (2000). Предметом ее изучения стала коми проза лучших коми писателей Г. Юшкова, И. Торопова, Н. Куратовой, П. Шахова. Надежда Афанасьевна является одним из авторов «Истории коми литературы» (1980), энциклопедического словаря школьников «Коми литература» (1995), биобиблиографического словаря «Писатели Коми» в 2-х томах (1996, 2000), соавтором таких научных изданий, как «Анатолий Константинович Микушев» (1998), «Творчество В. Савина и современность». Ее статьи печатались в газетах и журналах «Литературная Россия», «Литературное обозрение», «Север», «Войвыв кодзув», «Красное знамя», в сборниках научных трудов, научно-методических материалов и т. д.

Усилия Н.А. Буриловой были направлены на исследование национального своеобразия коми литературы. Выявляя черты коми характера, психологии,

нравов, принципы коми народной педагогики на основе прозы, она показывает вклад коми в представление общечеловеческого идеала личности. Надежда Афанасьевна уже в первой своей монографии «В поисках идеала личности», рассматривая роман В. Юхнина «Алая лента», который именуется историко-революционным, характеризует его как великое национальное произведение о судьбах народа. Изучение жанра романа (на примере романов Г. Юшкова «Чугра», «Родовой знак») становится центральным в исследованиях Н.А. Буриловой. Она доказывает в них, что коми философский роман показывает зрелость национальной культуры. Воплощая национально-самобытные, неповторимые типы личности, роман, по утверждению исследователя, отразил живую историю коми народа, его языка, он прямо ставит актуальную сегодня проблему о коренном народе: сохранится ли коми народ как нация при трагически сложившихся социально-экономических, демографических и экологических условиях.

В дальнейшем, в 1990-е гг., Н.А. Бурилова заметно расширяет тематику своих исследований: она включается в куратоведение, обращает внимание на наследие К. Жакова, изучает, возможно, самую важную ипостась его духовного наследия – этические взгляды писателя. Приметой ее работ становится внимание к творческому наследию профессора А.И. Микушева, которому посвящена серия статей. Ее глубокие познания в педагогике и психологии открывали новые перспективы в исследовании человеческого характера, процесса формирования личности и значительно обогащали ее исследования, выделяя этим из литературоведческих работ других ученых.

Надежда Афанасьевна любит тех писателей, о ком пишет, ей важна личность писателя. Есть какие-то ключевые моменты в их жизни, которые дают импульс для создания произведений, Надежда Афанасьевна их обнаруживает и вводит в контекст своих литературоведческих работ. Так, рассматривая в монографии «В поисках идеала личности» книгу И. Пыстина «Фронтовые дни и ночи», она обращается к неопубликованным дневникам писателя, предоставленным литературоведу вдовой писателя; работая над романом В. Юхнина «Алая лента», изучает письма писателя; анализируя произведения И. Торопова, П. Шахова, также соотносит их с определенными периодами их биографии. Работа с произведением для литературоведа включает в себя всю полноту проникновения в их творческую мастерскую.

Проблема любой области знания – это проблема личности. Личность – это внутренняя свобода, независимость и личная ответственность. Именно этими качествами обладает Надежда Афанасьевна. И именно поэтому ее путь как ученого был не прост. Ею невозможно было манипулировать. Она умела отстаивать себя, свои идеалы. И при этом обаятельная женщина с васильковыми глазами своим талантом исследователя могла растопить сердце самого сурового оппонента. Так, молодой литературовед очень точным и проникновенным погружением в ткань романа В. Юхнина «Алая лента», совершенно уникальной

Валерий Никитин,
Татьяна Кувшинская
Йошкар-Ола

ЮБИЛЕЙ Б.С. СОЛОВЬЕВА

6 июля 2015 года исполнилось 60 лет старшему научному сотруднику отдела археологии Марийского научно-исследовательского института Борису Степановичу Соловьеву.

Б.С. Соловьев родился в с. Медведево Медведевского района Марийской АССР. После окончания средней школы, учился на историко-филологическом факультете Марийского государственного университета (1973–1978 гг.). Будучи студентом, принимал участие в работах археологических экспедиций Г.А. Архипова, П.Н. Старостина, В.С. Патрушева, В.В. Никитина (Старший Ахмыловский, Нармонский, Усть-Брыскинский могильники, Ардинское городище, Баркужерские, Майданские поселения, разведки на территории Марийской АССР и Кировской области). Был активным членом археологического кружка МарГУ. Его научные доклады получили награды Урало-Поволжских и Всесоюзных студенческих археологических конференций, а дипломная работа «Культурные компоненты Старшего Ахмыловского могильника» – право публикации. После окончания университета проходил действительную службу в Советской Армии (1978–1980 гг.).

В 1978 г. Б.С. Соловьев навсегда связал свою судьбу с Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, где прошел длительный путь: лаборант, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, старший научный сотрудник. В 1984–1988 гг. под руководством крупного специалиста в области древней истории народов Волго-Уральского региона профессора Альфреда Хасановича Халикова заочно обучался в аспирантуре Казанского филиала АН СССР. В 1994 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Чирковская культура Среднего Поволжья (вопросы формирования)» в Удмуртском государственном университете.

Б.С. Соловьев является авторитетным специалистом по эпохе бронзы Волго-Камья, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки коллег на его статьи и монографии (более чем за три десятилетия научной деятельности им опубликовано свыше ста работ). Известный археолог С.В. Кузьминых (Институт археологии Российской Академии наук) в своей рецензии назвал монографию Б.С. Соловьева «Бронзовый век Марийского Поволжья» «прорывом в изучении эпохи бронзы лесной полосы Европейской России». Высокую оценку получили написанные совместно с В.В. Никитиным книги «Археологический атлас Марийской ССР. Эпоха камня и бронзы», «Поселения и постройки Марийского Поволжья. Эпоха камня и бронзы»; коллективная монография с международным участием «Каменные топоры балановской культуры (Чувашская республика)», соавторы Карпелан К., Кузьминых С.В., Михайлов Е.П. Им написаны разделы в коллективных трудах «Марийцы. Историко-этнографический очерк» и «Энциклопедии Марий Эл». Под его руководством подготовлено к изданию исследование «Балановская культура Марийско-Чувашского Поволжья», в создании которого помимо него принимали участие ученые Чувашии, Москвы, Финляндии. Готова к публикации монография по материалам раскопок уникального Усть-Ветлужского могильника эпохи бронзы. Б.С. Соловьев – участник многочисленных, международных, всесоюзных, всероссийских, региональных научных конференций, симпозиумов и семинаров.

Научные разработки Б.С. Соловьева внесли значительный вклад в решение узловых проблем первобытной археологии Среднего Поволжья. На основе полученных им новых обширных материалов была переработана концепция чирковской культуры, детализирован процесс ее формирования, уточнены исходные компоненты и хронология. Раскопки поселений эпохи поздней бронзы на территории Республики Марий Эл позволили высказать мнение о более раннем (конец второй четверти II тыс. до н. э.) появлении на Средней Волге прафинской культуры «текстильной» керамики. В настоящее время эта точка зрения, подкрепленная радиоуглеродными датировками, является общепризнанной. Исследования Б.С. Соловьева значительно расширили представления о сейминско-турбинском феномене, балановской культуре, процессах культурогенеза, контактах и хронологии сообществ бронзового века Волго-Камья. Много сделано для решения проблем контактов древних прафинских, индоевропейских и индоиранских народов региона во II тыс. до н.э.

С 1976 г. Б.С. Соловьев проводит полевые археологические исследования. Разведками на территории Республики Марий Эл, Чувашской Республики, Нижегородской области им открыто свыше 60, раскопано 20 археологических памятников эпохи бронзы – позднего средневековья: поселения Сосновая Грива, Удельный Шумец VII, Нижняя Стрелка IV, Галанкина Гора, Ясачное III, Ошутьяльское III, Сиухинское II, Юринская стоянка, могильники Мало-Кугунурский, Ново-Сюрбеевские I, II, Усть-Ветлужский, Лушморский и

другие. Неоднократно принимал непосредственное участие в полевых работах сотрудников отдела археологии МарНИИЯЛИ (Г.А. Архипова, Т.Б. Никитиной, В.В. Никитина, А.И. Шадрина) и других исследователей (П.Н. Старостина, В.С. Патрушева, Ю.А. Зеленеева).

Кроме плодотворной научной деятельности Б.С. Соловьев поддерживает активные связи с центральными и региональными научными учреждениями, вузами, являлся членом комиссии по сдаче кандидатских экзаменов, рецензентом дипломных работ и авторефератов, руководителем и оппонентом кандидатских диссертаций. Неоднократно принимал участие в региональных и всероссийских грантах, в том числе: «Археологическая карта Республики Марий Эл», «Бронзовый век Марийского Поволжья», «К истокам марийского искусства».

Многолетняя научная деятельность и значительный личный вклад в развитие науки Республики Марий Эл Б.С. Соловьева оценена «Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл» (2005 г.), «Благодарностью Государственного собрания Республики Марий Эл» (2010 г.). В 2015 году ему присвоено звание заслуженный деятель науки Республики Марий Эл.

Друзья и коллеги поздравляют Бориса Степановича с юбилеем и желают ему творческого долголетия и успехов в полевых исследованиях.

Галина Пунегова,
Алексей Мусанов
Сыктывкар

ЮБИЛЕЙ Е.А. ЦЫПАНОВА

15 июня отметил свой юбилей известный в финно-угорском мире ученый, заместитель директора ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН по научным вопросам, заведующий отделом языка, литературы и фольклора, доктор филологических наук, доцент Евгений Александрович Цыпанов.

Родился Евгений Александрович 15 июня 1960 г. в с. Визинга Сысольского р-на Коми АССР в семье служащих. В родном селе обучался в средней школе, по ее окончании в 1977 г. поступил на историко-филологический факультет Сыктывкарского государственного университета, в 1982 г. закончил его с отличием. Уже будучи студентом, Е.А. Цыпанов проявил себя серьезным и вдумчивым исследователем. Под руководством кандидата филологических наук В.А. Ляшева писал курсовые работы по актуальным вопросам коми языкознания, под руководством доктора филологических наук А.К. Микушева написал и успешно защитил дипломную работу о языке коми фольклора. После вуза молодой специалист без раздумывания решил попробовать себя в науке, поступил в очную аспирантуру Тартуского государственного университета (Эстония) на специальность «Финно-угорские языки». Е.А. Цыпанов искренне благодарен ученому Г.Г. Бараксанову, возглавлявшему в то время сектор языка ИЯЛИ, который посодействовал ему поступить в аспирантуру. В дальнейшем судьба распорядилась так, что он, успешно выдержав вступительные экзамены и став аспирантом, мог слушать лекции и получать необходимую консультацию у таких широко известных ученых, как Пауль Аристэ, Пауль Алвре, Эдуард Вяари, Юрий Лотман, Леонид Столович, Рем Блюм. Кроме того, ему посчастливилось быть учеником академика АН ЭССР, профессора П. Аристэ, который стал научным руководителем аспиранта из Коми и сыграл большую роль в подготовке молодого специалиста как ученого-лингвиста. В 1985 г. Е.А. Цыпанов успешно заканчивает учебу в аспирантуре и в январе 1986 г. начинает работать в отделе языка ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (ныне ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН) в должности младшего научного, с 1989 г. работал в должности научного сотрудника, с 1991 г. – старшего научного сотрудника, с 2003 г. – ведущего научного сотрудника. В 2007–2011 гг. заведовал сектором

языка института. В настоящее время является заместителем директора ИЯЛИ по научным вопросам.

В 1987 г. в Тартуском университете Е.А. Цыпанов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морфология причастий в коми языке». В исследовании основательно описал развитие и современное состояние партиципов коми языка, их специфические особенности с точки зрения формы, истории суффиксов, употребительности, семантической и темпоральной характеристик. В 2003 г. в Марийском государственном университете он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук «Грамматические категории глагола в коми языке», где изложил особенности диахронных изменений категорий глагола и дал подробную дескрипцию их функционирования в коми языке со стороны грамматической семантики и синтаксической дистрибуции. Диссертационные исследования ученого были высоко оценены специалистами в области финно-угорского языкознания.

Область научных интересов Евгения Александровича весьма обширна, это морфология, прежде всего семантика и синтаксис глагола в коми языке, лексика литературного языка, неология, социо- и этнолингвистика, а также тематические словари и учебники коми языка.

В отечественных и зарубежных изданиях Е.А. Цыпанов опубликовал свыше 400 научных, научно-популярных и учебно-методических работ. Среди них – ряд монографий: «Асшӧр кывсикасъяс коми кывйын» («Самостоятельные части речи коми языка». Сыктывкар, 1992; соавтор Г.В. Федюнева), «Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция» (Екатеринбург, 1997), «Коми гижан культура панысьяс» («Основатели культуры коми письменности». Сыктывкар, 2002; соавтор И.А. Плосков), «Грамматические категории глагола в коми языке» (Сыктывкар, 2005). Евгений Александрович является соавтором словаря новых слов и выражений «Выль коми кыввор. 1, 2 петас» («Новая лексика. Выпуск 1, 2». Сыктывкар, 1997, 1999; соавтор Л.М. Безносикова). Опубликовал тематические словари, препринты в серии «Научные доклады». Он один из основных авторов энциклопедии «Коми язык. Энциклопедия» (М., 1998), в которой помещены его статьи по вопросам грамматики коми языка, его истории и функционирования, а также по проблемам теории финно-угроведения. Е.А. Цыпанов принимал участие в подготовке фундаментального труда – академической грамматики коми языка «Онія коми кыв. Морфология» («Современный коми язык. Морфология». Сыктывкар, 2000), написал раздел о глаголе в коми языке, изучению грамматических особенностей которого посвятил много лет своей творческой деятельности.

Е.А. Цыпанов – активный участник международных конгрессов, всероссийских и зарубежных конференций по финно-угроведению, многочисленных межрегиональных и республиканских научных конференций, симпозиумов, форумов. Его часто приглашают в качестве докладчика на пленарные заседания, где он выступает с интересными докладами по наиболее актуальным

проблемам функционирования и развития коми языка, его взаимодействия с другими языками.

Е.А. Цыпанов является членом редколлегии журнала «Linguistica Uralica» (Таллинн), зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия), членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов, членом редколлегии сериального научного издания по сопоставительному языкознанию «Lähivõrdlusi Lähivertailuja» (Таллинн).

Научно-исследовательскую работу Е.А. Цыпанов успешно совмещает с преподавательской деятельностью. На протяжении ряда лет читал спецкурсы по проблемам грамматики и семантики глаголов в коми языке, а также по актуальным вопросам грамматики финно-угорских языков для студентов Сыктывкарского, Югорского и Тартуского университетов, преподавал практический коми и финский языки студентам вузов, учащимся Коми республиканской гимназии искусств при Главе Республики Коми. Два года преподавал курс коми языка для студентов, специализирующихся по финно-угроведению, в Хельсинкском и Туркуском университетах (Финляндия).

Евгений Александрович плодотворно работает над созданием учебной литературы и программ по коми языку и финно-угорским дисциплинам для высших и средних специальных учебных заведений республики. Им написаны и изданы учебники коми языка для желающих овладеть им как неродным: «Коми кыв: самоучитель коми языка» («Коми язык: самоучитель коми языка». Сыктывкар, 1992), «Рӧмпӧштан» («Зеркало». Сыктывкар, 1999; соавторы Л.А. Моторина, Ж.Г. Сизева), «Видза олан!» («Здравствуй!». Сыктывкар, 2007). Разработаны учебные книги для студентов, специализирующихся по финно-угорским языкам: «Финно-угорские языки: сравнительный обзор». Сыктывкар, 2009, 2010), «Перым-коми гижӧд кыв» («Коми-пермяцкий литературный язык». Сыктывкар, 1999). Е.А. Цыпанов является соавтором учебного пособия по истории Коми края «Коми нэм: чужан мулӧн да войтырлӧн история важ кадсянь ӧнія лунъясӧдз» («Коми эпоха: история родного края и народа от древних времен до современности». Сыктывкар, 2000; соавторы О.Е. Бондаренко, Т.М. Хорунжая). Своим опытом составления учебной литературы он охотно делится с коллегами – преподавателями вузов и учителями школ, ныне работающими над созданием учебных книг нового поколения.

Под руководством Е.А. Цыпанова подготовлены и защищены четыре кандидатские диссертации, в которых подвергнуты исследованию вопросы грамматики в диалектах и языках народов финно-угорской группы. Его ученики работают в научных центрах и высших учебных заведениях; следуя успешному опыту научной работы в аспирантские годы, продолжают самостоятельно изучать наиболее актуальные проблемы финно-угорского языкознания. Они благодарны своему учителю и наставнику, который сумел раскрыть в них талант исследователя.

Е.А. Цыпанов – активный пропагандист научных знаний. По вопросам функционирования коми языка в различных сферах общества часто выступает на республиканском радио и телевидении, публикуется на страницах коми республиканской газеты «Коми му» («Земля коми»). В тесном сотрудничестве с журналистами радио «Коми гор» («Голос коми») им подготовлен цикл радиопередач «Ва-коми» («Чисто на коми»), посвященный богатству и культуре языка коми. Хорошее владение другими финно-угорскими языками позволяет ученому серьезно заниматься переводческой деятельностью. Так, в различных изданиях вышли в свет в его переводах на коми язык произведения зарубежной литературы, как научной, так и художественной, а также фольклора. Кроме того, юбиляр – автор поэтических пародий на стихи коми поэтов, ряда юмористических и сатирических рассказов, опубликованных в коми республиканском юмористическом журнале «Чушканзi» («Оса»).

Е.А. Цыпанов принимает активное участие в работе Термино-орфографической комиссии при Министерстве национальной политики Республики Коми. На заседаниях комиссии обсуждаются злободневные проблемы использования коми языка в различных сферах общества, перевода экономических, политических, официально-деловых и других терминов, систематизации географических названий. По инициативе Евгения Александровича изданы специальные информационные бюллетени комиссии, словарь новых слов «Выль коми кыввор» («Новая коми лексика». Соавтор Л.М. Безносикова). На протяжении ряда лет ученый возглавлял Общество изучения Коми края.

За плодотворную научную деятельность и активную общественную работу юбиляр награжден многочисленными грамотами: Почетной грамотой УрО РАН (1999), Почетной грамотой Министерства по делам национальностей Республики Коми (2003), Почетной грамотой Республики Коми (2004), Почетной грамотой администрации МО «Город Сыктывкар» (2005), Почетной грамотой Министерства национальной политики (2010), Почетной грамотой РАН и профсоюза работников РАН (2012). Е.А. Цыпанов является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1999), лауреатом премии правительства Республики Коми в области образования (2004), имеет звание «Заслуженный работник Республики Коми» (2010), а также знак отличия Республики Коми «За безупречную службу Республике Коми» (2014).

Коллеги, друзья, ученики поздравляют Евгения Александровича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, успехов в творческой деятельности, исполнения всех замыслов. Кузь нэм да бур шуд Тiянлы, пыдди пуктана, Евгений Александрович!

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: История чувашской литературы XX в. Часть 1 (1900–1955 годы): коллективная монография / Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук; отв. ред. В.Г. Родионов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с.

Коллективная монография о чувашском литературном развитии 1900–1955 годов является первой частью обновленной и объемной истории чувашской литературы XX века, концепция которой была создана в Чувашском государственном институте гуманитарных наук группой чувашских ученых под руководством доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова в рамках Республиканской целевой программы «Культура Чувашии: 2010–2012 годы». Издание адресовано специалистам-филологам, преподавателям словесности и всем интересующимся литературой и культурой чувашского народа и народов урало-поволжского региона.

Монография не только продолжает, но и существенно дополняет, уточняет и переосмысляет историю чувашской национальной литературы. В теоретико-методологическом и конкретно-содержательном плане она развивает предшествующие опыты такого типа историко-литературных изданий Н.В. Васильева (Шубоссинни), Г.И. Комиссарова, М.Я. Сироткина, Г.Я. Хлебникова, В.Г. Родионова. Одновременно она представляет новую, соответствующую современному уровню отечественной филологической науки, концепцию истории чувашской художественной словесности, индивидуально-художественного творчества писателей и литературно-научной мысли XX в.

Рецензируемое научное издание (авторы В.Г. Родионов, Г.И. Федоров, А.Ф. Мышкина, И.Ю. Кириллова, Н.Г. Ефремова-Ильина, В.В. Никифорова, И.В. Софронова, Э.В. Родионова) является весьма важной работой, именно, в свете поиска новых подходов к описанию истории национальных литератур Поволжья. Методологические основы данной «Истории» опираются на классические труды Д.С. Лихачева, И.Г. Неупокоевой, современных исследователей литератур поволжского региона. При сохранении прежнего общественно-политического контекста, чувашская литература в данной монографии впервые включена в широкий контекст религиозно-философской и литературно-эстетической мысли чувашского народа.

Все это обусловило выбор отправных принципов для периодизации истории чувашской литературы. Чувашский литературный процесс первой половины XX в. представлен в монографии двумя эпохами: эпохой поиска национальной идеи (1900–1929 гг.) и эпохой канонизированного соцреализма (1930–1955 гг.). Каждая эпоха условно поделена на этапы. Первый период представлен такими этапами, соотносимыми с социально-мировоззренческими тенденциями эпохи «формирования этнокультурной нации чувашей» (с. 7): 1900–1908 годы, 1909–1917 годы, 1917–1922 годы, 1923 – конец 1920-х годов. Эпоха канонизированного соцреализма представлена следующими временными отрезками: конец 1920-х – 1930-е годы, 1940–1945 годы, первое послевоенное десятилетие (1946–1955 годы). Обзорные части глав, посвященные литературным эпохам и этапам, написаны докторами филологических наук, профессорами В.Г. Родионовым, Г.И. Федоровым и А.Ф. Мышкиной.

В обзорных статьях первой главы (автор В.Г. Родионов) определяющей для анализа литературного процесса становится следующая идея: «В истории чувашского народа и его литературы XX в. 1900–1920-е гг. действительно были эпохой подъема национального самосознания и поиска национальной идеи. В результате перехода чувашской нации от этнокультурного этапа к политическому формула-триада обогатилась новым содержанием (идеей коренизации и функционирования государственного языка, стремлением создания национальной системы образования и др.). Чувашская национальная идеология представилась в те годы в такой усовершенствованной модели: «чувашский (государственный) язык – национальная культура – национальное образование» (с. 11). Ключевой идеей обзорных разделов второй главы (авторы Г.И. Федоров и А.Ф. Мышкина) можно было бы считать следующую мысль: «Новый метод, привнесенный в национальные литературы из русской словесной культуры под прямым воздействием социально-политической системы, преобразовывал традиции, адаптируя соцреализм к национальным эстетическим требованиям и особенностям» (с. 299). В русле этих изменений прослежены взаимоотношения чувашской литературы и действительности, мировоззренческие и стилевые аспекты писательского творчества, жанровые процессы и т.д. Авторы монографии доказывают, что в условиях диктата соцреализма чувашская литература смогла сохранить национальное мировидение, а также оригинальные индивидуально-личностные творческие проявления, элементы модернистского эстетического сознания в прозе и поэзии.

В главах, соотносимых с двумя указанными эпохами, наряду с разделами, посвященными закономерностям литературного развития, обзору прозы, поэзии и драматургии, особенностям развития литературной науки, даются творческие портреты классиков чувашской литературы. В первой главе – это монографические разделы, посвященные непревзойденным мастерам чувашской прозы К. Иванову, Н. Шубоссинни, М. Сеспелю, С. Элгеру,

П. Осипову, во второй главе – И. Мучи, П. Хузангаю, В. Митте. Такая структура, несмотря на свою традиционность, остается весьма актуальной и востребованной в современном историко-литературном исследовании. Особенностью своей коллективной монографии авторы называют усиленное внимание «к творчеству писателей этноцентричного направления, эмигрантов (внутренних и внешних)» (с. 4), что, безусловно, соотносится с общей теоретико-методологической установкой исследования и также определяет его актуальность и научную новизну.

Литературный процесс в монографии анализируется в контексте динамики общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эстетического сознания, что дает возможность представить в единстве культурную, философскую и эстетическую составляющие чувашского этноса.

В обзорных статьях и портретах в разной степени реализовались такие основополагающие идеи, как «теоретическая история» и «диалог» (писателей, литератур), чрезвычайно важные для авторов «Истории» и актуальные для современного отечественного сравнительного литературоведения. Чувашская словесность сопоставляется с литературными феноменами других народов Урало-Поволжья. Встречаются весьма удачные сопоставления отдельных произведений мастеров художественного слова литератур народов региона и России.

Исследование проведено на русском языке и в контексте литературных явлений других народов Урало-Поволжья, что, безусловно, будет способствовать активному введению чувашского литературоведения в региональное и общероссийское научное пространство и определению реально значимого места чувашской художественной словесности в литературном сообществе страны.

Многотомная история чувашской литературы, частью которой является рецензируемая монументальная работа, призвана подробно и по-новому осветить важнейшие этапы исторического развития литературы чувашского народа. Полное ее издание, безусловно, станет крупнейшим достижением чувашских ученых современности. Несомненно, оно станет заметным явлением и всего урало-поволжского, российского литературоведения. Нужно отметить, что уже первая часть «Истории», увидевшая свет в 2015 году, открывает необычайно широкие возможности для сравнительных исследований, которыми заняты сегодня многие ученые Урало-Поволжья. Есть уверенность в том, что она будет способствовать активизации исследовательской мысли и в других республиках, актуализации проблемы обновления научной истории и других национальных литератур, в том числе и марийской литературы.

Раисия Кудрявцева
Йошкар-Ола

Рец.: Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Чебоксары, 2015. – 218 с.

16 октября 2015 г. в ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» на заседании диссертационного совета по специальности 10.02. 20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание состоялась защита кандидатской диссертации Оксаны Геннадьевны Рубцовой «Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук А.Н. Ракин и кандидат филологических наук М.Т. Ипакова, ведущей организацией – БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики.

Диссертационная работа выполнена на кафедре русского и общего языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Марийский государственный университет» под научным руководством доктора филологических наук доцента Л.А. Абукаевой.

Диссертация Рубцовой Оксаны Геннадьевны представляет собой сравнительное исследование одного из финно-угорских языков с несколькими индоевропейскими языками. В ней сопоставляются названия лекарственных растений в русском языке с аналогичными марийскими, немецкими и латинскими примерами. Несмотря на то что подобный опыт анализа фитонимической лексики имеется как в финно-угроведении, так и русистике, рецензируемая работа является новым словом в данной области, она относится к лингвистической типологии – к самостоятельной отрасли языкознания, рассматривающей степень близости языков независимо от их родства.

Рецензируемая диссертация имеет солидную материальную базу, достоверность которой не вызывает никаких сомнений. Личная картотека, составленная в процессе сбора фактического материала, содержит более 4000 научных, общенародных и диалектных названий лекарственных растений сопоставляемых языков. Они выявлялись методом сплошной выборки из самых различных источников: одно- и многоязычных лингвистических и

этимологических словарей, справочников лекарственных растений, электронных пособий сети интернет по фармакофитонимии. Сбор дополнительного материала по марийскому языку соискательницей осуществлялся непосредственно в полевых условиях. С этой целью с 2011 по 2014 г. было предпринято несколько экспедиционных поездок как на территории Республики Марий Эл, так и в Пижанский, Советский, Яранский районы Кировской области, а также в Мишкинский район Республики Башкортостан. В результате проделанной работы диссертантке удалось выявить ранее никем не зафиксированные марийские фитонимы *тӱжемшудо* 'тысячелистник обыкновенный', *ӱпшан шудо* 'мята перечная', *андыз вож* 'девясил высокий', *маскануж* 'пустырник обыкновенный', *ия шудо* 'плаун булавовидный' и некоторые другие.

Для достижения главной цели исследования в диссертации ставятся и решаются следующие задачи: 1) на материале отобранных для анализа названий лекарственных растений максимально полно определить инвентарь номинативных единиц, относящихся к рассматриваемой лексико-тематической группе, и подобрать аналогии в сопоставляемых языках;

2) исследовать закономерности процесса номинации во всех четырех языках;

3) установить мотивационные признаки, послужившие основой для обозначения лекарственных растений, и определить принципы номинации;

4) провести классификацию и сравнение лексического материала анализируемых разносистемных языков внутри данной лексико-тематической группы;

5) из выбранных фармакофитонимических наименований в разносистемных языках составить четырехъязычный словарь названий лекарственных растений.

Структура диссертации О.Г. Рубцовой соответствует основным целям и задачам исследования. Работа объемом в 218 страниц состоит из введения, двух глав, заключения, перечня словарей и справочников лекарственных растений, списка использованной научной литературы и трех приложений.

Во введении содержатся все необходимые для вводной части диссертации разделы, в них обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, указаны источники фактического материала, говорится о научной новизне работы, ее методологических основах, теоретической и практической значимости, перечислены публикации по теме диссертации, различного уровня конференции и симпозиумы, где излагались и обсуждались как промежуточные, так и окончательные результаты исследования.

Первая глава диссертации имеет название «Теоретические основы изучения фитонимической лексики». Она состоит из двух разделов: «История изучения фитонимической лексики в разноструктурных языках» и «Терминология номинации».

В первом параграфе первого раздела дается информация о состоянии дела по изучению фитонимической лексики в современных финно-угорских языках.

Содержащийся здесь материал свидетельствует о том, что соответствующая работа в этой области проводилась и проводится по всем группам финно-угорских языков: прибалтийско-финским, пермским, волжско-финским, обско-угорским. Сведения о степени изученности данного вопроса в венгерском языкознании не приводятся. Как показывают приведенные в диссертации данные, к числу работ, посвященных названиям растений в финно-угристике, относятся отдельные статьи, монографии и целый ряд диссертационных исследований. Подобного рода изыскания характеризуются тем, что они выполнены в основном в сравнительно-историческом и синхронно-описательном плане. Что касается типологических исследований, то к ним финно-угорские ученые начали проявлять интерес совсем недавно, свидетельством чему является и рецензируемая диссертация.

Показателем изученности фитонимической лексики автор диссертации считает, видимо, также наличие в том или ином языке различного рода словарей, причем как общелингвистических, так и специальных (ботанических, биологических). Особенно это видно в марийском языкознании, где якобы имеются достижения в области исследования названий растений, начиная с первой фиксации марийских слов в письменных памятниках XVIII века и кончая современными лексикографическими изданиями литературного языка и диалектов. На самом деле словари сами по себе какую-либо научно-исследовательскую цель не преследуют, они предназначены для фиксации тех или иных разрядов словарного состава и для лексикографической подачи этих разрядов в форме словарных статей без перевода или с переводом на другой язык. Подлинное изучение начинается лишь тогда, когда исследователь приступает к анализу соответствующей лексической системы и ее описанию, опираясь при этом на словари или другие имеющиеся письменные и печатные источники.

Во втором параграфе данного раздела речь идет о типологических исследованиях русского и немецкого языков, в том числе на материале флористической лексики. По словам соискательницы, во второй половине XX века появляется большое количество лингвистических работ по изучению этнических особенностей образной номинации фитонимов, по когнитивно-ономасиологическим исследованиям названий лекарственных растений, по структурно-словообразовательным и номинативно-мотивационным аспектам номинации экзофитонимов. В конце XX в. – начале XXI в. целый ряд работ посвящается диалектной фитонимии русского языка, например, калужских, псковских и елецких говоров и говоров Среднего Урала, Среднего Приобья и т.д. Что касается особенностей исследования флористической лексики немецкого языка, в диссертации отмечается, что она сравнивается не только с русской, но и с романскими и с некоторыми другими. Отдельных диссертационных работ по типологическому исследованию фитонимов латинского языка О.Г. Рубцовой обнаружить не удалось, поэтому в рецензируемой работе

приводится сопоставительный материал из «Этимологического словаря латинских ботанических названий растений» (авторы – Е.И. Светличная и Н.А. Толок) и «Латинского этимологического словаря» (автор – А. Вальде).

Таким образом, в разделе «История изучения фитонимической лексики в разноструктурных языках» содержатся сведения, кто, когда и как занимался изучением названий растений в финно-угорских и индоевропейских языках. Какие-либо теоретические положения здесь не рассматриваются. Поэтому следует признать, что содержание данного раздела названию первой главы «Теоретические основы изучения фитонимической лексики» не соответствует. Как правило, информация об истории изучения вопроса располагается не в основной части диссертации, а дается в предисловии или во введении. Нам представляется, что более уместно было бы поступить таким же образом и автору рецензируемой диссертации.

Во втором разделе первой главы обсуждаются теоретические основы номинации, разработанные как отечественными, так и зарубежными учеными во второй половине прошлого столетия и изложенные в двухтомной монографии «Языковая номинация» (1977). В разделе объясняются такие основополагающие термины, как тип номинации, прямая и косвенная номинация, первичная и вторичная номинация, естественная и искусственная номинация и т.д. Объясняется, что из себя представляет, с одной стороны, ономасиологический подход к проблемам номинации, а с другой стороны, семасиологический. Если представителями первого направления в понимании номинации в качестве отправной точки берется отношение реалия – смысл имени, то представителями второго направления смысл наименования рассматривается как способ вычленения и называния обозначаемого объекта.

Вторая глава «Принципы номинации фармаконимической лексики в разноструктурных языках» по объему намного превосходит первую, она занимает более ста страниц текста диссертации. Глава начинается констатацией положения о том, что закономерности номинативного процесса имеют универсальный характер и охватывают словарный состав любого языка вне зависимости от его типологических особенностей и генетической принадлежности. Далее раскрывается содержание таких категорий процесса номинации, как способ номинации, принцип номинации, тип номинации, мотивировочный признак, мотив, мотивема и т.д. Отмечается, что в лингвистической литературе встречается различная трактовка данных категорий. В своей диссертации О.Г. Рубцова придерживается такой точки зрения, согласно которой, мотивема – это обозначение класса гомогенных мотивов. Мотив же является конкретным воплощением мотивемы.

Исходя из определенного набора мотивем, присущих для системы названий лекарственных растений, вся совокупность рассматриваемых фитонимов распределяется по 11 группам: 1) названия с мотивемой «Применение в медицине», 2) названия с мотивемой «Бытовое использование», 3) названия с

мотивемой «Вкус и запах», 4) названия с мотивемой «Внешний вид растения», 5) названия с мотивемой «Место и условия произрастания», 6) названия с мотивемой «Время цветения», 7) названия с мотивемой «Цветообозначение», 8) названия с мотивемой «Фаунистическая лексика», 9) названия с мотивемой «Народные поверья, суеверие», 10) названия с мотивемой «Религиозные представления», 11) названия с мотивемой «Антропонимы». Следует отметить, что каждая из перечисленных групп обладает разным количеством видов обозначаемых растений. Так, например, 3 группа состоит из 18 видов растений, 4 группа – из 74 видов, 5 группа – из 23 видов, 6 группа – из 6 видов и т.д.

Некоторые группы подвергаются внутренней классификации с выделением в их составе нескольких подгрупп. Так, в группе с мотивемой «Применение в медицине» анализируются следующие подгруппы: 1) фитонимы, выражающие универсальность применения в медицине, 2) фитонимы, указывающие на кровоостанавливающие свойства растений, 3) фитонимы, обозначающие цель лечения, 4) фитонимы, содержащие название определенного больного органа, 5) фитонимы, указывающие на болезнь, от которого лечат данным растением, 6) фитонимы, отражающие неправильное использование растения и его негативные свойства, 7) фитонимы, определяющие лекарственную форму растения. В группе фитонимов с мотивемой «Бытовое использование» выделяются три подгруппы.

В восьмую группу, обозначенную автором диссертации «Мотивема «Фаунистическя лексика», включены фитонимы, образованные с помощью названий животных, причем как диких, так и домашних. Данная категория названий растений не только рассматриваемых в диссертации языков, но и многих других, например, коми-зырянского, имеет в своем составе названия высших и низших животных почти всех классов – млекопитающих, птиц, рыб, насекомых. Содержащиеся в группе примеры свидетельствуют о том, что эти зоонимические компоненты в составе фитонимов отличаются полифункциональностью, указывают на различные свойства и признаки обозначаемых ими растений и выражают не одну, а множество мотивем, например, морфологические особенности объекта номинации, окраску, место произрастания, использование в качестве корма для животных, съедобность или несъедобность, применение против вредных насекомых, внешнее сходство какой-либо части растения с соответствующей частью тела животного, размеры, величину растения, запах, издаваемый тем или иным растением, совпадающий с запахом животного и т.д. Фитонимы с зоонимическим компонентом отличаются от других названий растений, выражающих те же самые мотивировочные признаки, как правило, тем, что имеют переносную семантику. Следовательно, названия животных в системе фитонимов являются лексическим средством выражения множества мотивем и их квалификацию в качестве группы с одной мотивемой следует признать ошибочной. Данная ошибка обусловлена, видимо, несоблюдением единого принципа классификации анализируемого материала.

То же самое относится, вероятно, к группе под названием «Мотивема «Антропоним», где возникновение соответствующих названий растений связано с именами мифологических персонажей и героев легенд и преданий, т.е. собственные имена здесь выступают опять же в качестве средства выражения тех или иных мотивем.

Выводы, содержащиеся в заключительной части диссертации, убедительны, они отражают суть рассмотренных в основных разделах исследования проблем. Большую ценность представляют приложения к диссертации, оформленные в виде таблицы и диаграммы под названием «Представленность мотивем в фитонимах исследуемых языков», а также Краткого четырехъязычного словаря фитонимов. Словарь включает в себя обозначения для 54 видов травянистых и кустарниковых растений, подавляющее большинство которых относится к дикорастущей флоре. Он состоит из четырех колонок. В первой из них расположены латинские названия растений, во второй – русские, в третьей – марийские, в четвертой – немецкие. С помощью приложений усиливается степень наглядности рецензируемого исследования.

Исходя из содержания диссертации О.Г. Рубцовой, убеждаешься в том, что работа является самостоятельным научным исследованием, обладающим актуальностью и научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автореферат и 16 опубликованных работ по теме диссертации (6 из них вышли в изданиях, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки РФ), а также «Краткий четырехъязычный словарь фитонимов (на материале латинского, русского, марийского и немецкого языков)» отражают основные положения диссертации. В качестве положительного момента надо отметить и то, что по результатам исследования сделаны доклады на 6 научных конференциях различного уровня.

Однако наряду с достоинствами в тексте диссертации имеются и определенные недостатки. К числу отмеченных выше ошибок следует добавить повторы в одном и том же или в соседних абзацах. Например, повторы на с.23: «в своих **статьях рассматривает**», «**статья** М.М. Калямшина», «авторы **статей рассматривают**»; на с. 24: «первые **исследования** фитонимов», «**исследователями**-финно-угроведами», «для дальнейших **исследований**», «**исследования** флористической лексики», «число лингвистических **исследований**», «интерес к типологическим **исследованиям**».

Не являются украшением текста диссертации словосочетания типа *в **языковом** строительстве марийского **языка*** (с. 22), а также некоторые непонятные слова наподобие *наличие бурых **сосуров*** (с. 92). В фитониме *пасощья* В.А. Меркулова якобы выделяет приставку *ра-* (с. 76), отсутствующую в приводимом примере.

Некоторые утверждения О.Г. Рубцовой не соответствуют действительности. В качестве доказательства можно привести следующие цитаты из текста диссертации. «Зооним *кошка* широко представлен в марийских фитонимах

котилапа, пырысчапашудо (мар. *пырыс* ‘кошка’, *чапа* ‘лапка; маленькая стопа ноги животных, птиц’; *шудо* ‘трава» (с. 105). «Зооним *змея* и орнитоним *ворона* встречаются во многих фитонимах, в большей степени в марийском языке. В основе марийских фитонимов *кишкевуч, коракпуч* (мар. *кишке, кышке* ‘змея’, *карак* ‘ворона’, *вуч, пуч* ‘стебель’), используемых для номинации **дягиля**, прослеживается метафорическое сходство длинного полого ствола реалии с зеленым телом змеи или с полым стволом пера птицы (вороны)» (с. 105). Как видим, в составе приведенных марийских примеров употребляются не русские слова *кошка, змея* и *ворона*, а собственные зоонимические компоненты.

Отмеченные нами недостатки и ошибки в диссертации легко устранимы и не снижают общей положительной оценки рецензируемого исследования. В целом работа О.Г. Рубцовой «Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)» выполнена на должном научном уровне, она может послужить примером для аналогичных сравнительно-сопоставительных исследований других лексико-тематических групп словарного состава.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

ХРОНИКА

XV ИГНАТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

21–22 мая 2015 года в г. Козьмодемьянске состоялась Международная научно-практическая конференция «XV Игнатьевские чтения: Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья». Идея проведения ежегодных республиканских конференций «Игнатьевские чтения» принадлежит доктору филологических наук, профессору Л.П. Васиковой (1927–2012). Первая конференция состоялась в 2001 году, тема которой «Горные марийцы на рубеже веков» была посвящена вхождению горных мари в состав Российского государства. Юбилейная конференция проводилась в рамках года литературы в России и 120-летия со дня рождения автора первого марийского романа Никона Васильевича Игнатьева.

Для участия в конференции было заявлено около 200 человек. Это ученые из вузов и научных учреждений, учителя, работники культуры разных регионов России и зарубежья (Марий Эл, Карелия, Мордовия, Нижний Новгород, Удмуртия, Татарстан, Чувашия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Австрия, Венгрия, США, Финляндия, Эстония).

Научный форум открыл председатель оргкомитета, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М.З. Васютин, который выступил с приветственным словом. В адрес конференции также поступили приветствия Министерства науки и образования Республики Марий Эл, Представительства МИД России в г. Йошкар-Оле, Межвузовской научно-исследовательской лаборатории по изучению духовной культуры тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона Башкирского государственного университета (г. Уфа).

На пленарном заседании выступили Гаврилов Николай Никандрович, к.филос.н., доцент Марийского государственного университета, Юлия Куприна, докторант, проектный исследовать Хельсинкского университета, Сильдушкина Надежда Евстафьевна, аспирант Российского государственного пед-университета им. А.И. Герцена.

На заседаниях 11 секций и «круглого стола» были обсуждены актуальные проблемы лингвистики, литературы и фольклора, истории, образования, культуры и искусства. Важное место в работе конференции заняли вопросы, связанные с составлением учебников на родном языке, духовно-нравственным воспитанием учащихся. В докладах также были затронуты темы о Великой Отечественной войне, о коллекциях горномарийского костюма в музеях Финляндии и России.

Подводя итоги конференции, можно отметить, что она прошла плодотворно, все выступления были весьма содержательными. На заключительном пленарном заседании был заслушан отчет руководителей секций и приняты следующие рекомендации:

– составить и издать альбом, посвященный Игнатьевским чтениям;

– расширить исследования по теме «Марийцы – в системе европейской культуры»;

– Марийскому книжному издательству издать собрание сочинений Н. Игнатьева на русском языке;

– создать фонохрестоматию горномарийской народной музыки для обучения учащихся 1–8 классов в детских музыкальных школах.

После закрытия конференции участники посетили музеи г. Козьмодемьянска и Горномарийского района.

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

С 17 по 21 августа в г. Оулу (Финляндия) состоялся XII Международный конгресс финно-угроведов. Оулу, после Хельсинки (1960), Турку (1980), Ювяскюля (1995), четвертый финский город, который принимал большой научный форум. Спонсорами конгресса были посольства Финляндии, Венгрии, Эстонии, Фонд Коне, Финно-угорский культурный фонд и университет г. Оулу.

Конгресс открыл президент XII Международного конгресса профессор Харри Мантила. В течение пяти дней было прослушано семь пленарных докладов. Один из них сделан представителем Российской Федерации – заместителем директора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук доктором филологических наук Евгением Цыпановым. Тема его доклада – «Модифицированная модель лингвоэтногенеза пермян».

В конгрессе участвовали ученые из 21 страны, их количество доходило до 400 человек. В рамках конгресса работало 19 симпозиумов, где было сделано 165 докладов. Также работало много секций, на которых прозвучали 111 докладов. На форуме активное участие принимали представители финно-угорских регионов России: Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Карелия, Республики Коми, Удмуртской Республики, Ханты-Мансийского автономного округа. Немало ученых приехало из таких крупнейших российских научных центров финно-угроведения, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.

Тезисы докладов изданы отдельным сборником, также на сайте конгресса имеется их электронный вариант.

В вечернее время участников конгресса ожидала интересная культурная программа. В первый день форума исследователи ознакомились с фотовыставкой Леннарта Мери о финно-угорских народах. Была организована выставка научных книг, изданных в период между двумя конгрессами. Российские финно-угорские регионы также представили свою научную продукцию. Во второй день состоялся большой концерт. На живописном месте в окрестностях г. Оулу был дан торжественный ужин, на котором участники конгресса могли попробовать национальные финские блюда, одновременно они могли ознакомиться с финскими народными песнями и танцами.

19 августа после завершения работы симпозиумов и секций состоялось заседание Международного комитета по организации Международного конгресса финно-угроведов. На нем присутствовали пять членов из России:

Анатолий Ракин (Сыктывкар), Татьяна Девяткина (Саранск), Евгений Цыпанов (Сыктывкар), Олег Сергеев (Йошкар-Ола), Алексей Загребин (Ижевск). На заседании профессора Удмуртского государственного университета В.К. Кельмакова перевели в почетные члены Международного комитета конгрессов финно-угроведов. На его место действительным членом Комитет финно-угроведов Российской Федерации рекомендовал избрать доктора филологических наук Удмуртского государственного университета Н.В. Кондратьеву. Члены Международного комитета единогласно проголосовали за предложенную кандидатуру. На этом же заседании национальные комитеты представили свои кандидатуры в состав Исполнительного комитета по подготовке очередного конгресса. Российскую Федерацию, как и раньше, в нем будут представлять Анатолий Ракин и Олег Сергеев (заместитель).

Местом проведения следующего XIII Международного конгресса финно-угроведов определен г. Вена (Австрия), форум состоится в 2020 г. Президент будущего Конгресса Йоханна Лааксо поблагодарила Комитет за принятое решение, заверив, что Институт финно-угроведения г. Вены предпримет все возможное, чтобы обеспечить успешное проведение будущего Конгресса.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ – МАРИЙЦЫ ТАТАРСТАНА ГЛАЗАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

8–17 июня 2015 года состоялась этнологическая экспедиция к марийцам Татарстана. Руководитель экспедиции Илдико Лехтинен – известный этнолог, доктор философских наук (по ее гранту состоялось это исследование). В экспедиции участвовал Д.А. Байдемиров – заведующий отделом этнографии Национального музея им.Т.Е. Евсеева и старший научный сотрудник этого отдела А.А. Айгузина, заведующая отделом этнологии Т.Л. Молотова МарНИИЯЛИ. Целью экспедиции был сбор полевого материала об особенностях духовной культуры марийцев данного региона и фиксация изменений, которые происходят в современных условиях глобализации. Анализ результатов исследования предполагается издать в книге, посвященной восточным марийцам.

В Татарстане по данным переписи 2010 года проживает 18848 марийцев, из которых в Казани – 3,7 тыс. марийцев, а в Набережных Челнах – 3,4 тыс. Они расселены в 10 районах преимущественно в северо-восточной части республики: Агрызский, Арский, Актанышский, Балтасинский, Елабужский, Кукморский, Мамадышский, Мензелинский, Менделеевский, Муслюмовский, Зеленодольский. Среди народов, населяющих Татарстан, марийцы на шестом месте. По топонимическим и археологическим материалам на территории нынешнего Татарстана марийцы жили издавна. Большая часть марийцев Татарстана относится к этнографической группе восточных марийцев. В ходе экспедиции были обследованы следующие марийские населенные пункты: Балтасинский (д. Улисьял), Кукморский (дд. Княгор, Поч Кучук, Старая Кня), Мамадышский (дд. Б.Шия, Каргали, Гришкино, Старый Черкас), Мензелинский (дд. Калтаково, Чупаево), Муслюмовский (д. Бикмесь), Менделеевский (дд. Мари Текашево, Карманково, с. Ильнеть), Елабужский (с. Старый Куклюк) районы Татарстана.

Сельские марийцы Татарстана хорошо владеют родным языком, что является важным фактором сохранения многих этнических черт, традиционной культуры и быта, обычаев и обрядов народа. Экспедиция началась с Балтасинского р-на (д. Улисьял) и завершилась в Кукморском р-не (с. Старый Куклюк). Деревня Улисьял – единственное марийское селение в Балтасинском районе, находящаяся недалеко от марийских деревень Арборской округи РМЭ, имеющая давние родственные отношения с ними. Поэтому традиционная культура этих марийских селений двух республик очень похожа. В конце XIX века в селе Ципья этого р-на часть населения составляли марийцы, как отмечал финский исследователь А.Хейкель. Но в настоящее время в этом селе татарское население

преобладающее. В средней школе этого села наряду с татарским, марийские учащиеся изучают и родной марийский язык. Около Улисъяла сохранилась и священная роща (*Юмын ото*), в которой три раза проводилось моление под руководством О.А. Третьякова. В топонимике района встречаются татарские селения с марийскими названиями (д.д. Нурма, Шешенер, Пижмара, Кугунур, Плагэнер и др), где население помнит о существовании старинных марийских кладбищ (чирмыш зираты) и культовых мест. Вероятно, марийское население подверглось влиянию ислама и постепенно превратилось в татар. Татарские исследователи А.Х. Халиков, Н.Б. Бурганова, Л.Ш. Арсланов утверждали, что часть марийцев в результате мусульманизации вошли в состав казанских татар.

У марийских селений Татарстана сохранилось немало культовых мест, где в прошлом совершались моления и жертвоприношения различной иерархии. В Татарстане около половины марийцев являются православными, остальная часть приверженцы традиционной религии (язычество – «*чи вера*»). Особенно хорошо культовые места сохранились в Кукморском районе. Так, марийские карты Моисей Япарович Ямбулатов, Леонид Александрович Искаков показали некоторые из них членам экспедиции. В марийской округе района сохранились следующие священные рощи: «*Масер ото, Кугӱсӧ ото (Поро кугу Юмын ото), Агарман ото*» (не действует). Роща «Ваштаган ото» предназначалась для обрядов и ритуалов, когда болели домашние животные, в жертву приносили зайцев, уток, гусей (*волык черланыме годым пуеныт мераҥым, лудым, комбым*). Самая почитаемая роща «*Масероmo*», где молились старейшине *Масеру* (*Курык кугыза, Масер коча*). Помнят и о поклонении родовым кереметам – *Мрасан керемет, Мултан керемет, Топкай керемет*. Особенностью традиционной религии здешних марийцев было то, что на некоторых усадьбах в конце сохранились родовые деревья, около которых проводились семейные моления, но в настоящее время не проводятся. Такие деревья мы зафиксировали на усадьбе ветерана труда Алтынай Сагитовны Садыковой 1922 года рождения, которая рассказала много интересного об истории д.Княгор. Она с молодости работала в данном селении в школе, заведующей библиотекой, завклубом.

Некрещеные марийцы Кукморского р-на выходят молиться в Кугӱсӧ ото 12 июля. В ней молятся 9 высшим богам – Великий Добрый Бог, Богиня земли, Бог определитель судьбы, Богиня достатка, Бог грома, Бог молнии, Бог Петр, Бог Масер (*Поро Кугу Юмо, Мланде Ава Юмо, Серлагыше Юмо, Перке Ава Юмо, Кӱдырчӧ Юмо, Волгенче Юмо, Петро Юмо, Масер Юмо – Масер коча*). Богу Масеру молятся как в роще «*Масер ото*», так и в «*Кугӱсӧ ото*». Существует древние традиции проведения молений. К молению нужно заранее готовиться, помывшись в бане в чистой одежде, с хорошими мыслями, ни в коем случае нельзя приходить на моление выпившим алкоголь. Перед началом моления делалась в роще символическая охранительная граница в виде округлой тропинки внутри рощи, по которой во главе с картами проходили все участники моления. В молениях участвуют и крещеные марийцы, а также в пантеоне марийских божеств присутствуют христианские божества (Святой Петр – *Петро Юмо*), что является свидетельством о синкретичности традиционной

религии марийцев. В настоящее время мало остается некрещеных, марийская молодежь старается креститься. В местах поклонения керемету в настоящее время не проводятся жертвоприношения. Еще в 80-е годы местные татары обращались к марийцам, если не было дождя. С этой целью проводилось моление в «*Масер ото*». 8 июня – приносили в жертву барана для вызова дождя. Если дожди не прекращались, то татары просили у марийцев провести обряд прекращения дождя перед сенокосом и уборкой, и тогда проводили моление 24 июля. Марийская традиционная религия – анимистическая вера обоготворения сил и явлений природы. Хранителями религии являлись жрецы (*авыз, онаен, карт, молла*), старики, которые передавали свои знания по наследству или обучали учеников-последователей. Однако мужчин жрецов не хватает и поэтому традиционные религиозные обряды проводят пожилые женщины, хорошо знающие молитвы, что было зафиксировано в Мамадышском районе.

Несомненно, этнографической удачей можно считать участие всех членов экспедиции в летнем молении «*Кӱстымаш*», которое было проведено у деревни Мари Буларово Мензелинского района 14 июня, которое проводилось по всем традиционным канонам. Молением руководил Валерий Репинович Галлеев 1979 года рождения, родом из д. Мари Суксу Актанышского района, помогал ему начинающий карт Н.Н. Николаев из деревни Бикмесь Муслюмовского р-на. На летнее моление собрались родственники, друзья Ю.Г. Апсатарова, который

Участники экспедиции Д.А. Байдемиров, АА. Айгузина, И.Лехтинен за работой у А.С. Садыковой 1922 г.рождения в д. Княгор Кукморского р-на. Фото Т.Л. Молотовой

пожертвовал белого барана. Моление проводили на месте старого мольбища, в качестве священного дерева «*онату*» была выбрана сосна в посадках. Членами экспедиции было подробно зафиксированы все обряды и ритуалы во время этого традиционного священнодействия.

В сохранении марийского самосознания большую роль играет сохранение марийских школ. Марийская школа – это свой микромир. В сельской местности школа – центр культурной жизни, функционирования всего сельского сообщества. Если школа закрывается, постепенно исчезает и поселение, поэтому в настоящее время так остро стоит вопрос о сохранении малокомплектных сельских школ. Как известно в Татарстане общественному объединению «Национально-культурная автономия марийцев Татарстана» во главе с О.А. Третьяковым удалось сохранить 3 марийские школы.

В том случае если дети из марийских школ будут обучаться в татарских школах, то преобладающим языком общения становится татарский язык. Знание татарского языка было во все времена у здешних марийцев необходимостью. В д. Большой Шие Мамадышского р-на здание новой школы построено в 2002 году, в ней обучается 33 человека, однако нас удивило приусадебное хозяйство, разнообразие овощных насаждений, цветов. Круглый год в школьной столовой учеников кормят обедами из продуктов школьного участка.

В Мамадышском районе существует еще 3 марийских деревни – Каргали, Гришкино, д. Старый Черкас. Экспедиция обследовала все эти деревни. Так, например, в деревне Каргали (*Корак сола*) в прошлом было 30 домов, в настоящее время осталось 7 домов. Раньше в деревне был магазин, клуб, а в настоящее время ничего нет. Маленькие марийские деревни подвергаются постепенному исчезновению. В деревне Гришкино (*Курык ял*)в основном проживает некрещеные марийцы в отличие от деревни Старый Черкас, где население крещеное. По свидетельству наших информантов в период крещения в деревне Гришкино старики не пустили православных служителей в селение, поэтому население до сих пор в основной массе относится к язычникам. У селения хорошо сохранились культовые места, где проводятся моления. Характерной чертой марийских селений этого района является то, что религиозными обрядами руководят пожилые женщины, хорошо знающие традиционные обряды. Они также проводят различные праздничные и семейные обряды (свадьбы, новоселье, похороны, поминки и др.), т.е. они практически исполняли и исполняют обязанности жрецов-картов.

В функционировании традиционных обрядов в марийских селениях различных районов Татарстана есть свои специфические особенности, которые проявляются не только в семейной обрядности, но и в религиозных ритуалах.

Большой удачей была возможность побывать на государственном празднике марийцев Татарстана «*Семик*» 13 июня в д. Калтаково Мензелинского р-на. Это очень важное яркое и запоминающееся событие, где участвуют марийцы не только из всех районов проживания в Татарстане, но и из других регионов России. Государственный праздник «*Семик*», несомненно, играет большую роль в укреплении самосознания и идентичности марийцев республики.

Экспедиция зафиксировала случаи превращения марийских деревень в татарские. Так, например, деревни Терпеле, Ямалы в Актанышском районе из марийских превратились в население, говорящее только на татарском языке, на марийском в этих селениях уже не говорят. Здесь мы видим примеры естественной ассимиляции, сама жизнь вынуждает не только хорошо знать татарский язык, но и знать культуру, традиции и обычаи этого народа, так как татары являются преобладающим и титульным народом Татарстана. В деревне Бикмесь Муслюмовского района марийское население также практически утратило родной язык и говорит по-татарски. Однако большинство жителей относят себя к марийцам, что связано с сохранением традиционной религии, и ее функционированием в современных условиях. С 2009 года в священной роще у деревни проводятся летние моления на марийском языке, где участвуют марийцы, утратившие родной язык. Моления проводят языческие жрецы – карты В.Галеев, Н.Николаев, Ю.Апсатаров.

Характерной чертой является и то, что в современных условиях постепенно исчезают традиционная обрядность, так, например, уже свадьбы по марийским ритуалам не проводятся, а заменяются на современные, городские формы проведения ритуала. Наиболее консервативными остаются религиозные и похоронно-поминальные обряды. В современных условиях проявляются и новые тенденции в проведении молений, нередко родственная группа проводит отдельное моление, куда приглашаются преимущественно родственники и иногда близкие друзья. Например, такие моления проводились в Мамадышском, Мензелинском, Муслюмовском районах приверженцами традиционной религии.

В истории марийской традиционной религии за более чем 2 десятилетия произошел качественный сдвиг: были созданы и зарегистрирована религиозная организация, официально проводятся моления различных статусов. Приверженцы традиционной религии могут открыто выражать свои духовные потребности. Все эти процессы, связанные с традиционной религией сыграли большую роль в духовном самосознании марийцев. С начала 90-х годов они открыто стали проводить языческие моления и жертвоприношения. Положительное значение для возрождения религиозных традиций марийцев Татарстана сыграло официальное признание язычества в начале 90-х годов XX века в связи с демократическими преобразованиями в обществе.

Несмотря на длительные процессы аккультурации со стороны различных конфессий и других народов, марийцы Татарстана сохранили и в современных условиях свою культуру, язык и религиозно-этнические особенности. Необходимо подчеркнуть, что у данных марийцев функционируют традиционные религиозные обряды. Из религиозных обрядов наиболее распространенными являются общинные деревенские и семейные моления.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола,
Илдико Лехтинен
Хельсинки

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айплатов Геннадий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ИФФ ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Долгополов Сергей Васильевич – младший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Ерошкин Юрий Витальевич – научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор ИФФ ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом истории МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Кувшинская Татьяна Леонидовна – лаборант отдела археологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Кудрявцев Алексей Николаевич – младший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ им.В.М.Васильева

Кудрявцева Раисия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Лехтинен Илдико – доктор философии, доцент Хельсинского университета

Лисовская Галина Константиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Мусанов Алексей Геннадьевич – кандидат филологических наук, зав. сектором языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Никитин Валерий Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Пунегова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, заведующий отделом языка МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Соловьев Анатолий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ИФФ ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Токпулатов Владимир Геннадьевич – младший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

CONTENTS

ARTICLES

Kazantsev D.Ye. Reduplication as one of ancient grammatical methods. 3
Tsypanov Ye.A. Modified model of lingual ethnic genesis of Permian. 17
Yeroshkin Yu.V. Peasant unrest on the territory of Mari region in period of War Communism. 31
Tokpulatov V.G. Projectibility as the main feature of Mari culture. 37

REPORTS

Kudryavtsev A.N. Tsarevokokshaisk local soldiers from 260th infantry Bratslavskiy regiment in Carpathians in winter 1915. 46
Koshkina O.A. The contribution of scientists of Mari Research institute in the study of the Great Patriotic War. 56
Solovyov A.A., Aiplatov G.N. European travelers about Mari region of XIX century. 63
Molotova T.L. Traditional rituals and rites connecting with the first year of life of child of Eastern Mari. 71
Dolgopolov S.V. About the time and pathways of comb-corded ceramics to forest Volga region (to the formulation of the question). 84

PERSONS

Sergeyev O.A. Chkhaidze Mikhail Pavlovich is a researcher of Mari language (to the 110th anniversary). 88
Sibatrova S.S. Anna Andreyevna Savatkova is researcher of native Mari language (to the 90th anniversary). 92
Lisovskaya G.K. «Don't extinguish a fire» (N.A. Burilova is 80). 96
Nikitin V.V., Kuvshinskaya T.L. Anniversary of B.S. Solovyov. 101
Punegova G.V., Musanov A.G. Anniversary of Ye.A. Tsypanov. 104

SURVEYS AND REVIEWS

Kudryavtseva R.A. Rev.: History of Chuvash literature of XX century. Part 1 (1900–1955s): collective monograph / Chuvash State Institute of Humanities; executive editor V.G. Rodionov. – Cheboksary: Chuvash publishing house, 2015. – 431 p. 108
Rakin A.N. Rev.: Rubtsova O.G. The names of medicinal plants in languages of different structure (on the material of Russian, Mari, German and Latin): Thesis submitted for the degree of candidate of Philology. – Cheboksary, 2015. – 218 p. 111

CHRONICLE

Fedoseyeva N.A. The XV Ignatyev reading. 118
Sergeyev O.A. The XII International congress of Finno-Ugric. 120
Molotova T.L., Lehtinen I. Ethnological expedition – researchers about Maris of Tatarstan. 122
Information about the authors. 127

«ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ», 2015, № 2 (54)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации пи № 77–5360

Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*
Редактор выпуска *Н.И. Сазонов*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-ола,
Ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
Т. Факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.Ru

Подписано в печать 10.12.2015. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 10,48. Тираж 300 экз. Заказ № 4160.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95